

Владимир Беляев

Граница В ОГНЕ

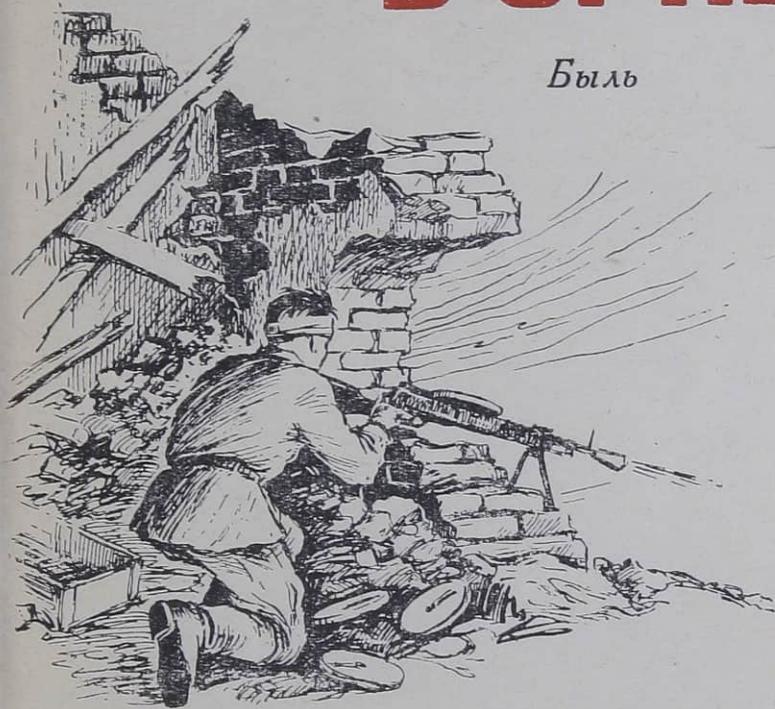
Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач _____

Владимир Беляев

ГРАНИЦА В ОГНЕ

Быль

Ивановское книжное издательство

1 9 5 8

54.

2010

1910

ОТ АВТОРА

Проезжая весной 1947 года лесами Сокальщины, я впервые услышал историю «Лопатинской заставы».

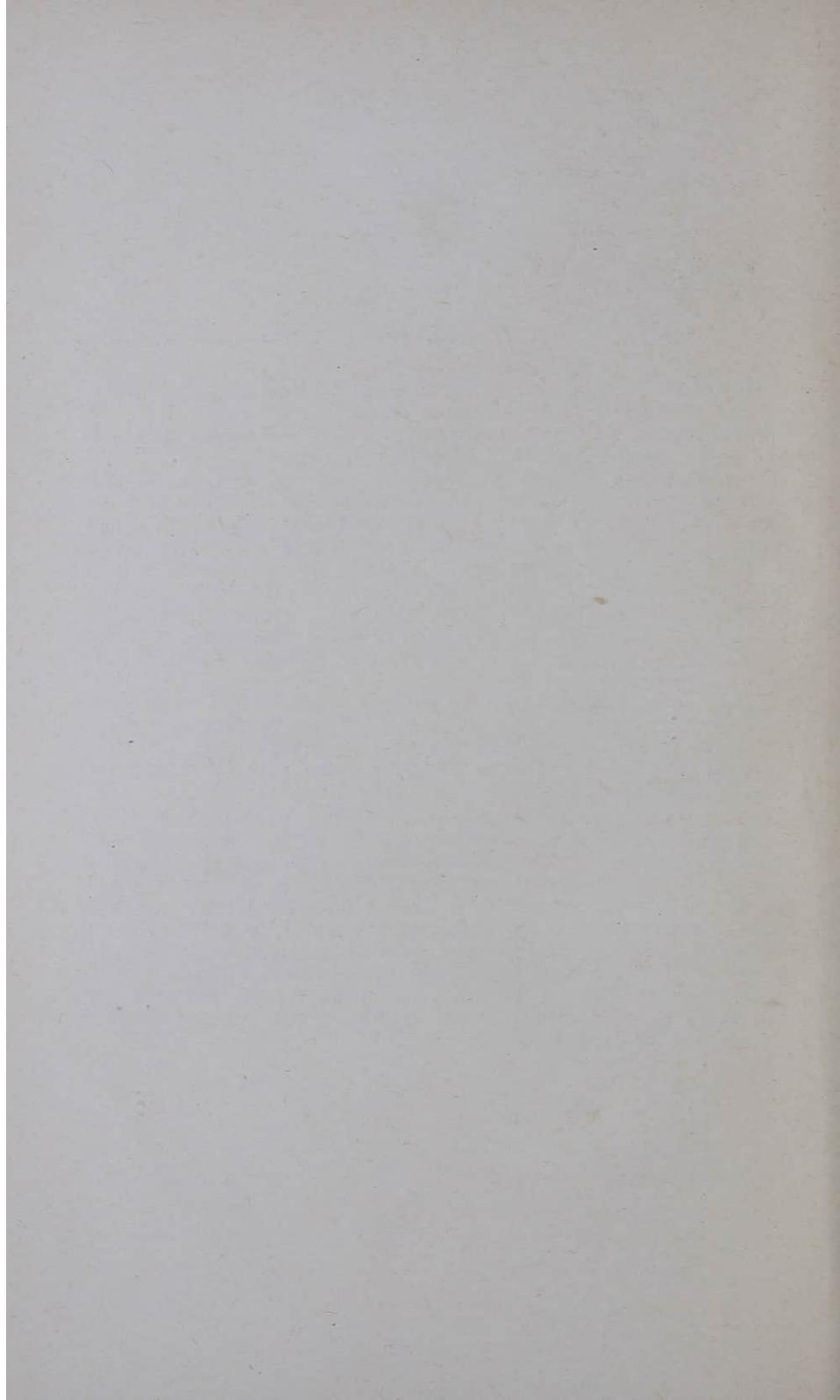
Мне рассказали о ней пограничники, пришедшие в эти леса вслед за Советской Армией в августе 1944 года.

От полковника Андрея Касперовича я узнал, что в Сокале еще живут некоторые участники сопротивления тринадцатой заставы. Я разыскал их, записал их воспоминания, беседовал с колхозниками Скоморох и окрестных прибужских сел. Ивановская областная газета «Рабочий край» помогла мне связаться с родными пограничников — уроженцев Ивановской области.

Но все это было еще полдела. Для того, чтобы выяснить обстановку, сложившуюся на западном участке советской границы в июне 1941 года, надо было, как говорят военные, иметь «сведения о противнике».

После долгих поисков в тогдашних лагерях для германских военнопленных мне удалось разыскать нарушителей советской границы, которые по приказу Гитлера на рассвете 22 июня 1941 года вторглись на земли Советской Украины, имея целью продвижение на Владимир-Волынский, Луцк, Дубно и Киев.

А со временем пограничники, встречавшие грудью удары врага на соседних заставах, помогли мне представить всю линию «пылающей границы» на еще большей территории рубежей Украины. Из всех этих рассказов и вещественных следов поведения советских воинов у Западного Буга и Сана в июне 1941 года — свыше пятнадцати лет назад — и родилась эта книга. В ней почти нет вымысла. Намеренно ограничивая себя во многом, стараясь быть как можно ближе к документальной исторической правде, я хотел рассказать читателю о неизвестных еще пока героях, которые первыми встречали вражеский удар гитлеровской военной машины на советской украинской земле.

1. ОЧЕНЬ СТАРОЕ ЭТО СЕЛО...

Поодаль от города Сокаля, в самом северном уголке Львовской области, там, где Западный Буг собирается поворачивать к Владимиру-Волынскому, на рубеже Галиции с зеленой Волинью раскинулось изрезанное оврагами и лощинами старинное украинское село с неожиданным для этих мест названием — Скоморохи.

Откуда взялось здесь, на пограничье с Польшей, такое славянское название?

Мы уходим мысленно в глубь восьми столетий, воскрешаем прошлое червенских городов. Перед нами вырисовывается боевая история Галицко-Волынского княжества, защищавшего, словно щитом, своими людьми от татарских набегов неблагоприятную Европу, и в памяти звучат чеканные строки блоковских «Скифов»:

Для вас века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы...

И в неповторимом быте прошлых веков Червонной Руси, мало отличавшемся от быта северных русских княжеств, возникают весельчаки-скоморохи, бродяжные люди, тешившие князей и сделавшие развлечение высоких

покровителей своим ремеслом. Вполне возможно, что группа таких бродяг-весельчаков и осела в древние века здесь, в излучине Буга, постепенно стала заниматься хлебопашеством, чередуя работу на земле с отхожим промыслом — развлекательством, тем более, что недостатка в княжеских дворах поблизости не было.

Юго-западнее, в старинном Белзе, сидел основатель Сокаля русский князь Симеон, поведший свои полки под Грюнвальд громить немецких крестоносцев. Княжескими столицами были расположенные в округе Холм, Владимир-Волынский, Луцк и, наконец, лежащий на юге, на буграх Расточья, на водоразделе Европы, седоглавый красавец Львов, основанный под Княжьей горой великим воином, дипломатом и собирателем червоннорусских земель князем Данилой Галицким для своего сына — князя Льва.

Кто знает, быть может, далекие предки нынешних обитателей Скоморох потешали в Львиграде и самого Данилу Галицкого в те трудные, решительные минуты раздумья, когда услышал он от гонца-татарина, прискакавшего из Золотой Орды, грозный приказ самого Батыя: «Дай Галич!»?

Но померкла на несколько веков в лихолетье новых нашествий, распрей и междоусобиц былая слава Червонной Руси. Спасенные некогда от монгольского ига храбрыми русинами и карпатороссами, польские короли поспешили набросить на эти земли свое ярмо, сделать их своими колониями. Потомки бродяг-весельчаков, жители Скоморох становились попеременно то собственностью польской короны, то крепостными различных магнатов. В конце прошлого, девятнадцатого века к богатым землям села протянул свои руки из Львова польский граф Владимир Дзедушицкий. Ему принадлежало здесь около семисот моргов полей, лугов и огородов и почти две тысячи моргов леса.

Однако ни плети графских гайдуков, ни соседство панского фольварка Ромуш, что появился неподалеку от села, не смогли уничтожить в народе воспоминаний о вере и происхождении его предков, о том, кому исстари принадлежала эта свободолюбивая земля. Не сумели уничтожить эти воспоминания и чугунные пограничные столбы с черными двухглавыми орлами Габсбургов. Они стояли поблизости от Скоморох до самого распада Ав-

стро-Венгрии на ее границе со старой, царской Россией.

Жители Скоморох упорно называли себя русинами-украинцами и, как ни старались заманить их в католицизм с помощью унии и привилегий, не хотели изменять славе предков. Даже в официальных изданиях конца прошлого века, которые выходили в Австрии, можно обнаружить справки о том, что в Скоморохах живет 643 русина, не пожелавших перейти в латинскую веру.

Может быть, в этом упорном сохранении давнего родства скоморошан со всей русской землей следует искать причины патриотического поведения жителей Скоморох и в те дни, когда Красная Армия осенью 1939 года освободила Западную Украину.

На землях, отнятых Советской властью у графа Дзедушицкого и помещика Пшевроцкого, крестьяне Скоморох организовали один из первых колхозов Львовщины.

А неподалеку от этого колхоза, над бывшим фольварком помещика Пшевроцкого, взвилось на шесте алое знамя — государственный флаг Советской державы.

Здесь, в старинном кирпичном здании с удивительно прочными сводчатыми погребями, расположилась тринадцатая пограничная застава. Люди ее гарнизона пришли на новую границу не только как воины. Они принесли сюда, на далекую и новую окраину Советского Союза, большой опыт мирного труда.

Возвращаясь после народов на границе, люди заставы часто захаживают в Скоморохи; они помогают молодым колхозникам хозяйничать коллективно на бывших графских землях. Эти молодые, никогда не унывающие здоровяки в советской военной форме довольно быстро стали желанными гостями в каждой украинской крестьянской хате.

Тринадцатой заставой командовал молодой офицер, уроженец Ивановской области, лейтенант Алексей Лопатин. Только в 1939 году он окончил Саратовское военное училище и приехал на Сокальщину вместе с женой Анфисой и старушкой-матерью. Впервые в жизни приходилось Алексею Лопатину командовать заставой, да еще на таком важном направлении.

Подтянутый, дисциплинированный командир Алексей Лопатин сумел довольно быстро привить людям своего гарнизона чувство священного воинского долга. Больше всего на свете люди заставы любили Родину, пославшую

их сюда, они чувствовали свою ответственность перед ней, перед многомиллионной страной, что раскинулась позади от Карпатских предгорий до берегов Тихого океана. Покой и счастье этой страны, светлую юность ее подрастающих граждан, мирный труд ее колхозников и рабочих они охраняли днем и ночью, готовые выполнить любой приказ своего командования. И человек, вручавший своим подчиненным время от времени такие приказы, лейтенант Алексей Лопатин был для них первым, с кого они брали пример.

Приятно было наблюдать его ровную, четкую походку, когда, затянутый в скрипучие ремни, он подолгу прохаживался по двору заставы, осматривал свежотрытые окопы, проверял настил блокаузов, где и как поудобнее расположить огневые точки так, чтобы соединенный огонь станковых и ручных пулеметов смог поражать возможного врага на дальних и ближних подступах к заставе.

Была ли уже такая острая необходимость во всех этих предосторожностях? Чувствовал ли он, Лопатин, начальник маленького гарнизона пограничной заставы, ставшей потом грозной крепостью, неминуемое приближение войны? Руководился ли он в своем стремлении укрепить тринадцатую заставу как можно лучше только требованиями устава или еще дополнительным чутьем опытного воина и политика? Надо полагать, что Алексей Лопатин хорошо понимал невозможность долгого мирного соседства с германскими фашистами. Он знал, что фашизм перестал бы быть фашизмом, если бы не стремился к захвату чужих земель, к покорению других народов. Лопатин знал также и то, что на новой советской территории, среди огромных масс населения Западной Украины, искренне благодарных Советской власти за свое освобождение, сохранились еще остатки немецкой «пятой колонны», уже давно существовавшей на этих землях на средства германского генерального штаба.

Однажды, когда Лопатин ездил из Скоморох во Львов, в Управление пограничных войск Украины, его полутчики, местные жители, подробно рассказывали ему, как в первые же минуты нападения гитлеровских войск на Польшу показала уши эта фашистская «пятая колонна». Немецкие военные разведчики, издавна жившие во

Львовые, сигнальными ракетами показывали летчикам «юнкерсов» и «хейнкелей», какие объекты им выгоднее всего бомбить.

Знали пограничники тринадцатой заставы и о том, что среди многих тысяч честных польских беженцев, хлынувших в Западную Украину из центральных районов Польши под защиту советских войск, могли оказаться и одиночки — замаскированные шпионы Гитлера. Они на все лады ругали фашистов, скрывая под этой удобной маской обиженных фашизмом людей тайные разведывательные цели «иностранного отдела войск Востока». Так «туманно» именовал себя нацеленный против СССР разведывательный отдел военной разведки германского генерального штаба, которым уже тогда руководил генерал Рейнгардт Гелен.

Чем сильнее укреплялась советская пограничная линия, тем труднее было вражеской агентуре, осевшей в ближнем советском тылу, поддерживать связь со своими хозяевами в Кракове и Берлине. Ходить туда в одиночку становилось все опаснее. Стремясь прорваться к своим покровителям, немецкие лазутчики собирались в шайки.

Однажды на рассвете, когда долина Буга была затянута молочным густым туманом, воспитанник Лопатина ефрейтор Михаил Конкин, неся службу в районе тринадцатой заставы, услышал шум у берега реки. Конкин подобрался ближе к берегу и увидел в расползающемся тумане, как вооруженная банда примерно в семьдесят диверсантов готовится нарушить границу. Оттуда, с немецкой стороны, уже подплыли резиновые лодки, высланные навстречу бандитам офицерами гитлеровской разведки.

Вооруженные до зубов бандиты прыгали в эти лодки. Давать сигнальную ракету, вызывать с заставы тревожную группу было уже поздно. Ефрейтор Конкин решает напасть на бандитов вдвоем со своим спутником по наряду, бывшим ивановским ткачом, ефрейтором Песковым. Оба они с громкими криками «ура» забрасывают нарушителей гранатами, расстреливают их почти в упор из только что полученных новых автоматов.

Появление из тумана советских пограничников в зеленых фуражках было неожиданным и страшным для украинских националистов. Роняя немецкое оружие, переворачивая лодки, прыгая с берега прямо в холодную

воду. реки, бандиты стремились как можно скорее переплыть Буг, уйти на другой, заволоченный туманом спасительный берег.

Очень многих своих агентов не дождался в то утро «иностранный отдел войск Востока» генерала Рейнгардта Гелена. Тринадцать трупов бандитов осталось на советском берегу. Еще больше унесла быстрая бужская вода.

Награжденные за свой подвиг медалями «За отвагу», пограничники Конкин и Песков уехали во внеочередной отпуск. Слава об их подвиге еще тогда, за несколько месяцев до июня 1941 года, укрепила боевой авторитет тринадцатой заставы и ее начальника, воспитывающего мужественных и опытных защитников границы.

Все они — командиры, бойцы и женщины маленького пограничного гарнизона — хорошо знали, как живет соседнее с заставой село Скоморохи, ходили туда и помогали своим опытным, своим добрым словом его молодому колхозу. Впервые в истории Скоморох простые люди, что разместились в соседнем здании панского фольварка, стали друзьями, советчиками и учителями для окрестных селян.

Так начиналась новая история села Скоморохи, на землях которого вскоре свершилось событие, затмившее своей значительностью и ослепительным сиянием человеческой доблести все остальное, самое памятное, что происходило здесь когда-либо и уходило корнями в глубь веков, в далекие княжеские времена.

Но обо всем, что совершили защитники славной тринадцатой заставы, надо рассказать по порядку.

2. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Около полуночи 20 июня 1941 года пограничники Давыдов и Зикин, проходя вдоль Западного Буга, услышали на другом берегу гул моторов. Осторожно пробираясь сквозь кусты, они сперва не обратили особого внимания на этот подозрительный шум. Когда же гул усилился и соединился с другими подобными же звуками, пограничники замедлили движение.

За Бугом ревели танки.

Тяжелый, надрывный гул заглушал пение соловьев под Черным лесом. Видимо, съезжая с платформ и раз-

ворачиваясь около железнодорожного полотна, танки скрежетали гусеницами. Их моторы ворчали при переключении скоростей. То и дело фары танков бросали тоненькие лучики света в нашу сторону.

— Опять маневры? — спросил Давыдова Зикин. — Не дает им Гитлер покоя даже ночью!

Был он простодушен и доверчив, этот рядовой боец заставы в Скоморохах. Товарищи по службе подтрунивали над Зикиным, называя его по-местному «господарем». Не раз весной, после нарядов, Зикин уходил в Скоморохи и помогал по хозяйству одному из местных хлеборобов. Он уезжал с ним в поле и там, сняв гимнастерку и разувшись, шел за плугом, уминая босыми ногами влажную, крепко пахнущую весеннюю землю. Пограничники посмеивались, что все это делается неспроста. «Дело вовсе не в том, что Зикин истосковался по работе на земле, — говорили они, — а всему виной красивая дочка господаря». Не раз на заставе поговаривали, что осенью, после демобилизации, Зикин женится на ней и останется «господарювать» в Скоморохах.

...Танки в польском Забужье ревели все сильнее. Давыдов ничего не ответил на шепот Зикина. Прислушиваясь к звукам, долетающим из-за рубежа, он решил немедленно после возвращения из наряда доложить о них начальнику заставы лейтенанту Алексею Лопатину, хотя ему и казалось, что ничего особенно нового и сверхъестественного в этом шуме не было.

Уже начиная с апреля 1941 года, гитлеровцы подтягивали к советской границе свои войска. С половины июня люди советского пограничья даже днем слышали отдаленную канонаду немецких тяжелых орудий. Все это фашисты называли «маневрами». В сообщениях германского информационного бюро говорилось, что, предохраняя части имперской армии от нападения английской авиации, а также желая дать им спокойный отдых после французской кампании, «командование отводит войска в отдаленные районы Восточной Польши».

Однако ночью 20 июня 1941 года рев танковых моторов в Забужье был особенно сильным.

Но ни старший наряда Давыдов, учитель в прошлом, ни его спутник Зикин, ни даже начальник пограничной заставы в Скоморохах Лопатин не могли тогда знать того, что стало известно позже.

Ночью 20 июня 1941 года в лесах Забужья, севернее Сокаля, разгружалась 11-я танковая дивизия немцев, только что прибывшая к советской границе из Вены на пополнение танковой армии фон Клейста.

Одиннадцатой танковой дивизией командовал назначенный на этот пост незадолго до ее передислокации генерал-майор Людвиг Крювель. Ранее, в «польскую кампанию», он был генерал-квартирмейстером. Весь путь от австрийской столицы до Черного леса на левом берегу Буга, севернее Сокаля, 11-я танковая дивизия совершила за двое суток. По дороге из Вены в вагонах эшелонов, перевозивших дивизию, среди офицеров и низших чинов распространяли слух, видимо, пущенный кем-то из командования с целью дезинформации. Смысл этого слуха был таков: «Дивизия предназначена для похода в Индию. СССР разрешил германскому правительству перебросить свои войска транзитом по советской территории для того, чтобы они могли вторгнуться в индийские владения англичан по суше».

Очевидная нелепость этого усиленно распространяемого слуха стала ясна, как только 11-я танковая дивизия начала скрытно располагаться в лесу, неподалеку от границы.

В ту же самую ночь, с 20 на 21 июня, едва только первые немецкие танки начали сползать на забужскую землю, генерал-майор Крювель приказал послать к мосту через Буг у Сокаля офицерскую разведку из приданного его дивизии 209-го саперного батальона.

Лейтенант Людвиг Дитц — смуглый немец из Бамберга, в прошлом инженер-строитель, — и командир саперного взвода лейтенант Вилли Андреас из Вюртемберга в сопровождении двух саперов поехали к мосту, ведущему в Сокаль, выполнять приказание генерал-майора Крювеля.

Немецкая пограничная охрана была уже предупреждена о приезде офицерской разведки. Когда Людвиг Дитц слезал со штабной машины, к нему подошел немецкий офицер с зелеными пограничными петлицами, Герман Радецкий, который отрекомендовался и посоветовал быть как можно осторожнее.

— У этих русских дьявольский слух. Будьте крайне внимательны. Не шумите! — предупредил Радецкий.

Измеряя крепления старого деревянного моста, вы-

ясняя со своими саперами, какой тоннаж мост может выдержать, Дитц старался действовать как можно тише.

Той же ночью, когда лейтенант Людвиг Дитц осматривал Сокальский мост, на всем протяжении границы к ранее сосредоточенным здесь фашистским войскам подходили новые дивизии. Двигались они скрытно, с наступлением рассвета прятались в селах, но от местного польского населения, жившего близ Буга, Солокии и Сана, не укрылось, что артиллерийские орудия, которые выкатывались на позиции и укреплялись в порядке «учебных маневров», почему-то все были обращены стволами в сторону Советского Союза.

* * *

Еще душистые табаки не раскрыли свои липкие стрелы, как из трубы заставской бани лениво потянулся к небу синеватый дымок. У входа в баню уже лежали заблаговременно нарезанные дневальными в рощице над Бугом свежие березовые веники.

В ожидании, пока в бане нагреется вода, свободные от нарядов пограничники убрали комнаты, подметали двор заставы, пололи бурьян в цветах. Каких только цветов не было на клумбах во дворе заставы: и пунцовые пионы, и огненные настурции, и пахучая метеола, и багровые гвоздики. А уже под самым каменным крыльцом главного здания, за длинной линейкой остролистных ирисов, стояли, как часовые, стройные мальвы. Застава утопала в цветах, и их пряные запахи растекались далеко вниз, на Карбовский луг.

В этот субботний день, после обеда, на Карбовском лугу заместитель политрука ленинградец Ефим Галченков принимал от бойцов последние оставшиеся нормы на значок ГТО по бегу и метанию гранат. Уже было решено, что в воскресенье 22 июня, в два часа дня, Галченков поведет всех физкультурников заставы на соседнее озеро, за селом Стенятин, и там они сдадут ему еще и нормы по плаванию.

Под вечер 21 июня на тринадцатую заставу из Владимира-Волынского вернулась с учебного сбора группа пограничников.

Приезжие занимали свои койки, укладывали около

них вещевые мешки, ставили в пирамиду новенькие автоматы ППД, только что полученные ими в отряде. И, как всегда по субботам, люди, возвращавшиеся из нарядов, получали у старшины чистое белье, мыло и торопились в легкий зной предбанника.

Разгоряченные, с лицами цвета спелой малины, пограничники перебегали из бани в заставу, и там их встречали звуки баяна. Многие уже успели отвыкнуть от этих звуков, пока Дмитрий Максяков был в столице древней Волыни. А сейчас он снова сидел на табурете в ленинской комнате, высокий, черноволосый, и, мечтательно устремив взгляд в одну точку, подбирал на баяне песенку «Синий платочек».

Максяков знал, что люди заставы его дожидались, соскучились по его музыке, и сейчас был поистине счастлив.

— Здравствуй, Максяков! — протискался в баянисту полный, краснощекий Косарев. На его широком лбу еще блестели капельки пота.

Максяков покровительственно кивнул Косареву головой и, зажмурив глаза, продолжал ловить упорно ускользящую мелодию песенки о синем платочке. Неповоротливый и медлительный Косарев потоптался около музыканта, зевнул (он не отоспался еще после ночного дежурства) и попросил:

— Сыграл бы лучше «Сербияночку», Максяков. Так давно не слышал. А то больно тоскливое что-то играешь!

Захваченный новой мелодией, которая так трудно ему давалась, Максяков отрезал:

— Я-то сыграю, а вот ты станцуешь?

Вокруг засмеялись. Все хорошо знали, что Косарев — один из самых отстающих бойцов — не то что плясать не умеет, но даже самую простую «скобку» на турнике не может сделать. В политзанятиях Косареву тоже не особенно везло. Часто он не мог ответить на заданный ему вопрос. В таких случаях, если Гласов от удивления разводил руками, он немедленно пускал в обращение свой довод: «Ничего, ничего, не смейтесь над Косаревым... Придет время, на деле докажу, каков я. От вас не отстану». Сейчас же, зная, что ответить Максякову, Косарев помахал молча на виду у всех мокрым полотенцем, как бы намекая, что его следует просушить, и потихоньку улизнул из комнаты отдыха.

Уже когда совсем стемнело, наряды пограничников, получив боевые задачи, отправились к Бугу. В 23 часа по направлению к реке пошел и начальник заставы Алексей Лопатин вместе с Ефимом Галченковым. Им предстояло обойти весь участок границы и проверить службу нарядов.

Молча прошли они луг, и узкая тропинка завела их в кусты. Тут Лопатин остановился, глянул на светящийся циферблат ручных часов и тихо сказал Галченкову.

— Сейчас будет возвращаться на заставу наряд Пескова. Давайте, проверим их.

Начальник заставы залег по одну сторону дозорной тропинки, Галченков — по другую, сразу же оба лежащих пограничника слились с окружающей их зеленью. Надобно было обладать поистине особым чутьем, чтобы обнаружить спрятавшихся под кустом людей. Вскоре на фоне звездного неба вырисовались очертания двух бойцов, идущих к заставе. В эту минуту Галченков пошевелился. Первый из идущих остановился, как вкопанный, вскинул автомат и сурово приказал:

— Стой! Пропуск!

Шумно вскакивая, лейтенант Лопатин ответил, а Галченков, когда наряд подошел вплотную, сказал весело:

— Таки учуял, Песков. Ну и слух же у тебя — позавидовать можно. Торопитесь, давайте, там уже баня по вас сучает...

Обе пары пограничников разошлись, и снова стало тихо на дозорной тропке, только монотонно пели свою вечернюю песню неугомонные сверчки.

* * *

Евдокия Гласова — жена политрука, полная, среднего роста, голубоглазая блондинка — в этот вечер запоздала в баню. Ей удалось помыться лишь после полуночи. Обвязав вафельным полотенцем мокрые волосы, она быстро пробежала в шлепанцах по росистой траве до своей квартиры и уложила спать дочку Любу.

Девочка заснула сразу же, и Гласова вышла на крылечко командирского домика.

От Буга тянуло прохладой. В кустах ивняка, над самой рекой, где залегли сейчас пограничные секреты, щелкали на разные голоса соловьи.

Из села Скоморохи доносились звуки мандолины. Потом вступила гитара. «Должно быть, у Захара Пеньковского», — подумала Гласова. Она знала, что к нему часто заходили пограничники поиграть на гитаре и мандолине и что Захар — представитель многочисленной фамилии Пеньковских, живущих в Скоморохах и окрестных селах, — не только радушно принимает гостей, но и сам учится от них новым, советским песням.

Кое-где в Скоморохах и в соседнем селе Ильковичах, расположенном слева от Карбовского луга, в хатах светились огоньки. Сегодня весь день колхозники этих сел везли из леса бревна для новых колхозных построек, которым предстояло вырасти на бывших землях графа Дзедушицкого, переданных крестьянам Советской власти. Возчики, в сумерках уже вернувшиеся в свои села, сейчас готовились ко сну.

Ярко светившиеся окна заставы слепили глаза Гласовой, и она ничего не могла разглядеть дальше десяти — пятнадцати метров. Но если бы вдруг погасли огни заставы, а жена политрука могла различать далеко в темноте, то, возможно, она увидела бы очень редкую церемонию одностороннего снятия границы.

* * *

Там, за Бугом, в полукилометре от заставы Скоморох, по всем правилам немецкого педантизма, министерство внутренних дел Германской империи передавало границу «государственных интересов рейха» вермахту¹ и его главному армейскому командованию. Министр Фрик сдавал границу главнокомандующему всеми вооруженными силами Германии фельдмаршалу фон Браухичу,

На всем протяжении границы в ту ночь немецкие пограничники в последний раз проходили пограничными тропами над Бугом вместе с германскими офицерами — представителями оперативных отделов «1-а» армейских батальонов, вместе с писарями, адъютантами командиров частей, подошедших скрытно и явно к самой линии границы.

После того, как акты передачи границы вермахту были подписаны и скреплены печатями, немецкие погра-

¹ Вермахт — вооруженные силы Германии.

ничники и таможенники покинули свои посты, дежурные помещения и уехали в глубь Польши, подальше от берегов Западного Буга, придавленных тяжестью расчехленных гаубиц, минометов и других орудий, повернувших стволы на восток.

В лесах, на просеках, в лощинах, просто на открытых полях от Перемышля до Усцилуга и тут, на стыке Галиции с зеленой Волинью, 21 июня, с наступлением темноты, а кое-где и раньше, был прочитан приказ Гитлера о том, что германская армия в 3.00 по летнему европейскому времени должна перейти границу и ударить по Красной Армии.

Командир 456-го пехотного полка, имевшего целью захват местечка Высоцке, Гетц выстроил свой полк побатальонно в восемнадцать часов 21 июня в двух километрах западнее Ярослава. Истолковывая солдатам приказ Гитлера, он говорил, что «Россия не выполняет условий договора с Германией», что она якобы «заключила союз с Англией», что «большевики угрожают наброситься на Германию».

12.512к
Все эти доводы были столь же смешны и нелепы, как и предшествовавший им слух о «походе в Индию через СССР». Но, приученные безоговорочно верить офицерам, отборные солдаты первой линии удара, приняв эти рассказы за истину, готовились к «прыжку через Сан». Улицы Грубешова и других пограничных городов немцы уже с вечера посыпали песком. В этот день возле Усцилуга, в направлении на Владимир-Волынский, в лесу и в прибрежных кустах застучали топоры немецких саперов. Гитлеровцы готовили паромы и наспех ремонтировали лодки, отобранные у польских крестьян. С помощью этих средств и резиновых надувных лодок германское командование намеревалось быстро перебросить на советский берег Западного Буга свыше трех корпусов войск, а также приданные им специальные части первого удара, имевшие целью двигаться на Владимир-Волынский, Луцк, Дубно, Киев.

* * *

То, чего никак не могла увидеть сквозь густую тень июньской ночи Евдокия Гласова, подсознательно чувствовал ее земляк-ивановец, боец тринадцатой

заставы Николай Сорокин, бывший слесарь ткацкой фабрики № 2 «Красный Профинтерн», сын старого рабочего из Вичуги.

Как и все бывалые пограничники, Николай Сорокин обладал исключительно хорошим слухом и наблюдательностью.

Уходя по ночам в наряд, Сорокин тоже слышал и ворчание немецких танков, и отдаленную канонаду проверяемых гитлеровцами тяжелых орудий, и, наконец, участвовавший стук топоров в Черном лесу, где немецкие саперы готовили паромы.

В памяти Сорокина запечатлелся густой хвостатый след, оставленный высоко-высоко в чистом небе самолетом «фокке-вульф». На глазах у всех этот немецкий разведчик пролетел в пятницу над советской границей, временами удаляясь к Тартакову и к Каменке-Струмиловой и, должно быть, фотографируя все то, что его интересовало. Следя за полетом «фоки», Николай Сорокин сказал своему товарищу по заставе Никитину:

— Ну, быть войне!..

* * *

Сейчас, когда Евдокия Гласова вошла в помещение заставы, Николай Сорокин, вешая себе на грудь новенький автомат, сказал ей:

— С легким паром.

Собираясь в наряд, он снял с пирамиды ракетницу.

Гласова хорошо запомнила, что перед тем, как перешагнуть порог и исчезнуть во тьме, Сорокин сказал ее мужу:

— Ох, и не хочется мне нынче к границе идти! Так сердце и ноет. Вот, товарищ политрук, никогда ни от какого задания не отказывался, а сегодня муторно на душе!

И что было особенно странно — Сорокин при этом улыбался. Его большое смуглое лицо, с глубокими глазами и раскрыльями черных изогнутых бровей, светило доброй улыбкой. Младший лейтенант Гласов, оборвав на минуту беседу с бойцами, поглядел на Сорокина и тоже улыбнулся, видимо, не придавая особого значения словам своего земляка. Да и как он мог поступить иначе? О человеке и бойце судят не по его ми-

нутым колебаниям, а по тому, как он справляется со своими заданиями. Ведь сам же Павел Гласов, приехав в прошлом году в отпуск на родину, сказал отцу Сорокина — Ивану Ивановичу, потомственному пролетарию Вичуги, что сын его Николай «хорошо несет службу и зорко стережет советскую государственную границу».

Правда, политрук Гласов не рассказал Ивану Ивановичу, где именно проходит эта граница, в каком селе расположена их застава, но и одних этих слов было достаточно для того, чтобы старик Сорокин искренне обрадовался. Он пригласил начальника своего сына к столу, долго беседовал с ним, расспрашивал, сколько же верст от Вичуги до Западного Буга, и потом не раз рассказывал соседям, что в «пограничные части, как сообщил ему политрук Гласов (уроженец деревни Филисово, лежащей близ Вичуги), отбирают самую лучшую, самую выносливую и надежную советскую молодежь». Прощаясь с Гласовым, Иван Иванович просил передать сыну, чтобы тот прислал свою фотографию.

Вскоре после приезда Гласова из отпуска Николай Сорокин получил увольнительную и сходил в Сокаль. Он снялся там у лучшего фотографа — подтянутый, опрятный, в новенькой выходной гимнастерке, в портупее, одолженной у товарищей, в только что полученной буденовке, с значком «Готов к труду и обороне» на груди. Правда, на его петлицах еще не было угольников, но старшина Клещенко, поглядев на фотографию, поощрительно сказал:

— Будь я начальником заставы, за одну такую заправочку сразу бы назначил тебя командиром отделения.

Старшина заставы Клещенко не грешил против истины. Во всем облике Николая Сорокина, в том, как спокойно, непринужденно держал он себя, в его внимательном и умном взгляде уже проглядывали черты будущего командира, требовательного к себе и к подчиненным.

* * *

После того как Сорокин ушел в наряд, Евдокия Гласова села на скамеечку, прислушиваясь к беседе мужа с бойцами. Она исподволь следила за каждым его движением, за его вздрагивающими густыми бровями и с удовольствием слушала его ровный и спокойный голос.

Беседа затягивалась, хотя был уже второй час ночи. Бойцы, окружавшие политрука, еще не спали после наряда и нет-нет да и позевывали, хотя каждому хотелось послушать веселого и общительного Гласова.

— Павлуша, светать скоро будет! Дай людям отдохнуть! — шепнула Гласова.

Услышав ее голос, политрук, разминаясь, поднялся с места и сказал:

— Максяков, возьмите у старшины ведомость и составьте список личного состава. Комендатура требует!

— Есть, составить список личного состава! — повторил Максяков и, уже менее официальным тоном, добавил: — Нынче день отдыха, я и напишу на досуге после обеда.

— Спокойной ночи, товарищи! — сказал Гласов, поглядывая на часы.

Стрелка приближалась к двум.

Ночь была на исходе.

— Хлопотун ты, Павлуша, — сказала Гласова, когда они проходили двором к командирскому домику. — Человек с учебы приехал, отдохнуть еще не успел, а ты его опять списками загружаешь. Уж лучше бы он сыграл нам по случаю воскресенья, а мы б потанцевали на лугу.

— А что я могу сделать, если ни у кого нет такого почерка, как у Максякова? А сыграть вам еще успеет! — также полушутя, примирительным тоном ответил Гласов.

...Люба крепко спала, разметав по подушке золотистые, как у матери, волосы. Рот ее был полуоткрыт.

Евдокия вскипятила на примусе кофе. Гласовы выпили по чашке кофе с белым хлебом и легли спать.

Черный усатый кот, играющий с мышью на атласном коврикe над кроватью, сразу расплылся в темноте, как только Павел Гласов погасил лампу.

Приблизительно в два часа ночи 22 июня, возвратившись с поверки нарядов, Алексей Лопатин вызвал к себе заместителя начальника заставы лейтенанта Погорелова и познакомил его с планом охраны границы. Днем лейтенант Лопатин собирался поехать в комендатуру и потому обстоятельно посвятил Погорелова во все подробности несения службы на Буге на ближайшие сутки. Убедившись в том, что его замысел понятен Погорелову, Лопатин ушел к себе отдыхать.

В три часа ночи пограничник Николай Аляпов, работавший поваром, держа в руках дымящуюся миску, вошел к Галченкову и сказал:

— Товарищ заместитель политрука! Завтрак готов. Снимите пробу!

Галченков едва одолел полную миску рассыпчатой гречневой каши, перемешанной с кусками тушеного мяса, и, убедившись, что завтрак всем придется по вкусу, поднялся в свою комнату...

...Уже после победы советского народа над гитлеровской Германией, начинавшей войну на этих же, бужских, рубежах, офицер Василий Зернов, вспоминая все, что происходило в тот день на их участке границы, рассказал историю, проливающую свет на события той последней мирной ночи в жизни советской страны.

Все послевоенные годы меня мучило и волновало то, что я услышал от Зернова.

Однако подлинный смысл услышанного раскрылся только летом тысяча девятьсот пятьдесят третьего года после разоблачения одного из самых опасных и коварных врагов нашей партии и всего советского государства.

Оказывается, ближе к полуночи двадцать первого июня тысяча девятьсот сорок первого года через линию границы в районе города Сокаль на советскую сторону перебежал немецкий солдат Альфред Лискоф. Он попросил немедленно доставить его к высшему начальству советских пограничных войск. Из Сокальской комендантуры Лискофа перебросили в ту же ночь на машине во Владимир-Волынский, где тогда находился штаб пограничного отряда.

Допрашивал Лискофа через переводчика начальник штаба капитан Зернов.

Волнуясь и поминутно поглядывая на большие стенные часы, что висели в кабинете, Альфред Лискоф отрекомендовался старым другом советского народа и сообщил, что в его части уже зачитан приказ Гитлера о нападении на Советский Союз. Лискоф считал своим долгом предупредить об этом «советских геноссе» и потому решил на такой шаг.

Немедленно все, что сообщил Лискоф, было передано по прямому проводу в Москву. Ввиду чрезвычайной важности сообщения, его принял непосредственно

человек, которому тогда была поручена забота о безопасности Советского государства, а в том числе и охрана его границ.

Выслушав ночное сообщение с украинской границы, этот человек отрывисто бросил:

— Чепуха!

Пограничный командир, передавший донесение, спросил, не надо ли усилить границу, принять дополнительные меры по ее охране и связаться с регулярными частями Красной Армии, что находились на ближних тылах.

— Не занимайтесь паникой! — прозвучал в ответ сухой и жесткий голос. — Это самая обыкновенная провокация. А вас уже предупредили — не отвечать на провокации. Подумаешь — поверили какому-то немцу, а его могло подослать гестапо. Никаких особых мер не принимайте...

...Такое указание на западную границу Украины в решающую ночь с двадцать первого на двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года дал Лаврентий Берия — старый сообщник такого же, как и он сам, замаскированного врага народа, тогдашнего посла СССР в гитлеровской Германии Деканозова.

...А через несколько дней, во время передачи сообщения Советского Информбюро от двадцать шестого июня тысяча девятьсот сорок первого года, стало известно, что:

«Немецкий солдат Альфред Лискоф, не пожелавший воевать против советского народа, перешел на нашу сторону. Альфред Лискоф обратился к немецким солдатам с призывом свергнуть режим Гитлера».

Так весь мир узнал фамилию честного сына германского народа, который переплыл Западный Буг для того, чтобы предупредить своих советских друзей о грозящей им опасности.

3. ПАМЯТНЫЙ РАССВЕТ

Разбуженная треском рвущихся невдалеке снарядов, Гласова увидела, что она одна.

Политрук после первого же выстрела помчался на заставу.

«Что это? Маневры? А может, взорвались боеприпасы?» — подумала Евдокия.

Падали на пол, разбиваясь на мелкие кусочки, оконные стекла. Сиреневый рассвет вползал в комнату вместе с кислым запахом пороховой гари.

Плакала, протирая кулачками заспанные глаза, Люба. За стеной, у Лопатиных, слышался надрывный голос жены начальника заставы Анфисы:

— Леня!.. Милый! Куда же?..

Они выбежали почти одновременно из командирского домика: Гласова с Любой и Анфиса Лопатина вместе с детьми и матерью мужа.

Пробегая по дворам к дому заставы, Евдокия вспомнила полные тревожного предчувствия слова Николая Сорокина. Вспомнила эти слова еще и потому, что увидела высоко в небе, там, на берегу Буга, на линии границы, ставшей отныне линией фронта Великой Отечественной войны, красные сигнальные ракеты. Николай Сорокин пускал их одну за другой до последнего дыхания. Он давал знать родной заставе о продвижении врага...

Рядом с Евдокией к зданию заставы бежала полуодетая Анфиса Лопатина, прижимая к груди месячного сына Толю. В свете наступающего утра и при вспышках разрывающихся снарядов Гласова видела, как, наклонив над мальчиком лицо, Анфиса силилась успокоить плачущего ребенка:

— Тише, тише! Мы же к папе идем!

Около бабушки, спотыкаясь и посапывая, молча переваливался трехлетний Славик Лопатин. Его ноги разъезжались по росистой траве, но он старался не отставать от старших.

Раскаты снарядных разрывов слились в один сплошной вой. Звенели бьющиеся стекла. Несколько окон здания вырвало вместе с деревянными рамами. Пылали крестьянские дома в Ильковичах и Скоморохах.

Гитлеровская артиллерия посылала снаряд за снарядом. Через несколько минут весь двор заставы и цветочные клумбы были покрыты густым слоем земляной и кирпичной пыли. В облаках пыли и порохового дыма пограничники занимали окопы и блокгаузы. Сержанты — командиры отделений — проверяли на ходу боеготовность своих людей.

Дальше всех от заставы, на частной квартире в селе Скоморохи, жила семья заместителя Лопатина — лейтенанта Погорелова. После первых же выстрелов лейтенант Григорий Погорелов — высокий, широкоплечий украинец из-под Кременчуга — вместе с группой бойцов помчался на первый фланг участка, к мосту около Ромуша. Там был наиболее ответственный объект охраны: мост через Буг.

Убегая к Ромушу, лейтенант Погорелов успел только крикнуть бойцу Никитину:

— Помоги моей семье!

Никитин нашел Евдокию Погорелову с дочкой Светланой у входа в крестьянский подвал.

— Пойдем со мной, Дуся! Схоронишься на заставе! — сказал Никитин и принял из ее рук завернутую в одеяло, дрожащую от испуга Светлану.

Погорелова ничего с собой из дому не взяла, только набросила на плечо автомат мужа.

Пробегая при нарастающем гуле немецких самолетов мимо церкви, мимо деревянного креста в память жертв Талергофа с выжженной надписью «Мученикам за Русь», Никитин, статный и удивительно спокойный боец-волжанин, напомнил Погореловой:

— А помнишь, как в пятницу, до войны, самолет дым пускал над заставой? Сорокин еще сказал тогда, что не зря он кружится здесь. Снимки, значит, к сегодняшнему утру делал!

Как быстро все-таки Никитин освоился с мыслью, что еще в пятницу был мир, а сегодня, в воскресенье, — военное время!

Одна за другой семьи пограничников прибежали к зданию заставы. Там они нашли только дежурного Зикина. Все остальные бойцы уже заняли круговую оборону. Зикин сразу направил женщин и детей в самый дальний блокгауз, расположенный в конце двора, позади хозяйственных построек.

— Вот умешь ты по тревоге одеваться, Дуся. А я

все бросила! — неожиданно нарушила молчание Погорелова.

— Ты еще одета ничего, а посмотри на Анфису — та совсем как на купанье выбралась: в лифчике да в трусах! — ответила Гласова.

— Ничего, детей устроим, сбегая домой за вещами! — откликнулась жена начальника заставы.

Она и впрямь скоро ушла, оставив на коленях у бабушки плачущего Толю. Славик пристроился под сыровой стеной блокауза. Каких-нибудь пять минут не было Анфисы, но все это время женщины, сидящие в блокаузе, думали о том, как пробирается она к своей квартире.

Совсем близко разорвался тяжелый снаряд. Сухая земля из наката посыпалась женщинам на волосы. В эту минуту в блокауз ворвалась бледная Анфиса. В руках она держала серое одеяло и две подушки.

— А платье где? Почему не взяла? — спросила Погорелова.

— Какое там платье! Я хотела постель сперва увязать, а тут ка-ак ахнет! Вазоны с окна швырнуло! А блеск какой! Баня наша уже горит, и вышку наблюдательную возле Ромуша немцы подожгли. Бойцы лошадей и коров выпускают, чтобы не задохнулись в дыму.

Сообщив эти печальные новости, Анфиса, тяжело дыша, уселась рядом с сыном, под стеной.

— Бедняга Потягайлов! — сказала Гласова. — Он сегодня с бойцом из маневренной группы на ту вышку пошел дежурить...

* * *

Недолго просидели женщины в дальнем блокаузе. Прямим попаданием фугасного снаряда разметало настил, и женщины увидели над своими головами вместе с клочками голубоватого неба дым пожаров. Совсем рядом ревели коровы. Мычание их сливалось с гулом самолетов.

В ходе сообщения показался Алексей Лопатин. Как всегда, начальник заставы был подтянут. Еще в военном училище он славился среди других курсантов роты подтянутостью и опрятным внешним видом. Недаром в характеристике, которую Лопатин привез с собой на

границу, была фраза: «Служит образцом строевой выправки». И сегодня, уже в бою, он не изменил своей привычке. Блестящая португеза плотно облегла его летнюю гимнастерку.

— Разворотило? — сказал Лопатин, оглядывая пробоину в накате. — А ну, женщины, перебирайтесь, пока подмога придет, в подвал. Там надежнее!

Повинуясь приказу, семьи командиров покинули блокгауз. Погорелова спросила Лопатина:

— Григорий мой где?

— Я послал его с людьми к мосту...

Вдали над Бугом пылала подожженная немецкими зажигательными снарядами наблюдательная вышка. Косматые языки пламени метались над ней. Страшно было сознавать, что на этих сосновых бревнах, в маленькой деревянной клетушке погибает в огне и дыму Потягайлов, веселый, разбитной пограничник.

Они расположились в полутемном подвале под надежными кирпичными сводами, рядом с кучами проросшего картофеля, сохраняющего еще запахи прошлогодней осени. Поодаль стояли влажные бочки с капустой и квашеными огурцами.

Гласова исчезла на несколько минут и притащила сверху какой-то матрац.

— Правильно, Дуся! — неожиданно услышала она голос мужа.

Политрук Гласов сбежал по ступенькам в подвал, огляделся в полутьме и сказал:

— Давайте и вы, женщины, тащите сюда вниз все постели и матрацы. Если будут раненные, мы их здесь расположим. Держи, Дуся, — сказал политрук, протягивая жене какие-то свертки. — Здесь масло и сахар. А это будильник. Я забежал домой... И ключ возьми от квартиры. Не потеряй, смотри...

Гулкий взрыв снаряда потряс весь дом до основания.

— Ключ уже не нужен, политрук, — сказала, отходя от окошка, Погорелова. — Вашу хату разбило снарядом!

— А ты, Анфиса, даже одеться не успела!

— Какая тут одежда! — равнодушно ответила Лопатина и, прислушавшись, вдруг вскрикнула: — Тише! Вы слышите?

В двух углах двора, в блокгаузах, соединенных со

зданием ходами сообщения, затрещали станковые пулеметы.

— Неужели фашисты? — прошептала Гласова, приседая на пол.

* * *

Да, это были фашисты!

Серые в расплзающемся тумане, они показались в двух направлениях со стороны Буга: от Илькович и с правого фланга, перерезая последние нити, связывавшие раньше заставу с ее соседями.

Сперва захватчики шли во весь рост, держа наперевес автоматы. Крестьянские гуси, выбежавшие на Карбовский луг из горящих построек, с гоготаньем убегали от шагающих солдат и проваливались в овраге Млынарки. Эта маленькая речушка (приток Западного Буга), огибающая высокий холм, на котором краснело здание заставы, была последним препятствием на пути захватчиков, идущих развернутым строем к холму.

Кое-кому из солдат, кто был попроворнее, удавалось догнать гусей. Не останавливаясь, они на ходу отрывали гусям головы и, прижав добычу к себе, шагали дальше. Их каски были украшены колосьями пшеницы.

Раньше всех открыл огонь из первого блокгауза Галченков. Рядом с ним лежал у пулемета москвич Герасимов. Как только первые вражеские солдаты стали валиться на мокрый луг, заговорил и станковый пулемет из левого блокгауза, расположенного ближе к Скоморохам. Там у «Максима» залегли старые, проверенные уже однажды в бою, неразлучные друзья — ефрейторы Конкин и Песков. Еще совсем недавно вся застава отправляла в Москву, в Кремль, низенького энергичного блондина Конкина. С ним вместе ехал в столицу за правительственной наградой опытный учитель служебных собак, бывший ивановский рабочий, ефрейтор Песков. Медали «За отвагу» поблескивали сейчас в полутьме блокгауза на гимнастерках боевых друзей.

* * *

Как только фашистские цепи наткнулись на огонь заставы, шедшие позади гитлеровцы в замешательстве побежали обратно к спасительной полоске утреннего

тумана. Фланговый огонь двух станковых пулеметов подсказал немецким офицерам, что взять заставу в лоб не удастся. Они решили оставить ее для подавления идущим сзади них главным силам.

Лопатин был доволен тем, что система обороны заставы, продуманная им до мельчайших деталей еще в мирное время, полностью оправдала себя в минуты вражеского нападения. После первой атаки на лугу перед заставой осталось свыше двухсот убитых фашистов. У многих из них в руках белели гуси с оторванными головами. Так, с мертвыми гусями в обнимку, пролежали они до темноты.

Лопатин воспользовался передышкой и вызвал к себе командиров отделения. Он сразу же произвел небольшую перегруппировку сил и укрепил новыми людьми правый блокгауз, который прикрывал все подходы к заставе на самом опасном направлении.

Ветер принес трескотню пулемета от железнодорожного моста за Ромушем. Туда пошел Погорелов. Что же произошло с ним?

Ракеты не взлетали из кустов, откуда еще так недавно звал к себе на помощь Николай Сорокин. Все кусты, закрывающие Западный Буг от гарнизона заставы, укрепившегося на холме, были теперь в руках противника.

...Все еще крутил ручку полевого телефона Зикин, но никто ему не отвечал. Провода, ранее соединявшие заставу в Скоморохах с соседними заставами и с комендатурой, были либо перерезаны, либо перебиты снарядами.

Воспользовавшись тем, что немцы повернули обратно, Лопатин подзвал к себе Василия Перепечкина. Это был смысленный боец и хороший конник.

— Скачи в Сокаль, найди Бершадского. Пусть шлет подкрепление! — приказал Лопатин.

Капитан Иван Варфоломеевич Бершадский был комендантом участка, и лейтенант Лопатин несколько не сомневался в том, что Бершадский, хорошо зная, на каком важном направлении расположена тринадцатая заставка, вышлет к ней бойцов из резерва.

Перепечкин поймал бродившую по двору и оседланную еще с ночи караковую кобылу, с ходу вскочил на нее и умчался ложиной на Ильковичи. Все, кто следил за его быстрым отъездом, даже женщины, засевающие в

подвале, были убеждены, что теперь-то подмога придет.

Ни Лопатин, ни весь подчиненный ему гарнизон не знали еще, что Сокаль очутился в полосе одного из главных ударов врага. Направление это в первой сводке Главного Командования Красной Армии было названо «Крыстинопольским». Сюда прорвались передовые части шестой армии Гитлера, поддержанные танками первой танковой группы.

За Ильковичами глухо била артиллерия. Может быть, это вступили в бой регулярные части Красной Армии?

...В это время лейтенант Григорий Погорелов вместе со своей группой пробирался крепостными рвами древнего княжьего города Прилуки к железнодорожному мосту у Ромуша. Рвы вывели пограничников в густой кустарник на мысе Шибеница. Когда лозняк кончился, Погорелов увидел около моста, на гребне железнодорожной насыпи, рогатые каски немцев. Лежа у пулемета, фашисты вели огонь по отделению, охранявшему мост.

Сейчас весь мост, по-видимому, уже был в руках врага. Под прикрытием станкового пулемета, ведущего огонь с насыпи, захватчики подползали к стрелкам отделения, прижимали их к лесу.

Не напрасно послал сюда лейтенанта Погорелова его начальник Алексей Лопатин. Мало того, что здесь был стык двух участков. Ведь по мосту фашисты могли в любой момент начать переброску своих главных сил, следующих за передовыми отрядами.

Погорелов надеялся, что возле моста ему удастся соединиться с бойцами соседней, двенадцатой заставы. Он прикидывал в уме, как все вместе они организуют оборону.

Когда группа пограничников приблизилась к цели, сердце Погорелова дрогнуло. На околице села Большие Джары, где раньше стояло здание заставы, подымался столб дыма. Остатки здания, разбитого в первые же минуты войны прямым попаданием зажигательных и фугасных снарядов, догорали. Под развалинами была погребена большая часть гарнизона заставы.

В то первое утро войны лейтенант Григорий Погорелов не знал известное автору этих строк последнее донесение с соседней, двенадцатой заставы. Начальник

двенадцатой Лукьянов передал его в 4 часа 12 минут в комендатуру по телефону:

«Сейчас немцы снова пытались переправиться через Буг. Огнем пулемета, стрелков, снайперов заставил немцев отойти от Буга...

Товарищ младший политрук! Снаряд попал прямо в мою квартиру... Там жена и только что родившийся ребенок...»

* * *

При виде догорающей соседней заставы лейтенант Погорелов понял, что теперь он может рассчитывать только на свои силы. Ему стало ясно, что весь участок до села Большие Джары был оголен. Возможно, только кое-где, застигнутые войной у берега, оставались дежурные наряды.

Таким образом, тринадцатая застава получила новую, дополнительную линию границы для охраны.

И самым уязвимым местом этой линии был железно-дорожный мост...

Подобравшись к мосту, Погорелов поднял своих людей в атаку.

Гитлеровцы не ждали нападения со стороны берега, который они считали очищенным. Увлеченные стрельбой, немецкие пулеметчики спохватились, когда было уже поздно...

Добивая гитлеровцев из автоматов, пограничники сбросили их с насыпи, и Погорелов сразу залег у тяжелого немецкого пулемета, поворотив его ствол в сторону моста.

— Ложись, подавай! — крикнул он бойцу Давыдову, но тут же заметил, что лицо у того залито кровью. Утирая рукавом гимнастерки кровь, Давыдов протянул лейтенанту пулеметную ленту. Рядом стрелял в гитлеровцев из автомата Виктор Мещанинов.

На противоположной стороне моста послышался конский топот. Расчищая дорогу главным силам, артиллерии и обозам,двигающимся на Порецк и Владимир-Вольинский, по мосту на рысях мчался полуэскадрон гитлеровцев.

Погорелов поймал в прорезь прицела голову офицерской лошади и нажал гашетку. Первая лошадь грузно споткнулась на досках моста...

Приблизительно в то же время во двор тринадцатой заставы со стороны скомороховского кладбища влетел на коне Василий Перепечкин. Был он взволнован и бледен.

Забыв, что немцы нет-нет да и ведут огонь по зданию из пулеметов со стороны Буга, Алексей Лопатин выскочил навстречу всаднику.

— Пробился? — крикнул начальник.

— В Ильковичах немцы! — спрыгивая с коня, доложил Перепечкин. Волосы его были растрепаны и припорошены пылью.

— Чего же не ехал через Стенятин?

— Там мотоциклисты ихние мчались шляхом мне наперерез. Я взял левее, чтобы вырваться на Сокаль по Тартаковскому шоссе, и там...

— Что там? — перебил его Лопатин.

— По шоссе из Сокаля на Тартаков идут танки. С крестами. Большой дот, что под Равщиной, огонь по ним ведет. Я видел, как снаряды разрывались на броне. Вот, слышите? — И показал рукой на юг.

Там слышался густой рокот танков, то и дело заглушаемый залпами лушек.

По шоссе на Тартаков мчались без остановки проскочившие Сокаль танки одиннадцатой танковой дивизии.

Впереди походной колонны немецких машин, в составе саперной разведки, ехал лейтенант Людвиг Дитц, который еще вчера ночью ошупывал крепление моста, ведущего из Забужья в Сокаль. От снаряда противотанковой пушки, ведшей огонь из бетонного дота, слева от дороги загорелся танк впереди машины, в которой ехал Дитц. Водитель подбитого танка, весь в пламени, вырвался из люка и, спрыгнув на землю, стал кататься по ячменю, стараясь погасить пламя. Остальные машины пытались проскочить мимо пылающего танка...

— Значит, застава Качкова сбита, — протянул в раздумье Лопатин, когда они остались с Гласовым вдвоем в комнате дежурного.

— Быть может, они ведут бой в одиночку, но вот жалость — мост взорвать не успели, иначе не смогли бы

танки так скоро через Буг перебраться! — сказал Гласов.

— А стык оголен, — кивая головой в сторону Илькович, сказал Лопатин.

Много прочел Гласов в задумчиво-печальном взгляде начальника заставы!

Лопатин пристально смотрел на хорошо заметные отсюда окраинные строения соседнего села. Именно там проходила разграничительная линия, отделявшая участок тринадцатой заставы от соседей, которыми командовал лейтенант Качков.

Немецкие танки, прорвавшиеся в глубь советской территории, смяли заставу Качкова и оголили стык тринадцатой с соседями.

Нарушая молчание, Лопатин промолвил:

— Как же быть теперь, Павлуша?

— Подорвать мост в Ильковичах, — сказал решительно Гласов, — и держать этот участок под обстрелом. Ведь в любую минуту и по этой дороге они смогут двинуть свои войска. А наша задача — врага здесь не пропускать, что бы ни происходило у соседей.

— Пускать нельзя! — согласился Лопатин. — Я иду сам и подорву мост!

— Ты начальник заставы и обязан командовать всеми людьми, — урезонил Лопатина Гласов. — Пошли Перепечкина и старшину Клещенко. Они справятся!..

Как ни хотелось Лопатину самому лично уничтожить мост на стыке участка, но он не мог не согласиться с доводами политрука. Он сбежал вниз отдавать приказ.

Не прошло и получаса, как старшина Клещенко вместе с Перепечкиным, нагруженные толовыми шашками, поползли к мосту по берегу речушки Млынарка.

Минуты тянулись в томительном ожидании. Все, кто был наверху, смотрели в сторону Илькович.

Вдруг, подобно молнии, блеснул под мостом огонь. Его сразу заволокло дымом. Прежде чем на заставе услышали грохот взрыва, багрово-черный столб поднял кверху на своих могучих плечах груды камней, рыжие балки, землю.

Все это мигом стало оседать вниз, открывая взгляду придорожную хату с выбитыми стеклами. И когда эхо взрыва докатилось до заставы, все увидели в расплывающемся дыму два острых разъединенных края дорожной

насыпи, удивительно похожих издали на окоп полного профиля в поперечном разрезе.

...— Думали, что щур неисправный, — рассказывал бойцам в подвале взволнованный Перепечкин, благополучно возвратившийся со старшиной. — Старшина поджег его сам, и мы отползли назад. Ждем, ждем — ничего. Я уже хотел было голову высунуть из оврага, а тут как ахнет!

— Но мост невелик — вот беда! — протянул Зикин. — Могут восстановить его быстро.

— А не давать восстанавливать! — бросил Гласов, появляясь на ступеньках лестницы. — Надо снимать каждого сапера. На этом стыке им проход должен быть заказан.

— Они же могут сторонкой объезжать. За колхозными конюшнями... — сказал Зикин.

— А здесь дорогу контролировать будем мы, — отрезал Гласов.

Ближе к вечеру огородами да лугами на заставу со стороны Скоморох пробился Давыдов из группы Погорелова. На левой щеке Давыдова темнела рваная рана. К тому же он был еще ранен в ногу и прихрамывал, морщась от боли.

Дежурный сразу направил Давыдова в подвал к женщинам. Не успел он сойти туда, как к нему прибежал Лопатин.

— Рассказывай... Где Погорелов? — крикнул начальник заставы.

Однако Давыдов уже различил внизу глаза Погореловой, жадно ждущей ответа на этот вопрос. Рядом с ней стояла маленькая Светлана — дочь Погорелова.

Давыдов с трудом перевел взгляд на лейтенанта Лопатина и сказал почти заикаясь:

— Лейтенант Погорелов остался... у моста... я расскажу всю обстановку... Как бы сначала перевязаться?

— Пойдем наверх, — предложил Лопатин, — там светлее перевязывать. Дай-ка парочку индивидуальных пакетов, Анфиса!

Как только они остались вдвоем в просторной ленинской комнате с выбитыми окнами, Давыдов тихо сказал:

— Нет Погорелова. Он погиб и все остальные тоже...

И, выплевывая время от времени сгустки крови, Давыдов рассказал, что Погорелов со всей группой больше

получаса держал под огнем мост через Буг, не давая врагу возможности переправиться. Трупы тридцати немецких кавалеристов вместе с лошадьми остались на мосту, преграждая путь едущим сзади. Погорелов приказал Давыдову отползти на заставу за подмогой. Уже из кустов, прикрывающих местность, называемую «Шибеницей», Давыдов увидел, как фашисты, переплывшие Буг севернее, напротив развалин двенадцатой заставы, со всех сторон окружили группу Погорелова. Давыдов видел, как гитлеровцы штыками прикалывали раненых. Он слышал крик Погорелова: «Гранатами их, хлопцы!». И на этом крике все оборвалось...

4. БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Почти весь луг перед заставой хорошо просматривался из маленькой щели подвального окошка.

Гласов прижался к пахнувшей глиной продолговатой щели. По лугу были разбросаны скрюченные серые трупы врагов. Гуси уже успокоились, вылезли из оврага, в котором протекала Млынарка, и важно разгуливали по мягкой муравке, косясь на мертвых гитлеровцев.

Политрук слышал треск мотоциклов возле Илькович, вплетающийся в оружейную канонаду, и понимал, что теперь немецкие автоматчики объезжают заставу стороной по дороге, ведущей окраиной Илькович на Бараньи Перетоки. Над Ильковичами поднимался черный столб дыма.

«Наверно, колхоз горит», — подумал Гласов.

Он не ошибся. Это догорали подоженные первыми же немецкими снарядами хозяйственные постройки колхоза в Ильковичах.

* * *

За лугом, там, где кусты сплошной стеной заслоняли Буг, ничком лежал Николай Сорокин. Раненые бойцы Егоров и Сергеев, которые несли наряд на левом фланге, добравшись до заставы, рассказали, что оставили там его мертвым.

Все еще не верилось, что Сорокин убит. Многие ждали, что вот-вот покажется он во дворе, пусть раненный,

но живой. Все еще не мог поверить в его смерть и политрук Павел Гласов, то и дело поглядывая с надеждой в сторону Буга, — а не приползет ли оттуда Сорокин?

...На карточке, подаренной некогда Гласову, Сорокин написал: «Верьте мне, товарищ политрук, я оправдаю слова, которые вы сказали моему отцу!»

«Да, он оправдал их», — подумал Гласов. В эту минуту ему представился домик № 44 на Кустарной улице Вичуги, а в нем старый Иван Иванович — отец пограничника Сорокина.

Теперь уже вся страна знает про войну. Все слушают радио. Миллионы советских людей с напряженным вниманием ждут вестей именно отсюда, с границы, откуда война началась...

— Тихо, товарищ политрук? — услышал Гласов знакомый голос у себя за спиной. Обернулся — Давыдов. Забинтованный, он наклонился к щели, сясь разглядеть из-за спины Гласова, что происходит во дворе.

— Да, притихли малость. Сторонкой пошли. Наш участок для них — запретная зона... А ты бы полежал на матрасе, зачем раны бредишь?

— Да какое тут лежание, товарищ политрук, когда на сердце тошно? У меня из головы не выходит, что нет у нас больше Погорелова. Помните, как он, бывало, сидит и пишет в ленинской комнате, молчаливый такой, серьезный, а ваша Дуся сядет тихонько сбоку, на скамеечку, и попросит: «Погорелов, подарите улыбочку!» А он посидит маленько молча, а потом рассмеется и скажет: «Ну, как не улыбнешься ей?» Помните, политрук?

— Помню, Давыдов!

— Они его тесаками докалывали! Раненого! На нашей земле! Почему же это случилось, товарищ политрук?

— Почему это случилось, Давыдов? — машинально повторил слова бойца Гласов и понял, что они, эти слова, являются и его мыслями.

* * *

Сверх ожидания ночь прошла спокойно. Правда, она не была похожа на прежние мирные ночи. Вся в далеких и близких зарницах оружейных залпов, освещаемая пожарами разбитых селений, наполненная грохотом артиллерийской канонады и монотонным, завывающим

гулом невидимых самолетов, пролетающих совсем низко, ночь эта надолго осталась в памяти всех, кто защищал волынскую и галицкую земли в июне 1941 года.

Пограничники, залегшие с пулеметами у разбитых окон ленинской комнаты, и те, которых выслали Лопатин во двор в круговую оборону, до рассвета видели кроваво-багровое небо на востоке, на западе, на юге.

На древней украинской земле каждый шаг обходился врагу очень дорого. Стараясь прорваться проселочными дорогами или по шоссе и перелескам на широкие оперативные просторы, куда вели стрелки, начерченные на штабных картах, захватчики несли большие потери.

Обычно свежий хлеб и масло застава получала ежедневно в Сокале. Остальные продукты подошли к концу еще в субботу, 21 июня, и старшина Клещенко собирался получить их в Сокале именно в воскресенье, 22 июня. Разглядывая теперь в подвале, при свете керосиновой лампы, выписанные накануне накладные, Клещенко сказал Гласовой:

— Сколько добра здесь перечислено, а в наличии нет ничего. Ну, ладно, война кончится, немца прогоним, первым делом по этим накладным получу все, что полагается.

Ранним утром 23 июня во дворе заставы появился боров. Откормленный. Пудов на шесть.

— Никак наш, — шепнул Галченкову Николай Аляпов — повар заставы, уже успевший забыть свое кулинарное дело. — Мне кажется, у Погорелова такой был.

— Чей бы ни был, манить надо, — сказал Галченков.

Очень долго подзывали пограничники ленивого борова к окну подвала, да все напрасно. И петлю приготовили, чтобы поймать его за ногу. А он, словно чуя, что грозит ему смерть, разгуливал на почтительном отдалении и опасался приближаться к пограничникам.

Аляпов схватил винтовку и, прицелясь, пулей свалил борова на землю. В ответ на выстрел беспорядочно застрекотали вокруг фашистские автоматы. Как только их стрельба утихла, пограничники затащили борова в подвал. Разделали его быстро, а варили очень долго, стараясь не разжигать большого огня.

Ели мясо борова без хлеба, без соли, отделяя его по жилочке от сала.

Ближе к вечеру на малопроезжей проселочной дороге, ведущей из Задворья в Скоморохи, показалось несколько открытых грузовиков с немецкими солдатами. Это ехали резервные части гитлеровцев на подмогу своим войскам, задержанным ночью Красной Армией. Одни фашисты, перепоясанные пулеметными лентами, сидели, держа на коленях черные автоматы, и глядели на восток, другие, сняв тяжелые каски, не теряя времени, оципывали гусей.

Белые гусиные перышки, как лепестки облетающего яблоневого цвета, взвивались, вырываемые ветром из рук, и исчезали в клубах пыли.

...Первая, вторая, третья машины ныряют в лощину около Задворья. Вот-вот они обогнут одинокий каменный крест, вкопанный в землю на раздорожье под кудрявой вишенкой, и покажутся опять на виду у гарнизона заставы.

— Не пропускать! Огонь! — Приказывал Алексей Лопатин начальнику расчета Ивану Котову.

Оба станковых пулемета повернули свои рыльца к дороге. Заколебались надульники ручных пулеметов, выглядывавших из окон первого и второго этажей. И как только первая машина показалась из лощины, ее встретил дружный огонь заставы.

Шофер слышит относимые ветром в сторону близкие выстрелы. Немцы стучат в стенку кабины прикладами автоматов. Шофер понимает: самое главное спасение сейчас в скорости, и дает полный газ.

Одна, другая, третья машины проносятся по дороге, увозя в кузовах мертвых и раненых. Думали перехитрить немцы пограничников, объезжая село Ильковичи окраиной, подальше от взорванного моста, да попались тут. Уцелевшие солдаты прыгивают на ходу с подбитых машин и отползают в пшеницу.

* * *

Спустя полчаса рота полевой жандармерии, под командованием лейтенанта Бурбенкера, окружает село Скоморохи. Оцеплены и соседние хутора, куда еще в 1940 году было переселено из пограничной полосы мирное население. Захватчики уверены, что машины обстре-

ляны местными жителями. Никто из немецкого командования не может предположить, что это подала признаки жизни молчавшая всю ночь пограничная застава. Никто из них не может прийти к этой мысли еще и потому, что в штабах резервных частей, продвигающихся из Польши к советской границе, распространяются очень утешительные для захватчиков слухи: «Спротивление Советов подавлено в первые же часы войны. Через несколько дней немецкие войска будут в Киеве и Москве. Единственной задержкой сейчас могут быть плохие дороги».

* * *

Гитлеровцы грубо выволакивают из хат и подвалов жителей Скоморох. Повернутый лицом к стене своей хаты, стоит, подняв высоко руки над головой, колхозный сторож Илько Карпяк. Рядом—его жена и дочь Мария, организатор скомороховской молодежи. Позади—два фашиста с автоматами. В хате идет обыск. Семья Карпяков не знает, что будет дальше. Старый Илько понимает, что значит приход немцев. Сколько труда зря потеряно! Сколько пропадет коров, лошадей и свиней колхозных! А урожай какой мог быть собран! Пропали трудодни, которые и он, Илько Карпяк, честно заработал в колхозе. Немало зерна ему причиталось из нового урожая за те 180 ночей, которые он отдежурил, недосыпая, у колхозного магазина! Все сейчас раскрадут, растащат...

Да что там трудодни! Все обрывается с приходом врага. В любую минуту может очень просто оборваться самое ценное, что есть у человека, — жизнь.

Бледная, все еще болезненно ежась от полученного недавно удара, чуть-чуть касаясь пальцами побеленной стены (трудно держать все время руки поднятыми вверх—немеют), стоит рядом с отцом Маруся Карпяк. На ее полных загорелых руках синяки. Это проклятый фашист так схватил, вытаскивая ее из подвала! Он, этот рыжий верзила, в больших проволочных очках, весь пропахший трубочным табаком, стоит позади. Глянуть на него Маруся даже искоса не может, ибо ее ждет тогда пуля без предупреждения.

«Уже донесли», — решил Никита Пеньковский, когда в подвал к нему, освещая себе дорогу электрическими фонариками, стали спускаться фашисты. Пеньковского они пока еще не видели. Он лежал рядом с женой на соломе, в самом дальнем углу подвала, куда загнала его перестрелка, вспыхнувшая поутру в ложине под заставой. Глинистый глубокий подвал был убежищем Пеньковского и его жены со вчерашнего рассвета.

Едва раздались первые выстрелы, сонная жена Пеньковского растолкала мужа и сказала:

— Слушай, закрой окно, громы бьют!

Однако скоро им стало понятно, что это не гроза предутренняя бушует на дворе, а война срывает солому с крыш и рассеивает по селу смертоносную шрапнель. Все село как бы подпрыгивало на буграх, просыпаясь со своими стодами, хлевами, маслобойками и приземистыми хатами. Пеньковские сутки пересидели в подвале, так как хата их стоит на очень опасном месте, обращенная фасадом к Польше и не защищенная никакими другими постройками. Любой снаряд, прилетевший оттуда, из-за Буга, мог пробить ее. Сегодня поутру Никита Пеньковский рискнул и вышел на подворье. Он огляделся, увидел дымок над заставой и обрадованно подумал: «Живы хлопцы!»

Вскоре послышался грохот грузовиков, и застава открыла огонь по ним. Пули засвистели над хатой Пеньковского, и он нырнул обратно в подвал. А сейчас вот гитлеровцы пожаловали к нему в «гости», подсланные, наверное, кем-то из местных кулаков.

«Вот когда они рассчитаются со мною и за председательство в сельсовете, и за колхоз, который я помогал строить!» — подумал Пеньковский.

Фашисты вытащили его из подвала вместе со скрипкой, которую старик держал под мышкой, завернутой в чистую сорочку.

Выкрик — «Откуда стреляли?» — несколько успокоил Пеньковского.

«Значит, по другому делу», — решил он и, припомнивая немецкие слова, объяснил кое-как, что не знает, откуда и кто стрелял.

— Как не знаешь! Ты же местный житель, — закри-

чал на него гестаповец в фуражке с изображением черепа и перекрещенных костей. — Отсюда все так хорошо видно!

— Да я в подвале сидел! Что вы от старого человека хотите! — оправдывался Пеньковский.

— А кто мост в Ильковичах взорвал? Ты, наверно?

— Кто взорвал? — пробурчал Пеньковский. — Тот, кто взорвал, меня об этом не спрашивал.

И его вместе с женой, пока в хате производился обыск, немцы поставили лицом к стене. Подняв вверх жилистые руки с тонкими длинными пальцами, Никита Пеньковский искоса поглядывал на свою скрипку. Отброшенная в сторону, она лежала на куче прошлогодней соломы, и на ее выпуклом, обтертом донышке играли первые утренние лучи. Сколько свадеб слышало голос этой скрипки! Доведется ли еще когда-нибудь сыграть на ней Никите Пеньковскому?

Еще дальше, также лицом к своей хате, стоял с поднятыми руками Сидор Герасимчук. Больше, чем кто-либо, он ждал выстрела в спину и, цепляясь за жизнь, молил судьбу только об одном: как бы фашист не сбил у него с головы шапку. Тогда оборвется последняя крохотная надежда уцелеть. По селу уже распространился слух, что стриженных эсэсовцы расстреливают немедленно, подозревая в них переодетых бойцов Красной Армии. А Сидор Герасимчук, сын старого Василия, работал на постройке военных укреплений. Его отпустили из строительного батальона на два дня, и здесь его захватила война. Увидит фашист стриженую голову, тогда конец, смерть!

— Из села никто не стрелял. Вам до сельских людей цепляться нечего. То не мы машины обстреливали, — заговорил с гитлеровцами по-немецки Матвей Скачко.

— А кто же обстрелял? Кстати, кто научил тебя говорить по-немецки? — оживился лейтенант Бурбенкер.

Матвей Скачко служил когда-то в австрийской армии, сражался «за цесаря» на итальянском фронте и с той поры знал немецкий язык. Он отрапортовал жандарму даже номер своего регимента.

— Отлично, — обрадовался лейтенант. — Мы тебя возьмем в переводчики. Мой переводчик заболел дизентерией. Пока он будет лечиться, ты его заменишь. Расскажи же, кто стрелял,

Матвей Скачко шевелил молча губами, как бы подыскивая недостающие ему слова...

«Советские пограничники ведь сами не хранили в тайне свое существование. Раз они открыли огонь, то это значит, что они принимают открытый, хотя и неравный бой с врагом», — подумал Скачко и сказал:

— Мне кажется... это военные стреляли с того бугра...

— Сколько их там? — крикнул жандарм.

— А я знаю? Может, сто, а может, двести. Они гражданским об этом не рассказывали, — ответил Матвей.

— Отлично, — сказал лейтенант. — Мы заставим их капитулировать, а ты будешь нашим парламентаром...

С белым флагом в руках, мимо креста с надписью «Мученикам за Русь», Матвей Скачко пошел селом в сопровождении жандармского лейтенанта. Он видел, что следом за ними, в рассредоточенном строю, огородами, садами, прячась за хаты и столоды, переползая и маскируясь, движется рота эсэсовцев. Ему хорошо был понятен замысел противника.

«Пока под защитой белого флага я буду переговариваться с пограничниками, солдаты потихоньку подползут к заставе и, набросившись отовсюду на ее гарнизон, силой оружия принудят пограничников сдать... Куда я иду? — думал Скачко. — Выманить на расправу своих людей? Помочь врагам хитростью захватить честных воинов? Для чего мне нужно на старости лет поганить совесть, свои седые волосы?»

Утренний ветерок развеивал в его руках белый флаг, насаженный на палку из светлого дуба. На рукоятке-топорике раскаленным гвоздем была сделана надпись: «Талергоф». Палку эту как памятку из концентрационного австрийского лагеря для галичан, симпатизировавших России, привез в село после окончания первой мировой войны его кум. Скачко прочитал знакомое слово и вздрогнул.

Из заставы застрочил пулемет, и в бойнице левого блокгауза засверкали огоньки. Это Галченков короткой, предупредительной очередью пересек дорогу шагах в десяти перед Скачко. Пограничник как бы говорил, подсказывал этими выстрелами, что в парламентарях заставка не нуждается и что подходить к ней не следует.

Немец-лейтенант сразу отпрянул за бугор. Попятился назад и Матвей Скачко.

— Я не пойду. Я боюсь, — сказал он и опустил флаг.
— Иди! Гражданского не тронут!
— Не пойду! Ищите себе другого.
— Марш! Ты австрийский солдат! Я тебя мобилизовал! — и лейтенант поднял свой никелированный «вальтер».

— Совесть мою ты мобилизовать не можешь, — хмуро и уже по-украински ответил Скачко и повернулся, направляясь в село.

— Русская свинья! — закричал лейтенант и разрядил в затылок «парламентера» обойму пистолета.

Из окна заставы хорошо видели взметнувшийся над бугром белый флаг. Лейтенант толкнул ногой бьющееся в предсмертных судорогах тело крестьянина в канаву и, потрясая пистолетом, крикнул, оборачиваясь к своим солдатам:

— Вперед!

* * *

На этот раз застава была атакована с тыла. Фашисты предполагали, что с этой стороны у нее нет укреплений. Подрывая гранатами колючую проволоку, прячась за развалинами бани и конюшен, ведя огонь из автоматов, они поползли двором.

Лежа на втором этаже, Максяков принялся поливать их сверху из ручного пулемета. Чтобы видеть весь двор, Максяков распростерся на двух матрацах и удобно лежал, широко раскинув ноги, изредка чуть-чуть приподнимаясь над краем подоконника. Поодаль, у стенки, с дисками наготове, притаился Зикин. Людям, ведущим огонь из окна здания, помогали с флангов станковые пулеметы и стрелки.

У другого окна сидел сержант Герасимов с четырьмя бойцами. Возле него лежало два ящика гранат. Еще с вечера, правильно рассудив, что во время атаки некогда будет заряжать гранаты, Герасимов заложил в них запалы и поставил каждую на предохранитель.

Как только фашисты вбежали на крыльцо заставы, Герасимов выдернул в одной из гранат предохранительную чеку и бросил ящик с гранатами.

Огромной силы взрыв потряс здание. Куст сирени около крыльца мгновенно обуглился. Фашисты, оробев, бросились назад. Восемнадцать раненных взрывами гра-

нат фашистов остались около крыльца. Убегающих догоняли пули пограничников. Всего во время этой атаки было убито сорок семь гитлеровцев.

Такое мирное с виду здание заставы, вместе с ее на редкость удобными естественными рубежами, представляло собою маленькую крепость.

Атака эсэсовцев быстро захлебнулась.

* * *

Из слухового окна чердака Лопатин увидел, как под старым вязом, около усадьбы Григория Гурского в Ильковичах, немцы установили орудие. Закрытое плетнем и линией бугорков, оно было видно лишь с чердака. Лопатин вспомнил, что кирпичное здание заставы ниоткуда не просматривалось так хорошо, как от плетня усадьбы Гурского. Стоит противнику чуть-чуть выкатить пушку из-за плетня на открытую позицию, и они могут ловить в прицел любое окно заставы. Не раз, подходя к заставе по ровному лугу, Лопатин уже издали видел вросший в холм дом с глубокими прочными подвалами, с алым флагом над крышей и радовался тому, что заставка расположена на таком выгодном бугре, господствующем над местностью. Однако сейчас он понимал, что, каково бы ни было расположение заставы, как бы ни были прочны ее стены, гарнизону прежде всего не хватало артиллерии.

«С пулеметами против пушек много ненавоюешь!» — думал он и, чтобы напрасно не терять людей, приказал всем бойцам покинуть верхние этажи здания.

Когда снаряды начали рваться подле дома и поражать его стены, разбрасывая кирпичи и подымая облака розоватой пыли, в комнатах уже никого не было. Некоторые бойцы перешли в ходы сообщения, другие спустились в подвал к раненым и женщинам, готовые каждую минуту занять свои места в блокгаузах и ячейках для одиночной стрельбы.

5. «ГОСТИ» НА МОТОЦИКЛАХ

Кислый запах взрывчатки вползал в подземелье, где молча сидели бойцы и женщины с детьми, прислушиваясь к обстрелу.

— Ответить бы фашистам, да нечем! — заскрежетал зубами Никитин.

— Пулеметами разве? — сказал боец Егоров с перевязанным глазом. Он был ранен вблизи места гибели Сорокина. Пуля задела веко и переносицу, глазное яблоко хотя и было ушиблено, но осталось целым. Глаз только вспух и не раскрывался.

— Перевод патронов, — ответил Никитин. — Начальник правильно делает, что боя с артиллеристами не принимает. Они за щитом почти в безопасности, а нам патроны для живой силы нужны.

— Тише братцы! — сказал Зикин. — Будто бить перестали.

Все прислушались. И впрямь, на дворе стало тихо.

В это время, громко стуча сапогами по выщербленным от времени ступенькам, в подвал вбежал Косарев.

— Все, кроме раненых, наверх! — закричал он.

Обгоняя один другого, бойцы выбежали из подвала, Косарев, прижавшись к стене, давал им дорогу.

— А раненые разве не люди? — проворчал Егоров, беря автомат и медленно, степенно поднялся наверх вслед за дежурным.

Немцы окружили заставу со всех сторон. Ползли к ней и с тыла, и от Буга, и от Задворья, прикрываясь развалинами хозяйственных построек.

— Подпускать как можно ближе! — передал по ходам сообщения из левого блокауза Лопатин.

Гласов следил за продвижением фашистов из-под козырька хода сообщения.

Как все это было непохоже на первую атаку противника! Тогда захватчики шли в полный рост, уверенные, что от одного их вида все разбегутся.

А теперь они прижимались к земле, как бы стараясь вдавиться в нее. Ранцы на их спинах и похожие на термосы противогазы шевелились в такт движению. Изредка фашисты залегали под буграми и, высунув оттуда головы в касках, разглядывали красневшее на холме здание заставы.

— Пугнем, товарищ лейтенант? — спросил Лопатина нетерпеливый Галченков, отрывая взгляд от прицела.

— Погоди, успеется! — сказал Лопатин, просматривая луг перед речушкой. Ему хотелось, чтобы гитлеровцы подползли как можно ближе. Один из ползущих был в

очках, и в их стекляшках все время вспыхивали солнечные лучи. Лопатин загадал: как только этот очкастый приблизится к дуплистой вербе, склонившей свои гибкие ветви над Млынаркой, он даст команду открыть огонь. В овраге, где протекала речушка, было «мертвое пространство», и нарушители могли там накапливаться.

Гитлеровец в очках словно почуял свой близкий конец. Он полз медленно, загребая воздух черным автоматом, то и дело оглядываясь на ползущих позади. Невесело было, видно, ему ползти мимо убитых своих солдат.

Лопатину передали, что и за баней накопилось человек двадцать фашистов.

— Огонь! — крикнул он.

Ожило молчавшее столько времени здание заставы. Баянист Максяков огнем ручного пулемета с высоты второго этажа доставал фашистов, подползавших от Скоморох. Бил по ним из огневой точки, вырытой под вишенкой, только что сменившийся с дежурства Косарев. Зикин отдал ему свой пулемет, и Косарев, припав к затыльнику его, видел, как падают солдаты противника от его пуль. Он чуть-чуть приподнял мушку и заметил, как двое немцев повернули обратно, а трое солдат корчились на лугу, пораженные его пулями. Он так увлекся, дорвавшись до пулемета, что не видел и не слышал ничего вокруг. Уже замолкли «станкачи» в боковых блокгаузах, уже выгнал со двора в лощину гитлеровцев Максяков и сейчас закладывал новый диск, а Косарев все стрелял и стрелял короткими очередями, пытаясь настичь нарушителей, отползающих к Бугу.

— Хватит, Косарев! — остановил его Гласов. — Патроны беречь надо.

Сияющий Косарев спустился в подвал и прежде всего подбежал к Евдокии Гласовой. Она раздавала бойцам обед.

— А помнишь, Дуся, как смеялись все: «Косарев такой, Косарев сякой, самый отстающий!» А Косарев сегодня кучу захватчиков на тот свет отправил. — И, краснощекий, довольный своим успехом, Косарев хитро подмигнул Гласовой.

В наступившем затишье послышался нарастающий треск моторов. Это бешено неслись по дороге из Сокаля два мотоциклиста. Клубы густой пыли вздымались за

ними. Вообще-то им надо было ехать главной проезжей дорогой мимо скомороховских хуторов, оставляя кладбище левее, но первый мотоциклист сбил с дороги и, увидя взорванный мост на пути, повернул лугом к хутору Задворье, за которым краснело здание заставы.

Теперь уже трудно установить, видел ли этот первый мотоциклист красное знамя, по-прежнему развевающееся над фольварком, и понимал ли он, что оно обозначает.

Так или иначе, но оба мотоциклиста напрямик мчались к заставе. Со двора на хуторе выскочил какой-то немецкий солдат и, махая флажком, пробовал задержать мотоциклистов. Но что могли значить эти его предупредительные сигналы для связных командующего танковой группой генерала фон Клейста, мчавшихся во Владимир-Волынский, который (как им сообщили в штабе) взят немецкими танками!

Первый мотоциклист в больших дорожных очках, в легкой зеленоватой блузе с засученными рукавами, гнал машину в открытые ворота заставы. Ему, должно быть, казалось, что проезжая дорога, на которую оба они выехали с луга, минуя заставу, идет к скомороховской церкви.

На самом же деле тут был тупик.

Появление мотоциклистов у сваленных снарядами ворот было настолько неожиданным, что Максяков растерялся и выглянул в окно. Ему сперва показалось, что это прибыли связные от своих.

Галченков поймал немцев на мушку «Максима», как только первый мотоциклист проехал белый каменный крест. Он дал по ним короткую очередь. Мотоциклист с полного хода врезался в насыпь. Водитель слетел в траву.

Второй связной, увидя это, заюлил, закружил по двору, но и его Галченков ударил в спину, и мотоцикл со страшным скрежетом уткнулся в каменное крыльцо заставы.

— Машины сюда! Обыскать убитых! — кричал Лопатин.

Отступившие до этого немцы еще не успели обратить, в чем дело, как пограничники вкатили оба мотоцикла с горячими моторами в комнату отдыха. Сразу запахло бензином.

Со всех сторон слышались одиночные ружейные выстрелы. Пули визжали за разбитыми окнами. Это фашисты мешали Зикину и Коровникову обыскивать убитых.

— Да здесь рации, ребята! — закричал Максяков, осматривая скользкие от масла машины.

— Косарев, Беланов, сюда! Остальные останьтесь у пулемета! — приказал Гласов.

Беланов в прошлом был радистом. Косарев протискался к нему и, запыхавшись, крикнул:

— Работенка для тебя нашлась. Скорее наверх, политрук требует! Две рации нам привезли. Давай быстро, устанавливай связь!

Весть о том, что в футлярах мотоциклов найдены рации, молниеносно облетела всех пограничников.

— Ну, теперь заживем! — говорил боец Дариченко в левом блокгаузе. — И подмогу можно будет вызвать, и со всеми связаться. Радио — великое дело! Теперь и в Кремле нас могут услышать!

— Ну, это ты, брат, перехватил! — засмеялся москвич Герасимов. — До Кремля отсюда далековато, а вот со штабом армии связаться можно. Я, брат, в этом деле тоже кое-что кумекаю.

Дариченко молчал. Радио он знал слабо и спорить с Герасимовым не хотел. Он следил из бойницы за лугом, откуда уже тянуло сладковатым запахом тления.

В тючках, привязанных к багажникам мотоциклов, пограничники нашли несколько кусков мыла, печенье, сухую колбасу, альбом с видами Вены, чистую одежду, бритвенные приборы и нераспечатанные колоды карт в навощенной бумаге.

— Это тебе, Анфиса! — торжественно заявил Гласов. — Пострадавшие от войны обмундировываются за счет противника. — И он протянул Лопатиной новенькие альпаговые брюки и шерстяной зеленоватый свитер.

— Вот кстати! Спасибо! — сказала Анфиса и, разглядывая брюки, добавила: — Я из них сошью себе юбку.

В полевой сумке одного из убитых нашлись полевые карты-двухверстки, на которых был обозначен маршрут частей первого удара, и большая карта общего пользования, подбитая шелком.

— Карты возят, а по картам ездить не научились! —

с видимым пренебрежением сказал повар заставы Коровников.

— Пьяные, — заметил Зикин. — Ты же помнишь, какой дух от них шел, когда обыскивали? Наглотались шнапса — и глаза им застлало!

Никитин расстелил на полу большую карту на шелковой подкладке и принялся искать родные края.

— Названия наши, а буквы немецкие. Чудно! — сказал он, водя пальцем по карте. — Загодя все подготовили!

— Вот и Волга твоя, Никитин, — указал помогавший ему Зикин.

— Видишь, куда целят? На Москву! — сказал, вздохнув, Никитин. — Все города наши главные поподчеркивали, колечками окружили, будто свои собственные.

— Ничего, Никитин, выстоим. Печалиться рано, — сказал, приседая на корточки около карты, ездовой Василий Перепечкин.

— А после войны новые песни сложат люди. Получше твоей любимой про Волгу... Песню о Буге, скажем... И кто знает, возможно, в песенке той и нас вспомнят. Ведь иного выхода у нас нет — либо победа, либо смерть!

— Да, живыми сдаваться — все равно, что в петлю самому лезть, — согласился Зикин. — А эти, что нас окружили, почешутся еще. Помяните мое слово. Радио Беланов поправит, вызовем всех, пришлют нам подмогу, да ка-ак ударим!

* * *

Даже когда обнаружилось, что обе рации неисправны и Беланов решительно ничего не мог сделать для того, чтобы связаться со штабом армии в Луцке, все же люди заставы не теряли надежды на помощь, на прорыв окружения.

Если бы они могли хотя бы прослушать сводку Главного Командования Красной Армии за 23 июня 1941 года!

Утром 24 июня вся Советская страна, кроме маленького пограничного гарнизона в Скоморохах и подобных ему гарнизонов, отрезанных от главных сил Красной Армии, слушала по радио, читала в газетах:

«В течение дня противник стремился развить наступление по всему фронту от Балтийского до Черного моря, направляя главные свои усилия на ШАУЛЯЙСКОМ,

КАУНАССКОМ, ГРОДНЕНСКО - ВОЛКОВЫССКОМ, КОБРИНСКОМ, ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСКОМ, РАВА-РУССКОМ и БРОДСКОМ направлениях, но успеха не имел.

Все атаки противника на ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСКОМ и БРОДСКОМ направлениях были отбиты с большими для него потерями. На ШАУЛЯЙСКОМ и РАВА-РУССКОМ направлениях противник, вклинившийся с утра в нашу территорию, во второй половине дня контратаками наших войск был разбит и отброшен за госграницу; при этом на ШАУЛЯЙСКОМ направлении нашим артогнем уничтожено до 300 танков противника.

На БЕЛОСТОКСКОМ и БРЕСТСКОМ направлениях после ожесточенных боев противнику удалось потеснить наши части прикрытия и занять КОЛЬНО, ЛОМЖУ и БРЕСТ».

Даже из этой лаконической сводки Главного Командования Красной Армии люди заставы в Скоморохах могли бы узнать размах военных операций с первых же дней войны. Им бы стало понятным, почему так усилилась к полудню 23 июня артиллерийская канонада на юго-западе, за Пархачами. Там, на рава-русском направлении, наши войска, среди них и пограничники, перешли в контратаку, отбросили захватчиков за пограничную линию и погнали их обратно в глубь Польши. Советские конники за Равой-Русской пробовали крепость и остроту своих клинков на спинах и головах побежавших обратно гитлеровских пехотинцев.

Изрубленные гитлеровцы сотнями валялись на лугах и в просеках, ведущих к Гребенной, Бельцецу и Томашуву.

Но ни Лопатин, ни Гласов, ни Галченков, ни все другие защитники фольварка вблизи Скоморох ничего этого не знали и не могли догадаться, почему батальон под командой обер-лейтенанта Шмидта, осаждавший заставу, с наступлением сумерек снялся и, оставив непогребенными своих солдат, двинулся по дороге на Владимир-Волынский.

Под Владимиром-Волынским завязались тяжелые, кровопролитные бои. Противнику приходилось бросать все новые батальоны на поддержку прорвавшихся вперед легких танков генерала фон Клейста, чтобы избежать того, что произошло под Равой-Русской.

Пограничники Скомороховской заставы не слушали радио и не знали, что происходит у них за спиной, на востоке, откуда доносились перекаты орудийной канонады, то затихающей временами, то вспыхивающей с новой, нарастающей силой.

Однако верные воинскому долгу, зная, что границу без приказа оставлять нельзя, что часовой, заступивший на пост, должен стоять насмерть, что бы ни происходило вокруг, советские бойцы продолжали нести службу, охраняя пограничную полосу от Скоморох до Илькович.

Третий день войны прошел на редкость спокойно. Ни атак, ни орудийного обстрела. Лишь трескотня автоматов раздавалась у церкви, где немецкие солдаты по приказу лейтенанта жандармерии Бурбенкера расстреливали ворон, свивших гнезда на высоких яворах и берестах.

6. РУШАТСЯ ЭТАЖИ

Исчезая в буераках и оврагах, вьется параллельно течению Западного Буга пыльная проселочная дорога. Между ней и рекой тянется пограничная полоса с лугами, лощинами, кустарником, хуторами, а то и целыми селами, лежащими у самого берега.

Уже за пограничной полосой стоит на бугре в саду домик Никиты Пеньковского. Внизу, в овраге, немилосердно пыля, то и дело проскакивают немецкие связные на мотоциклах, проезжают грузовики и лимузины с солдатами и офицерами. Их саперы не пытаются восстановить взорванный мост в Ильковичах, заставляя, таким образом, немецкие машины идти в объезд на добрых километра два, да еще на первой скорости.

Однако не проезжие немцы интересуют вышедшего спозаранку Никиту Пеньковского. В полуверсте от своего дома, на подступах к Бугу, он видит хорошо знакомое с детства здание, занятое заставой. Углы его кое-где вырваны, стены пробиты; в черепичной крыше зияет несколько дыр, водосточная труба, искореженная взрывной волной, торчит, как пушка, из левого угла здания.

Хоть давно высыпались там сконные стекла и взломана фугасными снарядами вековая кладка кирпичных стен, дом фольварка по-прежнему высится на холме посреди черного пепелища и над ним вьется, особенно

яркое в утренних лучах поднимающегося солнца, алое советское знамя.

Ворота фольварка разбиты вдребезги, проволочная ограда местами прорвана прямыми попаданиями снарядов и прорезана саперными ножницами. Узенькие, чуть заметные отсюда тропочки протянулись в овсе и пшенице к этому дому, тропочки, по которым к людям тринадцатой заставы уже не раз подползала смерть.

Но дом живет.

Тонкий голубоватый дымок поднимается из трубы к чистому утреннему небу, растворяясь в синеве. Должно быть, повара заставы, как и в мирное время, готовят завтрак для гарнизона.

А те, кто вытоптал колхозные овсы, кто шагал по Карбовскому лугу, уминая подорожник и лютики своими тяжелыми гофрированными подметками, валяются убитыми вокруг. Один из них, издали похожий на пугало, повис прямо на заборе, уцепившись в предсмертной судороге за колючую проволоку.

Все это видит стариковскими, но еще зоркими глазами Никита Пеньковский. Он шевелит от напряжения густыми, сросшимися над переносицей бровями. Но, радуясь дымку над заставой, старик замечает и то, от чего тревожно сжимается его сердце.

Четверка коней с зарядным ящиком и длинностволой пушкой останавливается возле моста в Ильковичах. Ездовые быстро распрягают лошадей и уводят их на зады села, оставляя пушку артиллеристам. Несколько немецких орудий на конной тяге поворачивают в Скоморохи. Проходит несколько минут, и Пеньковский видит, что артиллеристы выкатывают их на позицию за хатой Бецелюка. Одно орудие они устанавливают во дворе Бойчука. Под старым вязом в Ильковичах, около усадьбы Григория Гурского, также появляется расчехленный орудийный ствол.

На задах хутора Задворье, совсем близко от заставы, фашисты суетятся у пушек, открывают снарядные ящики.

— Ой, лышенько, що ж то будэ! — слышит у себя за спиной голос жены Никита Пеньковский. — Там же дети, женщины! — Она утирает слезы вышитым краем передника и тоже не может оторвать глаз от заставы.

Одно за другим орудия поворачивают свои зеленые

стволы с ребристыми надульниками в одном направлении — на дом с выбитыми стеклами, чуть пониже знамени, вьющегося над черепичной крышей.

...Уже от первого залпа облако розовой пыли взлетает над домом и долго висит в утреннем воздухе. Разлетаются во все стороны кирпичи старой кладки, и тонко визжит где-то рядом, над головами, еще, должно быть, горячий снарядный осколок.

— Ой, лышенько, да разве так можно, целая дивизия на такую маленькую кучку людей? Хиба ж так воюють? — причитает жена Пеньковского.

— Беги в подвал, тут опасно! — подталкивает ее Никита.

— А ты?

— Иди, иди. Я приду!

Он остается один, приседает возле stodолы и, вздрагивая при каждом новом залпе, видит, как с упрямой и жестокой последовательностью снаряды поражают здание заставы. Все оно, как пламенем, охвачено розовой пылью — и в этой пыли ярко вспыхивают новые разрывы. И снова, после быстрых вспышек разрывов, разлетаются обломки кирпича, плитки черепицы. Розовая пелена пыли посыпает пепелище, окрашивая в один цвет весь двор.

Вот рухнула левая половина верхнего этажа вместе с крышей и балками. Вот вырвало угол с торчащей трубой, и трубу зашвырнуло на высокую акацию.

Орудия выплевывают буро-красное пламя. Снаряды один за другим подтачивают нижний этаж дома, отгрызают куски его стен, и наконец фасад здания рушится, увлекая за собой другие стены.

Долго расплзается в воздухе густое, почти багровое облако кирпичной пыли, сажи и дыма. Странной кажется тишина, возникшая на полях. Ведь слух уже привык к чередованию звуков: залп — разрыв, залп — разрыв!

Ветер рассеивает остатки кирпичной пыли, и Пеньковский видит, что бывшего фольварка больше нет...

На холме, где еще так недавно высился высокий прочный дом, сейчас лишь груда развалин. Уцелело только каменное крыльцо под жестяной крышей да ведущий от него в первый этаж прочный коридор. Пеньковский представляет себе, сколько пограничников завалено обломками. Он мысленно видит убитых детей,

женщин, задыхающихся бойцов, тщетно пытающихся выбраться из-под развалин.

Кроме женщин, детей и раненых, в подвале остался лишь Зикин. Он пришел за патронами и задержался, ожидая, пока женщины набьют ленту. Все остальные люди были в укрытиях, в блокаузах. Когда оба этажа рухнули, гибель здания не вызвала жертв.

— Ох, ты! — вскрикнул Зикин, услышав, как тяжело повалилась стена. В подвале сразу потемнело, как в осенний день, когда дождливая черная туча неожиданно заслонит солнце.

Разрушив два этажа ненавистного им дома, гитлеровцы, сами того не подозревая, оказали услугу его защитникам.

Над подвалом образовалась шапка из обломков стен и щебня. Вековые своды подвалов поддерживали этот прочный настил, и снаряды не причиняли вреда сидящим внизу.

Лишь в одном месте, там, где стена подвала, обращенная к Карбовскому лугу, поднимаясь из земли, была обнажена, остатки здания оставались особенно уязвимыми для артиллерийского обстрела. Правда, как раз здесь подвал разделялся на несколько отсеков и узких коридорчиков, которые своими внутренними переборками, как перегородки в трюме корабля, усиливали наружную стену.

Опасаясь атак именно с этой стороны, лейтенант Лопатин приказал держать здесь наготове ручной пулемет. Смотровая щель в замурованном окне была превращена в бойницу. Возле окна залегли Максяков и Перепечкин.

После того как дом рухнул, лейтенанту Бурбенкеру волей-неволей пришлось повести на приступ остатки приданной ему роты.

То, что он сказал солдатам, выстроенным около церкви, звучало приблизительно так: «Если там кто-нибудь и уцелел, то он может быть благодарен богу за то, что мы вытащим его живым из-под развалин. Впрочем, эти русские — большие фанатики, поэтому советую соблюдать осторожность. До моего сигнала ракетой двигаться только ползком!»

Осот и чертополох кололи обнаженные худые локти Бурбенкера, когда он переползал по склону усадьбы

Бецелюка. Бурбенкер обогнул плетень и задержался в лощинке, доставая из-за пояса двухствольную черную ракетницу. В эту минуту до его слуха донесся захлебывающийся детский плач. Сперва Бурбенкеру показалось, что это слуховая галлюцинация. Он приподнялся на голых локтях и увидел кусок жестяной крыши над крыльцом заставы.

Плач повторился. Сомнений быть не могло. Это плакал ребенок! Где-то под самыми развалинами дома он заливался звенящим голоском, и его крик, вырываясь на волю, сливался с пением жаворонков, снова появившихся в небе.

Бурбенкер поднял ракетницу, целясь ею прямо в ненавистный ему алый флаг, по-прежнему спокойно развешивающийся на штоке близ развалин.

Если бы дом не был разрушен и у окон второго этажа, как прежде, лежали пулеметчики, тогда, разумеется, они открыли бы огонь по фашистам значительно раньше. Сейчас же расположенные почти что на уровне земли огневые точки обнаружили себя уже в непосредственной близости от противника.

Еще не успели две красные ракеты, описывая дуги, упасть на Карбовский луг, как лейтенант Бурбенкер, пуская изо рта фонтан крови, рухнул на ступеньки бани.

Зикин выстрелил почти в упор в рот Бурбенкеру, обрвав его крик «хох».

— Гранатами! — приказал Гласов.

— Гранатами! — кричал в ходе сообщения, возле правого блокгауза, Алексей Лопатин.

Фонтаны земли, смешанной с осколками и битым кирпичом, как неожиданный барьер, возникли на пути немцев. Одни каратели залегли в лощине, другие упали навзничь за развалинами конюшни. Третьи, лежа на почерневших сразу полянках двора заставы, вдыхали сладковатый запах тления. Он расползлся по двору с особенной силой, когда гранаты пограничников взрывались на трупах убитых здесь позавчера нарушителей.

* * *

Воинская часть, присланная для поддержки карательной роты из Сокаля, снова открыла огонь по заставе из всех орудий, сведенных стволами в одну цель. На-

чался минометный обстрел. Повсюду стали рваться мины. Их громкое, завывающее кваканье сплеталось с разрывами снарядов.

Раньше, когда фашистские артиллеристы вели огонь из орудий от церкви, снаряды рвались только в верхних этажах. Теперь они зарывались в груде кирпича, принося еще меньший вред защитникам советской границы.

Значительно хуже было вести немцам прицельный огонь по заставе со стороны моста в Ильковичах. Подвальная часть здания с этой стороны сидела глубоко в земле, и только кое-где из земли выглядывали маленькие окошечки. Возле них сидели пограничники, не давая своим огнем противнику прицеливаться как следует. Часто случалось так, что гитлеровские орудия с задранными стволами молчали до ночи, потому что фашисты не могли подослать к ним — на смену мертвому расчету — живых артиллеристов.

Однако немецкие офицеры решили любыми средствами подавить сопротивление непокорной заставы и направляли к ней новых солдат.

Маленький гарнизон пограничников редел все больше. Усталые, не знающие сна уже несколько суток, полуголодные, советские пограничники часто, оставаясь в одиночестве у бойниц, помимо своей воли начинали дремать. Лопатин приказал дежурить у брешей по двое. Если ранили одного пограничника, его сразу же уносили в глубь подвала, а на его место садился другой боец с автоматом в руках, с запасной винтовкой за плечами. Но пробоин в стенах здания становилось все больше, пограничников — все меньше.

В этом нарастающем грохоте канонады в подвал ворвался Максяков. Он подскочил к ведру с водой. Женщины думали, что Максяков хочет напиться, но он схватил ведро и помчался обратно.

— Оставь, то для хлопчика! — крикнула Погорелова.

— А там пулеметы закипают! — задерживаясь на минуту, крикнул Максяков. — Ночью накачаем! — и вполголоса сказал: — Косарева убило!

— Не может быть! — ахнула Гласова. — Тащите на перевязку!

— Какая перевязка! Весь череп разнесло! — сказал Максяков и исчез в коридоре.

Косарев! Неторопливый, добродушный, застенчивый

парень. Как часто на виду у всех он болезненно переживал любую неудачу! И как радовался успехам! Еще совсем недавно он вбежал в подвал с радостным возгласом: «Товарищ Косарев-то дюжину фашистов ухлопал!»

А позже, подойдя в ленинской комнате к карте, прошитой вражеской пулеметной очередью, он поглядел на пробоины и пошутил:

— Теперь по этим пробоинам не трудно определить, на каких материках идет война. Сразу бы ответил.

Неужели он мертв?

Погорелова теряла последнюю надежду увидеть мужа живым. В хорошо укрепленном блокаузе не стало Косарева. Разве может уцелеть лейтенант Погорелов там, на открытом месте, возле моста через Буг?

Спустя несколько минут Максяков вернулся снова. Осторожно переставляя ноги, он вместе с Перепечкиным внес раненого. Бросаясь к раненому, Гласова закричала:

— Павлик! Павлуша!

От внезапного ее крика снова залился плачем умолкнувший было Толя Лопатин.

— Эх ты! И ребенка разбудила, — отстраняя Гласову, сказал Перепечкин. — Это Дариченко. Перевязывайте скорее!

Раненого в грудь и в лицо Дариченко уложили на матрац около Давыдова.

Прошло еще две минуты, и теперь уже сам Гласов притащил на плечах раненного в ноги бойца Данилина. Данилин бежал за патронами в подвал, и мина, разорвавшаяся в ходе сообщения, повалила его на землю.

Женщины принялись перевязывать раненых.

Дорогой ценой расплачивались гитлеровцы за смерть каждого защитника советской заставы. После того как были ранены Дариченко и Давыдов, потери врага составляли свыше трехсот убитых солдат и офицеров. Сколько же гитлеровцев уползло ранеными и сколько немецких трупов утащили уцелевшие немцы с наступлением темноты — трудно сказать. Но можно смело предполагать, что число этих потерь значительно превышало количество убитых гитлеровцев.

— Пробейтесь во что бы то ни стало к нашим! Не удастся найти начальника отряда майора Бычковского, ищите любой армейский штаб. Пусть направят сюда самолеты. Площадку на лугу мы расчистим. Скажите, что нужно увезти женщин, детей и раненых. А нам пусть приказ дадут — что делать. Если надо держаться, то будем держаться. А если прикажут отойти, мы, здоровые, как-нибудь пробьемся!

Так говорил Лопатин поздно вечером в одном из отсеков подвала пулеметчикам Галченкову и Герасимову. Привыкшие еще по гражданской работе на заводах обращаться с механизмами, оба они, как только прибыли на заставу, вызвались быть пулеметчиками.

Изредка Лопатин отводил чеку фонарика, и тогда острый лучик выхватывал из темноты изможденные лица лучших пулеметчиков заставы. Тяжело было Лопатину отпускать их за линию окружения, отпускать, быть может, навсегда. Но иначе поступить он не мог.

«Если Галченков и Герасимов не пробьются, то другим и подавно не дойти до наших», — думал Лопатин.

Он выдал Галченкову одну из карт-двухверсток и обозначил на ней примерный маршрут движения. Он советовал двигаться на Бараньи Перетоки и Порецк, узнать, в чьих руках Владимир-Волынский, и в зависимости от обстановки либо продвигаться в штаб отряда, либо шагать напрямиком на Луцк, где можно найти армейское командование.

Политрук и Лопатин вышли вместе с уходящими пулеметчиками на крыльцо. Темные, расплывающиеся во мраке, лежали соседние села. Ни одного огонька. Где-то за Ильковичами слышалась незнакомая в этих местах, чужая песня. Кто-то подыгрывал на губной гармонике. Канонада на востоке была глуше, отдаленней. Поблизости от крыльца поскрипывал ручной насос. Было слышно, как хлещет в ведро струя воды. Это пограничники запасались водой на завтрашний день. Гласов приказал наполнить на всякий случай все пустые бочки.

Лопатин еще раз повторил условные сигналы:

— Как только самолеты, посланные за ранеными и семьями пограничников, покажутся над нами, застава

обнаружит себя зелеными ракетами. А летчики, подтверждая, что сигнал замечен, дадут несколько пулеметных очередей.

— Двигайтесь полями да лесом, — тихо сказал Лопатин Галченкову и Герасимову. — И в драку понапрасну не ввязывайтесь. Помните о раненых. Доложите командованию, что у нас на боевом счету добрых четверста убитых гитлеровцев. Пока вы доберетесь к нашим — еще больше настреляем. Ну, до свидания! — с этими словами Лопатин, а после него и Гласов крепко обняли уходящих на восток пулеметчиков.

7. ПРИЛЕТЯТ ЛИ?

День 26 июня прошел спокойно. Атак немцы больше не предпринимали, хотя их орудия оставались на позициях вокруг заставы. Старики-крестьяне, служившие некогда в австрийском войске, говорили между собой: «Молодцы хлопцы, не поддаются, да еще столько артиллерии возле себя задерживают!»

Повсюду на дорогах, ведущих к заставе, стояли теперь барьерчики с надписями: «Внимание! Опасно!»

Немцы из оцепления уже не выбегали с флажками заворачивать проезжие машины. Их водители сами, увидев зловещую надпись, проезжали стороной.

Чем выше поднималось солнце, тем все чаще поглядывал Лопатин на небо. Одинокие густые тучки лениво проползали к зениту и затем, перевалив голубой дорогой над заставой, исчезли вдалеке. Погода была самая подходящая, летняя.

Дважды после полудня над Сокалем пролетали на восток большие группы не то «хейнкелей», не то «Ю-88». Летели они довольно низко, но, даже не всматриваясь в их очертания, по одному заунывно-дрожащему звуку их моторов было ясно — не наши!

* * *

Около полуночи боец Коровников, посланный в секрет к ложине, отделяющей двор заставы от огородов села Скоморохи, передал через связного на заставу, что слышит поблизости женские голоса. Лопатин подполз к

лощине, где залег Коровников, и вскоре услышал шепот: «Да не стреляйте же, товарищи, это свои!»

Друг это шептал или подосланный фашистами лазутчик? Начальник заставы приказал Зикину, Коровникову и Максякову приготовиться, чтобы, в случае подвоха, открыть огонь, а сам, выползая немного вперед, вполголоса сказал в темноту:

— Стрелять не будем. Давайте сюда!

Зашуршал бурьян, и вскоре из темноты показались две женские фигуры. Ползли они с опаской, поминутно задерживаясь и оглядываясь назад.

— Ползите ближе, не бойтесь! — нетерпеливо сказал Лопатин.

— Мы вам хлеба напекли, возьмите, начальник, — сказала пожилая женщина в платке, спадающем на лоб.

Лопатин заметил в руках у нее мешок, от которого шел вкусный запах свежего, недавно испеченного домашнего хлеба. Запах этот чувствовали и бойцы, лежавшие в секрете. Лопатин знал, что мука в подвале на исходе. Паляницы, которые пекла Дуся Погорелова, заменяли, правда, хлеб, но куда им было равняться с этими мягкими, душистыми караваемы, лежавшими в мешке крестьянки, да и паляницы не сегодня-завтра должны были кончиться. Принимая мешок с хлебом, Лопатин сказал:

— Вот спасибо, бабоньки. Что в селе делается? Немцев много?

— Человек сорок возле хат в палатках разместились. Остальные на дорогах вас стерегут. И в Ильковичах немцы, — сказала женщина, давшая Лопатину мешок.

— А пробиться до Порецка можно? — спросил Лопатин.

— Конечно, можно, — сказала, кивая головой, другая женщина, и лежащий в секрете Зикин вздрогнул. Он узнал по голосу мать своей невесты. — Они не очень-то шляхи охороняют. Убежать всегда можно.

— Зачем же нам убегать со своей земли? — сказал Лопатин. — Это пусть воры фашистские убегают отсюда, пока живы!

— Немцы даже сердиты на вас, — сказала женщина с хлебом. — Вы их лейтенанта убили, что обыскивал нас на селе. Они бы вас на куски разорвали, да не мо-

гут. Сколько ихних вояков вы положили! Старые люди смеются: «Целая, говорят, дивизия на пузах к этому фольварку подлазит, из артиллерии в него лупит и ничего не может поделывать с такой горсткой прикордонников».

Приятно было Лопатину услышать эти простые слова, которыми крестьяне Скоморох оценивали стойкость кучки пограничников, но он, не выдавая своих чувств, спокойно спросил:

— Далеко продвинулись фашисты?

— А кто их знает? — вопросом ответила мать невесты Зикина. — Одни люди говорят, что Львов уже захватили, другие говорят, что брехня, что Львов боронится. Под Городком, слышали мы, красноармейцы много немцев положили. А вот Владимир у них уже. Один наш господарь оттуда вернулся. Рассказывает — танками они его взяли. Сильно побит Владимир, людей много пострадало.

— А сегодня был в селе один человек из Сокаля, клялся и божился, что сам по радио из Москвы слышал, что Советы обратно Перемышль взяли, — скороговоркой, поминутно озираясь, прошептала другая женщина.

— Перемышль?! — воскликнул Лопатин. — Здорово! Ну, теперь пойдет! — Но тут же, успокаивая свои чувства, он продолжал: — Слушайте, тетки! В случае, если наши люди к вам заглянут, прячьте их от врага. Наши вернутся — спасибо скажут. Доброго дела Советская власть никогда не забудет. Так и передайте всем господарям!

— Будьте спокойны, — сказала мать невесты Зикина. — Любой из колхозников вам всегда поможет. Разве вы не знаете, товарищ начальник, наше село?

— Знаю, конечно, знаю, — сказал Лопатин, — и уверен в ваших людях. А пишется-то вы сами как, бабоньки?

— Та то пустэ, то неважно, — пробормотала мать нареченной Зикина.

Видимо, она боялась, чтобы в темноте ее фамилию не подслушал какой-нибудь захватчик или предатель, а может быть, просто торопилась.

— Ну, бувайте здоровеньки. Держитесь крепко. Жинкам приветы передавайте и воякам вашим всем!..

И обе женщины поспешно исчезли в ночи.

Возвратившись в подвал и отдавая мешок с хлебом женщинам, Лопатин радостно сказал своему заместителю:

— Если это, Павлуша, правда, что тетки рассказали, то, быть может, именно северо-западнее Львова наши уже в наступление перешли? На Краков и Прагу метят?!

— Я думаю, что обманывать нас крестьянкам нечего, — сказал Гласов. — И если даже взятие Перемышля является демонстративным ударом, то и в одном этом факте я вижу большое предзнаменование.

— То есть как? — не понял Лопатин.

— А так! — упрямо протянул Гласов. — Вспомни историю. В прошлую мировую войну наполненный австрийцами осажденный Перемышль несколько месяцев оставался в тылу наступающей на Краков русской армии. Сам Радко-Дмитриев его несколько раз пытался штурмом взять и терпел неудачи. А теперь советские воины в очень тяжелой обстановке, через несколько дней после коварнейшего из нападений, отбирают этот же самый укрепленный город у немцев. Что это значит? Подумай! Это значит, что русские люди теперь уже не те, что раньше. Это, брат, ты мой, наглядный урок врагу: «Глядите, гады, не зарывайтесь! Придет время, и ваши собственные города будем занимать!»

* * *

Лежа в секрете, боец Зикин все еще чувствовал запах хлеба. Он был убежден, что добрую половину тех буханок, которые притащили в мешке женщины, напекла она, его Мирця. Зикин всматривался в густую темноту ночи и представлял себе Мирославу в холщовой подоткнутой спиднице, ее карие смешливые глаза, босые загорелые ноги.

Он мысленно увидел, как склонилась она над корытом с квашней и своими сильными руками месит тесто, то и дело откидывая спадающие на лоб каштановые волосы.

А потом, когда тесто поднялось, она выскочила во двор, нарвала листьев хрена и, устлая им лопату, раз за разом, быстро отставляя ногу, сажала чуть смоченные водой, обласканные ее мокрыми руками, гладкие караваи на розовеющей от жара, раскаленный под хорошо протопленной печи.

Он представил себе, как уговаривала она мать отнестись хлеб на заставу, так как стеснялась сделать это сама, чтобы не обнаружить перед другими тщательно скрываемую тайну их отношений.

Слова Лопатина, переданные матерью, должны успокоить Мирославу...

С такими мыслями всю ночь пролежал в секрете пограничник Зикин. Чем чаще глядел он в сторону Скомоорох, тем все яснее вырисовывалось перед ним бесконечно милое лицо его невесты.

Так близко было до ее хаты, но война на их пути, и неизвестно, когда придется им встретиться.

* * *

Часу в десятом утра, как только блики солнца заиграли на холодной с ночи воде Млынарки, два маленьких пастуха погнали из Илькович отару овец. Совсем немного осталось пройти отаре большаком до запасного, дальнего выгона. Уже маячила перед чабанами возвышающаяся на бугре близ дороги хата Никиты Пеньковского. В то время позади послышался рокот автомобильных моторов.

Водитель первой, наполненный захватчиками, машины вырвался из-за поворота и увидел перед собой стадо запрудивших дорогу овец. Он сразу же дал сигнал, сбавляя газ. За ним, уменьшая скорость, сигналили и другие шоферы. Сидящий в первой машине фельдфебель приказал водителю остановиться. Он схватил автомат, соскочил на дорогу и стал стрелять в овец.

В это время, мягко скрипнув тормозами, к месту происшествия подъехала длинная синеватая машина. Из нее, разминая ноги, вылез высокий, с брюшком, выпирающим из-под кителя, сидящий немецкий генерал. Ошеломленные неожиданным появлением генерала, солдаты замерли в положении «смирно».

Генерал спросил о причине остановки колонны. Фельдфебель, не теряясь, доложил ему, что солдаты производят «заготовку питания». Генерал, видимо, одобрил такой «способ заготовки» и только посоветовал не мешкать.

Солдаты суетились, отбрасывая в стороны овец, чтобы дать дорогу генеральской машине, но генерал сде-

лал знак шоферу, чтобы тот повернул вправо и поехал в объезд.

На заставе услышали испуганное блеяние овец и выстрелы на дороге. Кто и почему стрелял, там было неизвестно. На всякий случай Лопатин приказал всем быть наготове.

В это время, легко шурша по гравию шинами, во двор заставы вкатил сияющий свежим лаком и серебром радиатора длинный синеватый лимузин.

По-видимому, генерал, совершая инспекционную поездку, любил осматривать места недавних боев. Когда лимузин, в поисках окольной дороги, подкатил к развалинам фольварка, забрызганным термитом, генерал, должно быть, понял, что дом уничтожен войной. Ему стало ясно, что схватка, разыгравшаяся здесь, была жестокой и кровопролитной. Он остановил машину, открыл ее выпуклую дверцу и шагнул вперед, чтобы лучше оглядеть место боя.

По витым погонам немца Гласов понял, что перед ним какая-то важная птица. Он напряг всю свою волю, приказал своим нервам собраться в комок, когда мушка через прорезь прицела соединилась с крестом, выглядывавшим из-под воротника генерала. И дал очередь.

Генеральская фуражка с высокой тульей покатилась по двору заставы. Хватая руками воздух, генерал рухнул прямо на крыло трогавшейся уже машины. Шофер погнал ее вниз, за сарай. Мотор скрежетал от быстрого переключения скоростей. Машина перепрыгнула насыпь хода сообщения и, съехав в лощину, исчезла за бугром. Ей вдогонку ударили станковые пулеметы.

— Сюда надо втащить, — приказал Лопатин. — А ну, Максяков, помоги!

Но едва они подняли головы, как вокруг засвистели пули: оцепление ревниво стерегло все подступы к убитому генералу. Он лежал навзничь, в просторных брюках, в серо-зеленом кителе с накладными карманами, с маленькими погончиками из скрученных позументов, с немецким орлом на груди.

Несколько раз гитлеровские солдаты пытались подползти к своему генералу и оттащить его труп, но каждый раз, лишь стоило им высунуть каску из-за развалин сгоревших построек, пограничники отгоняли их огнем пулеметов.

После небольшой паузы фашисты открыли прицельный огонь из орудий, но потом все снова надолго замолкло. Видимо, артиллеристы не желали тратить снаряды, которые берегли для нового, окончательного штурма.

— Ладно, после обыщем, пусть утихнет! — сказал Лопатин Гласову. — Не стоит из-за одного мертвяка людьми рисковать. Простить только себе не могу, Павлуша, как мы его машину выпустили?

Со временем среди вещей, найденных у убитого генерала, был обнаружен маленький никелированный пистолет системы «Браунинг № 1» в замшевой кобуре. На эбонитовой щечке пистолетной рукоятки была привернута серебряная монограмма с надписью на немецком языке.

— Видать — дареный, — протянул Максяков, пытаясь разобрать незнакомую надпись. — За Грецию, должно быть, или за Париж?

— А ключей, поглядите, сколько! — воскликнул Зикин, вытаскивая из генеральского кармана целую связку блестящих ключей самых разных калибров. — Придется теперь генеральской фрау все замки в доме взламывать, когда надоест ей мужа дожидаться.

— Документы генеральские мы сохраним, — протянул вслух Лопатин, доставая из штанины диагональных брюк убитого увесистый бумажник, — и будем отчитываться ими перед командованием после войны. А ключи его. Зикин, можешь оставить у себя: как демобилизуешься, в хозяйстве пригодятся. Ну, а мертвеца, товарищи, как стемнеет, можно стащить в баню.

— В баню? — удивленно переспросил Максяков. — Вот не думал их превосходительство, что придется ему после смерти в одной бане с солдатами лежать.

— Что ж, попал непрошеным гостем на советскую землю, приучайся вместе хотя бы после смерти с простым народом быть, — позвякивая ключами, поддержал Максякова Зикин. — Наездился в своей машине по Греции, по Франции да по Голландии, а отдохнуть, вишь, в солдатской бане судьба выпала.

* * *

Вскоре после этого разговора Максяков, спрыгнув в подвал через дымоход, радостно крикнул:

— Самолеты!

— То, вероятно, машины гудят на шоссе, — сказал приподнимаясь, Давыдов.

— А я говорю вам — самолеты, но не знаю только какие. Пробегу к начальнику, — сказал возбужденный Максяков.

Пробравшись в левый блокгауз, он узнал, что там уже тоже слышали гул самолетов. В руках Лопатина увидел ракетницу.

— Слышите, начальник? — спросил Максяков.

Лопатин только рукой махнул, «не мешай, дескать», а сам весь устремился взглядом туда, к Бараньим Перетоккам. Потом вместе с Гласовым быстро выбрался из блокгауза в открытый окоп.

... Было их пять, летящих с востока, в направлении на Сокаль, на высоте 900—1000 метров. Освещенные лучами угасающего солнца, они шли к заставе, наполняя окрестности дружным гулом своих моторов.

— Наши! — закричал Гласов. — Сигналь, Алеша!

Лопатин пустил навстречу самолетам одну зеленую ракету, потом вторую. Ракеты полетели в небо и из блокгаузов. Они показывали на луг, предназначенный для посадки.

Гитлеровцы из оцепления заметили сигналы заставы. Их пули опять запели, засвистели, защелкали во дворе. Не обращая внимания на обстрел, пограничники жадно следили за небом.

Серебристые, охваченные багрянцем заката, самолеты шли, тяжело урча, уже над головой. Пилоты не могли не видеть ракет!

— Приготовиться к очистке луга! — закричал Лопатин.

Все было решено заранее. Как только самолеты начнут снижаться, часть бойцов выскочит на луг, чтобы сбросить с него вражеские трупы, остальные станут выносить из подвала раненых и укладывать их в овраге Млынарки. Туда же прибегут женщины с детьми, чтобы успеть погрузиться в самолеты.

— Еще ракету! — закричал Гласов.

Флагманский самолет повернул к Свитажеву. За ним остальные.

Вот они выстраиваются уже в цепочку и описывают круг за кругом над заставой.

...Еще две зеленые ракеты помчались к небу, задержались там на мгновение и затем, рассыпая желто-зеленые брызги, медленно поплыли вниз.

Чувство того, что в воздухе свои, советские люди, возможно, посланные на выручку заставе высшим командованием, помогало забыть об опасности.

Бойцы уже были готовы выскочить из траншей, как круг самолетов внезапно разомкнулся, и они полетели вслед за вожаком дальше, на северо-запад, к Варезу.

Все ждали, что за Бугом они развернутся и, опускаясь, снова покажутся над фольварком. Думали также, что их временное исчезновение является лишь маневром для обмана противника, и ждали их появления со стороны Черного леса.

И хотя гул самолетов умолкал, и все постепенно начинали понимать, что они легли на курс, надежда на возвращение самолетов не пропала.

— Я вам говорю — воротятся ночью! — горячился Перепечкин. — Высмотрели днем, как удобнее к нам подойти, чтобы истребителей немецких на хвост не посадить, а сейчас уходят к себе обратно, темноты ждать.

— А зачем им горючего столько понапрасну портить? — не соглашался Давыдов. — Раз — сюда, раз — обратно, потом опять сюда! Такие концы! Да и людям не легко.

— А попробуй-ка, сядь сейчас днем под таким обстрелом! Мигом фашисты зажигательными ударят по самолетам! — не унимался Перепечкин.

— А ночью, думаешь, не ударят? Из темноты им еще сподручнее бить будет! По кострам-то!.. — протянул Давыдов.

— По кострам пусть бьют! Самолеты в стороночке сядут, а мы тем временем на хутор к захватчикам ворвемся, такой им ералаш устроим — держись! Мигом забудут о самолетах. А вам, раненым, остающиеся здесь ребята славную посадку устроят, как в курьерский поезд! — фантазировал Перепечкин.

Споря с Давыдовым, он уже знал, что, отсылая связанных, Лопатин поручил им предложить командованию два варианта: если смогут самолеты приземлиться днем, все будет сделано для их приема немедленно, даже ценою жертв со стороны пограничников. А найдут летчики нужным прилететь ночью, застава встретит их в

темноте: Карбовский луг будет освещен кострами, как хороший ночной аэродром. Часть пограничников в это время бросится в контратаку на Задворье и на Скомо-рохи, чтобы отвлечь внимание немецкого оцепления.

Теперь Лопатин снова до мелочей продумывал, как же лучше встретить самолеты ночью.

В подвале рубили ящики из-под патронов и гранат. У входа были поставлены наготове банки с керосином. Пограничники, назначенные для вылазки, подвешивали к поясам гранаты, набивали под сумки и карманы патронами. Из брезентовых плащ-палаток и палок, на которых до войны носили на стрельбище мишени, женщины смастерили удобные носилки для раненых.

Но и в суете всех преследовали одни и те же мысли: удалось ли Галченкову и Герасимову добраться до советского командования?

Действительно ли пятерка самолетов, появившаяся над фольварком, была послана на выручку осажденным пограничникам или это были скоростные бомбардировщики, шедшие бомбить тылы танковой группы генерала Клейста? Да и были ли вообще эти самолеты советскими?

Однако сомнения и неуверенность раненых бойцов не могли погасить общей надежды, что наступающая ночь с 27 на 28 июня может принести им избавление. Позабыт был и убитый генерал. Забыты были все невзгоды прошедших дней обороны.

Сильное, непреодолимое желание соединиться со своими заслоняло остальное, второстепенное, и даже сомневающиеся в успехе перелета по воздуху пограничники верили, что эта ночь окажется самой удачной за всю неделю.

8. САМАЯ ТРУДНАЯ НОЧЬ

«На Луцком направлении в течение дня развернулось крупное танковое сражение, в котором участвует до 4000 танков с обеих сторон. Танковое сражение продолжается.»

В районе Львова идут упорные напряженные бои с противником, в ходе которых наши войска наносят значительное поражение ему.»

(Из сообщения Советского Информбюро за 28 июня 1941 года).

27 июня, в половине одиннадцатого вечера, багровый отблеск орудийного залпа осветил крыши избышек на околице Задворья. От первого же снаряда, выпущенного по заставе, во дворе фольварка стало так светло, как будто кто-то внезапно зажег на холме сотни электрических ламп. Даже пулеметчики в блокаузах могли различить любую стреляную гильзу у себя под ногами.

— Бьют термитными, — догадался Лопатин. Посылая Зикина в подвал, сказал ему: — Пусть законопатят все дырки во двор. Дверь наружу не открывать!

Снаряд, врезавшийся в стенку подвала, обращенную к Карбовскому лугу, стекал бело-огненной массой по кирпичам, распространяя удушливую серную вонь. Казалось, что кто-то невидимый прикоснулся к стене огромным электродом и водит им, образуя вольтову дугу, а металл расплывается на кирпичках, отбрасывая зеленовато-синие блики.

Женщины затыкали щели в окнах подушками, мокрыми тряпками. Запах серы уже чувствовался и в подвале. Он становился с каждой минутой все сильнее. Немецкие артиллеристы посылали снаряд за снарядом по остаткам заставы.

Изредка на холме с оглушительным треском рвались бризантные снаряды, и опять со сводов подвала сыпалась кирпичная пыль.

— Поджарить нас хотят за того генерала пузатого, — заметил Егоров.

— И костров разжигать не надо, — светло, как днем, — сказала Гласова, приоткрывая на мгновение дверцу коридора.

— Спета наша песенка, — тихо, сквозь зубы, протянул Дариченко.

Около него застонал Данилин. Ему становилось все хуже.

— Потерпи, Дариченко, самолеты сядут и... — попробовала утешить раненого Погорелова.

— Эх, Дуся, какие самолеты, когда такое делается? — всердцах перебил Погорелову Давыдов. — Какой летчик сядет на луг под таким обстрелом?

— Не сейчас, так позже прилетит, — сказал Гласов, быстро входя в подвал и с силой захлопывая за собой дверь. В час обстрела он хотел быть с теми, кто больше всего нуждался в душевной поддержке. Он прекрасно

знал, какие тяжелые мысли гнетут сейчас раненых, так надеявшихся, что еще сегодня ночью их увезут отсюда.

— Вы это серьезно говорите, товарищ политрук, что за нами могут прислать самолеты? — спросил Давыдов.

— Не только говорю, но и уверен в этом. Вспомни, Давыдов, как челюскинцев с льдины спасали. Оттуда, брат, куда труднее было вывозить людей: пурга, ветер, ропаки, на тысячи километров жилья не сыщешь, а все-таки...

...Грохот разрыва оборвал слова Гласова. Яркая вспышка мелькнула в отсеке, точно молния, залетевшая со двора. Пошатнулась лампа от сильной воздушной волны; казалось, еще немного — и она погаснет совсем. Но вот огонек в стеклянном колпаке выпрямился.

Когда в подвале стало светло, все увидели, что на прежнем месте Гласова нет. Отброшенный силой взрыва, он лежал на земляном полу, а по затылку его стекала кровь...

* * *

Наступило утро.

Хотя фашисты и продолжали бить термитными снарядами по заставе, но при дневном свете обитателям подвала уже не было так страшно, как ночью. Дверь в коридор приоткрыли. Женщины расконопатили окна, выходящие во двор. В сером полумраке виднелись забинтованные раненые. У Данилина уже не было сил стоять. Лишь изредка открывал он пересохшие губы, собираясь что-то сказать, и снова погружался в забытие.

Сейчас фашисты стреляли с паузами — выпустят несколько снарядов, потом посылают солдат в разведку. Пограничники отгоняли их огнем. Затем наступало несколько минут передышки, вслед за которой орудия вновь открывали огонь. И так все время, с самого рассвета.

Лопатин понимал, что противник прощупывает и засекает его огневые точки. Чтобы обмануть противника и сберечь людей, он стал менять позиции пулеметчиков. Отгонят пограничники немцев, и сразу же по ходам сообщения перетаскивают пулеметы в запасные гнезда, а немецкая артиллерия ведет огонь по пустым блокаузам.

Люди очень устали от частых перебежек. Запыленные, с запавшими щеками, в измазанных глиной и штукатуркой гимнастерках, они подчас не могли даже сбежать в подвал напиться воды.

Как хорошо, что Гласов вовремя догадался залить водой все пустые бочки! Если бы не это — туго пришлось бы людям и пулеметам!

— Почему не брит, Максяков? — остановил перетаскивавшего ручной пулемет баяниста начальник заставы.

Он говорил, а сам смотрел куда-то вдаль сосредоточенным, отсутствующим взглядом. Все чаще и чаще после смерти Гласова бойцы стали замечать в глазах Лопатина этот далекий, отсутствующий взгляд. Видно было, что он говорил одно, а думал другое.

Поставив пулемет прикладом на землю, Максяков провел ладонью по заросшей щеке и сказал виновато:

— Такая кутерьма — разве побреешься?

— Все равно надо!

— Есть побриться! — послушно крикнул ему вслед Максяков и закрыл глаза руками.

Он успел заметить лишь быструю вспышку пламени и поплывшую куда-то вверх мокрую балку, вырванную из правого блокгауза прямым попаданием.

Открывая глаза, Максяков заметил бегущего к блокгаузу Лопатина.

«Как хорошо, — подумал Максяков, — что начальник заговорил со мной! Не задержись он здесь и...»

Лопатин привел в подвал новых раненых.

Первым спустился вниз Никитин. Мужественное загорелое лицо его было перекошено от боли, губы побелели. Но все же он был не так страшен, как низенький и коренастый ефрейтор Песков. Лицо Пескова было изуродовано не то снарядным осколком, не то камнями. Его напарнику Конкину поранило обе руки. Конкин держал рукоятки «Максима» в ту минуту, как разорвался снаряд.

Наверху у второго «Максима» оставался теперь командир двух станковых расчетов — в прошлом московский слесарь — Иван Котов, вместе с бойцом Головкиным.

Раненые усаживались на матрацах. Лопатин быстро прошел в отсек.

Там, у кирпичной стены, исполосованной снаружи

подтеками термитных снарядов, лежал на сером солдатском одеяле мертвый Гласов. Голова его была забинтована сложенной вчетверо чистой простыней.

Лопатин ворвался сюда сразу, в разгар ночного боя, как только услышал, что ранило Гласова. Бережно обтирая платком кровавую пену, закипавшую в предсмертном дыхании на губах Гласова, и ничего не видя, ничего не слыша вокруг, начальник заставы шептал:

— Держись, Павлуша, не сдавай... Ты выцарапайся... Держись... Смотри на меня... Слышишь?

Но держаться было трудно. Невозможно. Когда мозжечок человека рассечен горячей сталью, даже самые нежные слова не помогают.

На корточках около мужа, неподвижная и окаменевшая в своем горе, сидела Дуся Гласова. Серое, сразу постаревшее ее лицо было в слезах.

— Оставьте мужа, Гласова, перевязывайте бойцов, — сказал Лопатин. — Ничем вы ему уже не поможете.

Гласова, пошатываясь, встала. Она приложила руки к вискам, поправила волосы и, не глядя, шагнула вперед с той самой приступочки, с которой упал он, ее Павел.

— Дай мне зеркальце, Дуся, — сказал идущий навстречу землячке ефрейтор Песков.

Она сперва его не узнала и молча вглядывалась в страшное, окровавленное лицо. Чужое несчастье вернуло ее к жизни. Она машинально пошарила в карманах куртки и протянула Пескову овальное зеркальце в никелированной оправе.

Песков посмотрелся, покачал головой и сказал:

— Родная мать, и та не узнает...

— А ты водицей обмой, Песков, враз полегчает, — сказал сквозь зубы, морщась от боли, его напарник Конкин. Он полоскал в банной шайке свои пораненные руки.

— Думаешь? — спросил Песков, протирая глаза и подходя к нему. — Она же солоноватая; должно быть, из-под огурцов?

— Неважно. Огуречный рассол крепость дает. Он как бы вроде дезинфекции, — бормотал Конкин, скрывая боль. Ему тяжело было шутить, но, всегда упрямый и азартный, он и сейчас не хотел показывать свою слабость перед товарищами.

Песков подождал, пока Конкин помоеется, потом ополоснул несколько раз бачок и налил туда свежей воды. Он осторожно наклонил голову и плеснул водой в израненное лицо.

— Ой, жжет! — вскрикнул от боли.

— Терпи! Терпи! Пусть жжет, зато всякую нечисть вымоет, а потом женщины тебе иодом побрызгают, и снова красивый будешь, — сказал Никитин. — Вода не страшна, она любое лекарство заменяет, если поблизости ничего подходящего нет. Я, брат, однажды себя косою по ноге протянул. Думал, изойду кровью. Подбежал к Волге, сполоснул водицей ногу, надрал капусты заячьей, рукавом от рубахи замотал — и все. Затянулось. Одна метка осталась!

Женщины разрывали простыни на длинные полосы, Анфиса и Погорелова быстро свертывали их.

Безучастная ко всему, ошеломленная своим горем Гласова стояла около них не шевелясь.

Погорелова свернула последний бинт, положила его на одеяло и подошла к Гласовой.

— Обе мы с тобой овдовели, родная. Как ни горюй — не воротись. Помогай лучше перевязывать. За работой оно как-то легче...

Измазанный сажей, весь черный, как трубо-чист, из дымохода, который по-прежнему служил наблюдательным пунктом заставы, спустился Зикин.

— Герман вокруг угомонился, — доложил Зикин Лопатину. — Одни наблюдатели у пушек остались. Все, должно быть, завтракать пошли. А вот на Тартаковском шоссе, товарищ начальник, опять пыль столбом. И стреляет кто-то на старом месте.

— Тише, — сказал Лопатин и, прижимаясь к окну, выходящему во двор, стал прислушиваться.

В самом деле, в густом грохоте движущихся к востоку танков противника время от времени слышались короткие и жесткие удары. Были они не похожи ни на пулетные очереди, ни на взрывы гранат, ни на стрельбу обычных полевых орудий.

«Похоже — мелкокалиберная пушка! — подумал Лопатин. — Но откуда же ей там взяться? А вдруг это наши на танках сюда прорываются?» — мелькнула и сейчас же погасла в его усталом от бессонных ночей мозгу радостная мысль.

Короткие резкие разрывы слышались из одного и того же места, несколько километров южнее, а гул танков постепенно передвигался к Радехову.

Кто же все-таки стрелял на юго-западе от Скоморох в то тяжелое утро?

Начальник заставы отошел от окна.

Женщины уже заставили Никитина снять штанину брюк. Он сидел смущенный и разглядывал рваную осколочную рану на сильном мускулистом бедре.

— Кость цела? — быстро спросил Лопатин.

— Думаю, да. Раз ступить могу — значит цела.

— Двигайся поменьше. Перевяжут — ложись, — сказал Лопатин.

— Как же я буду лежать, — ответил Никитин. — А если пойдем?

— Куда пойдем? — не понял Лопатин.

— К нашим... Вы ведь верите, товарищ лейтенант, в подмогу?

— Если Галченков и Герасимов пробилась — верю, что подмога будет! — сказал Никитину начальник заставы.

— А вдруг опоздает? — спросил Никитин. Морщась от боли, он поднял обеими руками ногу еще выше, чтобы женщинам удобнее было ее перевязывать.

— Все равно, Никитин. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! Так говорили коммунисты Испании, воюя с фашистами. А ведь это мы — советские люди — научили их таким словам и можем повторить их здесь, около Буга! — сказал Лопатин.

— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! — прошептал, превозмогая боль, стоящий рядом с ним Конкин. Ожидая своей очереди перевязываться, он вытянул вперед израненные руки.

— Верно, товарищ лейтенант, — согласился Никитин, с трудом натягивая штанину на забинтованное бедро. — Наши думы одни с вами и положение равное, хотя вы и начальник, а мы рядовые. А как на соседних заставах? Почему их не слышно? Может быть, они иначе поступили?

Лопатин помолчал.

— Я знаю о них ровно столько, сколько и ты, Никитин. Но я думаю, что и они ведут себя хорошо.

9. ОТ ЛЮБОМЛЯ ДО ПЕРЕМЫШЛЯ

«Ни одна пограничная застава без приказа свыше не отошла».

(Из воспоминаний ветерана Владимир-Волынского пограничного отряда полковника Василия Зернова).

...Прав ли был, предполагая именно так, а не иначе, начальник маленького пограничного гарнизона, окруженного врагами в конце июня 1941 года?

Спустя много лет после того, как происходил этот разговор, я считаю возможным мысленно раздвинуть стены подвала тринадцатой заставы и перенести действие повествования за пределы Скоморох, для того чтобы более подробно рассказать читателю о том, чего никак не мог еще тогда знать точно Алексей Лопатин...

В конце 1941 года главное командование немецкой армии издало книжку «Ди вермахт». На 247-й странице этого официального издания помещена карта, раскрывающая направление главных ударов военной машины фашизма. На карте с территории Германской империи и так называемого «генерального губернаторства», т. е. оккупированной Польши, протянулись в нашу советскую сторону пять длинных, затушеванных серым цветом стрел. Вторая снизу серая стрела начиналась от самого восточного выступа «генерального губернаторства» и своим острием упиралась в Киев. Серая тень стрелы покрывала обозначенные на карте города Луцк, Дубно, Новоград-Волынский. Расположенный у самого восточного выступа «генерального губернаторства» Владимир-Волынский немецкие генштабисты не потрудились даже обозначить. Они считали захват Владимира-Волынского минутным делом. Установлено более или менее точно, что в этом направлении Гитлер бросил три пехотных корпуса с танками, артиллерией и другими специальными частями первого удара. На пути этих войск с первой минуты встали и пытались задержать их советские пограничники, рассредоточенные вдоль Буга по отдельным заставам.

Бросая отборные войска первого удара на Луцк, захватчики рассчитывали в полчаса смять сопротивление советских пограничных застав, овладеть с ходу Владимир-Волынским и, не дав развернуться основным силам Красной Армии, открыть себе широкий путь в глубокий тыл Западной Украины.

Каждая минута была дорога для противника, выполняющего этот заранее до мелочей продуманный оперативный план.

И вот на пути у самодовольных, бесконечно уверенных в себе захватчиков сперва вырастает со своими людьми старший лейтенант Неежайло, начальник пограничной заставы, расположенной в селе Выгаданка. Озлобленные неожиданным появлением на своем пути людей в зеленых фуражках, фашисты со всей яростью обрушиваются на них огнем, штыками, душат в блиндажах ручными химическими гранатами. Только утром 24 июня, спустя двое суток после начала войны, гитлеровцам удастся подавить сопротивление горстки бесстрашных пограничников. Застава уничтожена! Кажется, все! Широкая дорога на Владимир-Волынский открыта. Сотни танков генерала Клейста устремляются туда. Но это не значит, что по шоссе на Владимир-Волынский могут свободно и безнаказанно следовать за танками немецкие пехотинцы. На их пути опять появляются пограничники начальника участка в Усцилуге капитана Неплюева.

Усцилуг — маленькое старинное местечко, расположенное у слияния Западного Буга с его притоком — рекой Лукой. Пересекая обе эти реки, важная шоссейная дорога Грубешов — Владимир-Волынский — Дубно одновременно пересекает и местечко Усцилуг, замыкающее и этот важный путь противника.

Если бы у капитана Неплюева оказались под руками противотанковые пушки, то, безусловно, и немецким танкам было бы нелегко прорываться через местечко. Однако самым мощным оружием, каким располагали пограничники Неплюева, были станковые пулеметы. Их огнем пограничники до 8 часов утра 22 июня не позволяли немецкой пехоте переправляться через реку. В это время капитану Неплюеву доложили, что группа каких-

то военных оседлала мост за Усцилугом. Военные пропускают в Усцилуг всех едущих из Владимира, но обратно не выпускают никого.

— Проверь, кто такие, Чумовицкий! — приказал Неплюев своему помощнику, лейтенанту.

Уже возле самого моста пограничники увидели сидящего подле насыпи часового с синими кавалерийскими петлицами на гимнастерке. Эти синие петлицы внушили подозрение. Кавалерийских частей в окрестности не было. Еще более подозрительным было лицо часового: красное, откормленное лицо совершенно здорового человека, оно было перевязано чистым бинтом. Не успел лейтенант Чумовицкий потребовать документы у часового, как тот вскинул автомат и смертельно ранил лейтенанта в живот. В короткой схватке пограничники перебили немецких диверсантов-парашютистов. К этому времени фашисты уже начали просачиваться на улицы Усцилуга. Пограничники Неплюева завязали с ними уличный бой.

В этом трудном бою, цепляясь за каждый дом, перебегая огородами, стреляя из сараев, чердаков, из-за заборов, принимали участие не только люди капитана Неплюева, но и пограничники других застав, которых война захватила в Усцилуге.

В истории старинного местечка сохранится надолго подвиг неизвестного пограничника Чернявской заставы. Он пришел в Усцилуг накануне по увольнительной, подписанной старшим лейтенантом Артамоновым, и, думая провести в Усцилуге выходной день, устроился на ночлег в пустующем общежитии около школы.

Артиллерийский обстрел застал его спящим одного в большой комнате. Обратно в Чернявку пробиваться было поздно.

Пограничник одевается, хватая свою винтовку, пояс с подсумками и в гуде артиллерийской канонады выбирает себе траншею поудобнее поблизости от реки.

Он спрыгивает в траншею и остается в ней до вечера. Медленно, не торопясь, неизвестный пограничник посылает пулю за пулей в фашистов, появляющихся около его траншеи. Изредка он выползает, снимает с убитых оружие, патроны. С непонятным для врагов упорством он ведет бой совершенно один.

Его командиром является отныне его совесть. Он

сражается за Родину, карая нарушителей в одиночку и совершенно не зная обстановки. Он не знает, что его соседи-пограничники ведут бой на улицах Усцилуга. Время близится к вечеру. Незвестный боец уже несколько раз ранен. Используя минуты затишья, он сам перевязывает себе раны и снова берется за оружие.

Лишь к 19 часам вечера, когда уже повсюду на улицах местечка шныряют фашисты, группе полевой жандармерии удается подползти к траншее, в которой засел боец из Чернявки.

Одну за другой они швыряют в него гранаты. Знай они, что у пограничника уже не оставалось ни одного патрона, возможно, эсэсовцы сэкономили бы свои гранаты для более опасных целей. Но он казался им очень страшным, этот боец в зеленой фуражке, уложивший короткими очередями из немецких автоматов и спокойными меткими выстрелами из собственной трехлинейки больше взвода немецких солдат, перебежавших возле его траншеи... Очень долго после этого враги будут называть его «советским фанатиком».

Раненного, истекающего кровью, теряющего сознание, жандармы вытаскивают пограничника из траншеи. Он очень страшен им даже полумертвый, с перебитыми руками, с лицом, превратившимся в сплошную кровавую маску.

Они ведут его под откос против здания школы и пробуют прислонить его к земле, но пограничник опускается вниз. Тогда двое жандармов хватают пограничника из Чернявки за руки и быстро, расходясь в стороны, растягивают его. Приподнятый жандармами, он повисает над глинистым откосом, чтобы третьему гитлеровцу было удобнее попасть ему прямо в сердце. И под дулом черного автомата неизвестный пограничник из последних сил кричит:

— Да здравствует Советская Родина!

Длинная очередь из автомата.

... Левый жандарм заслоняется ружьём от летящих гильз.

Мертвый пограничник падает под откос. Вскоре он был тайком похоронен здесь пионерами-школьниками, очевидцами его гибели. До сих пор пионеры любовно убирают могилу, сажают весной на ней цветы, выпалывают бурьян вокруг белой изгороди, стерегущей квад-

рат земли, в котором погребены останки смелого советского человека.

А рядом, в каких-нибудь ста метрах от школы, фашисты вели по обочине Усцилугского шоссе оставшихся в живых пограничников капитана Неплюева.

К 19 часам 22 июня эти последние защитники Усцилуга собрались в огневой точке за школой. Бились, пока хватило патронов. Вышвырнули под ноги бегущих гитлеровцев все гранаты. Стали отбиваться прикладами автоматов и винтовок.

В самом дальнем углу траншеи лежал тяжело раненый заместитель политрука Гулин. Гимнастерка на его груди была порвана и окровавлена.

— Шнель! Шнель! — кричат пятеро эсэсовцев и бросаются к нему. Гулин ждет их, скорчившись от страшной боли в углу траншеи. И вот, когда они уже рядом и протягивают к нему руки, он срывает кольцо последней припрятанной гранаты. Сухой щелчок бойка, взрыв детонатора. Граната рвется на груди у Гулина и убивает его, поражает наседающих «мертвоголовых».

Оставшихся в живых пограничников поволокли на бугор, туда, где стоит в Усцилуге сделанный из желтого песчаника обелиск.

Стратегическое шоссе, спускаясь от этого памятника к мосту через реку, в этом месте проходит в глубоком овраге. Гитлеровцы поставили пограничников на краю оврага и расстреляли из ручных пулеметов. Раненные насмерть, последние защитники Усцилуга падали с крутого обрыва и разбивались на камнях.

Так были убиты на окраине Усцилуга возле желтого обелиска капитан Неплюев, лейтенант Ливенцов, политрук Тесля, помощник Неплюева по материально-техническому снабжению Власов, начальник связи Хлебников и с ними вместе несколько раненных в уличных боях пограничников, фамилии которых до сих пор не установлены.

Погиб там, над обрывом, заместитель политрука Тесли, старшина украинец Дубрава, человек исключительной одаренности и образованности. Кроме русского и украинского, он в совершенстве знал шесть иностранных языков и каждым из них владел так, словно говорил на нем с детства. Пламенный агитатор, он выступал на

многих собраниях в местечке. До сих пор, вспоминая Дубраву, старики Усцилуга говорят: «О, какой это был мудрый старшина! Он был куда мудрее всех учителей в окрестности. Мы называли его профессором, переодетым в пограничную форму».

* * *

Пройдемся с вами мысленно, читатель, от пылающего здания заставы в Выгаданке берегом Западного Буга вверх по его течению к Скоморохам.

В нескольких километрах от Выгаданки обрывистый берег реки образует высокий мыс. Его иногда зовут мысом Василия Петрова.

Позади мыса лежит село Цуцнев.

На этом обрывистом мысу в то первое утро войны, когда небо из серебристо-лилового делалось ярко-красным, залег со своим «Максимом» заместитель политрука пограничник Василий Петров. На много километров в округе он видел перед собой течение Буга и огненные снопы искр, вылетающих из немецких орудий. Но лучше всего Петрову были видны с обрывистого мыса места переправы на противоположном берегу, где, как вздувшиеся туши каких-то животных, передвигались в руках у немцев надувные резиновые лодки.

С правого фланга фашисты послали на советскую сторону роту солдат. Их встретило огнем отделение станковых пулеметчиков сержанта Подгайнова. Ему пулемет работал, пока в лентах были патроны. Кончились патроны — пограничники бросились в рукопашную схватку с захватчиками. Все отделение погибло, но уничтожило перед смертью на берегу Буга больше полусотни фашистов.

К Василию Петрову нарушителям было подобраться куда труднее.

Меняя одну за другой позиции и сдерживая очередями немецкую пехоту, рвущуюся в глубь воынской земли, Василий Петров первые четыре часа был полным хозяином мыса над Бугом и прилегающих к нему переправ.

В 8 часов утра лейтенант Репенко, командовавший пограничниками в Цуцневе, получил приказ отойти к селу Бортнев. Он послал связного на мыс, к заместителю политрука. Сын потомственного железнодорожни-

ка, комсомолец из Малоярославца Василий Петров в это время был уже тяжело ранен и наотрез отказался уходить в тыл.

— Вы идите, а за меня не бойтесь. Я прикрою огнем ваш отход и, пока есть силы,— не двинусь отсюда. А сил и патронов не хватит — подорву пулемет гранатой! — и, прощаясь со связным, Василий Петров показал припасенную ручную гранату.

... Еще долго уходящие к Бортневу пограничники слышали очереди пулемета, у которого лежал на обрывистом мысу Василий Петров.

В тот же день о подвиге пограничника узнала далекая Москва.

В первой телеграмме о боевых действиях пограничников, отправленной из Львова в Москву Главному Командованию, начальник пограничных войск Украины доносил: «Заместитель политрука Василий Васильевич Петров не покинул границу, станковым пулеметом уничтожил полбатальона немцев, погиб смертью героя...»

Вполне возможно, что, погибая на высоком мысу над Бугом, Василий Петров не только видел горящую заставу в Выгаданке, но и слышал отзвуки боя, который вели с немцами пограничники в селе Выдринка.

* * *

Здание заставы тут было выстроено в лесу, на околице села, сады которого незаметно сливаются с лесными кустарниками. Ходы сообщения и блокаузы пограничники вырыли под кронами старых деревьев. Окопы то примыкали порой к тенистой лесной дороге, то терялись совсем в лесной чаще, то мирно соседствовали с зарослями высоких мальв, желтых чернобрывцев, купчаков, бегоний и фиолетовых флоксов.

Букеты этих цветов, наполнявших двор заставы сильным благоуханием, особенно по ночам, старшина Иван Пархоменко приносил подчас в село Выдринку своей невесте Вале Майборде — стройной, порывистой, кареглазой волынянке.

Он не прятался ни от кого со своей любовью, а с твердым мужским упорством и решительностью говорил друзьям:

— Когда осенью мы поженимся с Валей — вся застава будет гулять у меня на свадьбе.

Как мечтал он об этой мирной, урожайной осени 1941 года! Сколько надежд возлагал он вместе с Вале́й на это осеннее время!

Весною 1941 года начальник заставы хотел было в виде поощрения за хорошую службу отпустить Пархоменко домой в Запорожье, к родным.

— Не нужно мне отпуска, товарищ начальник! — неожиданно отказался Пархоменко. — Все одно осенью де­мобилизуюсь и сам туда вместе с Вале́й поеду. Познакомлю ее с батькой, покажу ей Днепр, пусть узнает, что на свете есть реки побольше Западного Буга, прогуляем­ся по электростанции, которую мой батька строил, а по­том вернемся сюда в село господарювать, да и вам по старой памяти помогать границу охранять.

На том и порешили. Не надо, дескать, отпуска.

Иван Пархоменко сам не поехал в отпуск и уговорил не ехать домой и своего дружка командира отделения Степана Юхименко, уроженца села Гулы, Мироновско­го района, Киевской области. Оба они ухаживали за двумя подругами: Иван Пархоменко — за Вале́й Май­бородой, а Степан Юхименко — за Юлией Камин­ской.

Вечером в субботу 21 июня начальник, зная, что у обоих друзей есть невесты, отпустил их в село.

Уже стемнело, когда они вошли в хату к Вале́ Май­бороды. Там уже ожидала и своего Степана Юля Ка­минская, сидел под окном старый отец Вали — Якуб Майборода.

Старшина Пархоменко, как обычно, входя в светли­цу, чуть не задел притолоку, поздоровался и попросил разрешения у старика сидеть в фуражке. Он стеснялся своей стриженной головы.

— Вот к осени отрастут волосы — никогда больше фуражки не надену. Разве что в морозы крепкие! Стри­женому с непокрытой головой посреди цивильных как­то несподручно. Все чего-то недостает.

Русоволосый, слегка веснушчатый, весельчак, плот­ной кости, Пархоменко сел на табуретку, поговорил со стариком, потом снял со стены гитару с голубым атлас­ным бантом у грифа. Сперва он лишь играл на ней ти­хонько, а потом, откашлявшись, запел вполголоса «Рас­кинулось море широко». Под негромкий аккомпанемент гитары он пропел «Васильки» и их любимую песню,

очень распространенную в те времена на заставе, «На границе тучи ходят хмуры».

Трудно было ему петь и в тот вечер и в другие, сидя в этой низенькой светлице. Не привык он петь, понижая голос почти до обычного разговора.

— Мне бы, Валя, развернуться на просторе. А тут, если запою как следует, враз стекла полопают. Поедем вот на Хортицу, выйдем к Днепру, я тебе покажу, что значит настоящее пение. На другом берегу Днепра будет слышно,— говорил Пархоменко,— а потом рыбки половим. Сомов и коропов у нас пропасть!

Степан Юхименко в тот вечер, слушая песни старшины, тихо сидел на лавке рядом с Каминской и вполголоса беседовал с ней о том, что в будущее воскресенье они поедут вместе в Усцилуг. Был Степан Юхименко скромн и застенчив в обращении с девушками, и Юля не раз говаривала ему:

— Ты погляди на Ивана, вот открытая душа — что глаза видят, то уста скажут. А ты какой-то скрытный, молчаливый, все молчишь да молчишь, и неизвестно, что у тебя на душе.

Вернувшись на заставу в третьем часу ночи, Юхименко и Пархоменко решили перед тем, как лечь спать, почаевничать.

Начальника на заставе не было. Дежурный рассказал, что он ушел проверять посты к Бугу вместе с каким-то старшим лейтенантом, прибывшим из Владимира-Волынского, из штаба отряда.

Сержант Юхименко вскипятил на кухне воду, заварил отдельно чай, и оба они уселись друг против друга за длинным обеденным столом, затянутым чистой клеенкой.

Приятно чаевничать так на рассвете, когда голубая полоска зари подкрадывается к ночи из-за горизонта. Громче, пользуясь последними минутами ночной темноты, поют соловьи в кустах за окопами, а в распахнутые настежь окна врываются вместе с их звенящим пением запахи метеолы, душистых левкоев, «спящей красавицы» и простой лесной мяты, выросшей на опушке соседнего леса, там, где поднимается над бужским берегом высокая сторожевая вышка.

Приятно чаевничать не спеша, зная, что завтра —

воскресенье, привезут сюда из Усцилуга картину «Валерий Чкалов», и можно будет под треск аппарата, сидя на скамейке рядом с Валей, прижимаясь иногда к ее горячей щеке, растолковывать ей непонятные слова.

Хорошо чаевничать так на рассвете, прислушиваясь к спокойному сну усталых после наряда бойцов, и пододвинуть еще раз другу, сидящему напротив, опорожненную кружку и следить, как хлещет в нее из пузатого эмалированного чайника свежий кипяток.

И очень страшно в такую вот тихую минуту услышать в одно и то же мгновение резкий треск взлетающей ракеты, какие-то звонки на чужом берегу, незнакомые отдаленные выкрики команд и первый залп, от которого задрезежат, задвигаются на петлях распахнутые оконные рамы.

* * *

— В ружье! — закричал Иван Пархоменко, еще в столовой. — В ружье! — несколько раз повторил он, бегая по комнатам. Бойцы, срываясь с постелей и видя совершенно уже одетого старшину, ругали себя за то, что не услышали его первого окрика.

— Хватай оружие и за мной! — крикнул Пархоменко, понимая, что каждая минута сейчас дорога.

Забрав с собою половину бойцов, Пархоменко занял оборону слева, перекрывая огнем дорогу из села Корытница в Усцилуг. Справа, с другой группой бойцов, расположился в окопах политрук Киян. Через несколько минут эта первая группа была смята ротой немцев, появившихся около блиндажей. Лейтенант Киян вывел своих людей в лес, чтобы соединиться с Пархоменко, но фашисты перерезали группе дорогу, и лейтенант погиб.

Комсомолец Пархоменко остался один командовать гарнизоном, так как начальник заставы, застигнутый войной на отдаленном участке границы, не смог уже пробиться в Выдринку.

— Держись! — кричал Пархоменко, перебегая окопами от одного блокгауза к другому.

Первые нарушители, выскочившие из леса возле наблюдательной вышки, так и остались лежать навсегда

на опушке, обильно поросшей густой травой. Другие, высовывая головы из-за деревьев, кричали:

— Рус! Капитуляция!

— А это не пробовал? Я вам, сукины сыны, дам капитуляцию! — закричал, свирепея, Пархоменко и швырнул на опушку гранату.

Фашисты стали пробираться в тыл заставы оврагом. На дне его протекал ручеек. Сверху овраг был закрыт зарослями бузины, орешника и калины. Ветви кустарников сплетались, как естественная арка. Станковые пулеметы противника повели огонь с опушки по блиндажам заставы. Пархоменко чувял, что гитлеровцы заползают ему в тыл где-то рядом, по оврагу. Он бил из пулемета по опушке и в перерыве между очередями стал метать гранаты туда, в овраг, но они, натываясь на густо переплетенные ветви, рвались в листе кустарника, не достигая фашистов.

Наповал у ручного пулемета убило Степана Юхиенко.

«Вот тебе и свадьба осенью, — с горечью подумал Пархоменко. — Бедная Юля!»

Старшина положил мертвого друга тут же рядом, в окопе, и схватил его ружье. Он ощущал теплоту приклада, которого только что касались руки Степана. Пулемет убитого задрожал в цепких пальцах старшины.

На опушке леса изредка выскакивали немецкие офицеры. «Вайтер! Вайтер!» — кричали они, суетясь и показывая на дорогу, ведущую к Усцилугу.

Скоро две роты окружили заставу. Разбитое снарядами ее здание уже пылало, бросая багровые отблески на зеленый двор, густо засаженный цветами.

В самом заднем блиндаже задыхались от дыма и близкого огня дети политрука Павла Кияна — восьмилетняя Надя и пятилетняя Леночка. «Папа, папочка, вынеси нас отсюда!» — кричала Леночка, разрывая руками мокрую глину и помогая выбраться из блиндажа тяжело раненному в голову и в руку пограничнику Рубилкину.

Густая туча ползущего по земле и заслоняющего дневной свет дыма от зажженной немцами дымовой шашки загнала Леночку в самый далекий угол блиндажа, к сестре. Не знала она, задыхаясь и умирая в дыму, что ее отец, пытаясь прорваться на левый фланг,

погибает в лесу и ничем уже не может помочь своим детям.

* * *

Все меньше и меньше живых пограничников оставалось в блиндажах. Еще совсем недавно вместе со старшиной их было 24 человека, а сейчас, к 10 часам утра, осталось всего восемь человек.

Немецкая граната, разрываясь на бруствере блокауза, повредила станковый пулемет. Замолчал навсегда «Максим», верно служивший пограничникам в первые часы боя. Снова из леса донеслось:

— Рус! Давай капитуляция!

Пархоменко ответил кричавшему короткой очередью и потом, утирая пот, сказал лежавшему около него повару Дмитрию Скибе:

— Передай хлопцам: не станет чем биться — нехай пробираются по одному до Выдринки. Там наши люди. Я приползу после, и разом в отряд подадимся.

Через минуты две его ранило разрывной пулей в ключицу. Пересиливая боль, он все еще держал приклад пулемета и бил из него, щадя патроны, совсем коротенькими очередями. Был выстрелен последний патрон. Тихо стало в блиндаже. Только кричали, накапливаясь на опушке, гитлеровцы.

В тишине все отчетливо слышали гул машины. Она проскочила мост и заехала во двор заставы, тормозя у пылающего здания.

У Ивана Пархоменко оставалась еще одна граната. Он изловчился и здоровой рукой метнул ее туда, к освещенной пожаром клумбе, за которой стояла пятнистая машина. Осколки последней гранаты убили трех офицеров.

И вот тогда-то, после разрыва гранаты, захватчики в стальных шлемах, со штыками наперевес вырвались из леса и побежали к окопам. Они догадывались, что им ничто уж больше не угрожает, и потому с яростью прикалывали сверху всех раненых пограничников.

Рубилкин к этому времени подполз сквозь дым к своим товарищам. Он видел и запомнил навсегда, как фашисты расправлялись с его друзьями. И к нему уже бежал какой-то рослый ээсовец. Рубилкин скатился в окоп и притворился мертвым. Фашист выстрелил ему

сверху в плечо. Рубилкин, не шелохнувшись, вытерпел страшную боль.

До того, как приползти ночью в село Выдринку, где его спрятал в стодоле крестьянин Петро Дужельский, многое еще пришлось увидеть Рубилкину.

Он видел, как исколотый штыками, раненный гранатой, не имея уже сил для того, чтобы встать на ноги, полз по окопу к Выдринке, к своим людям старшина Иван Пархоменко.

Немецкий офицер в такой же стальной каске, как и у его солдат, заметил ползущего пограничника и разрядил в него сверху свой пистолет. Потом, перезаряжая обойму, постоял еще немного на бруствере, поглядел, не шевелится ли старшина, и, махнув рукой, позвал солдат следовать дальше, на Усцилуг.

Так пал в бою моторист из Запорожья, герой Украины, славный продолжатель подвигов свободолюбивых своих предков-запорожцев, комсомолец Иван Иванович Пархоменко.

Настанет день, и в предместье Вознесенка на стене дома 39 по улице Льва Толстого будет прибита мемориальная доска, рассказывающая о подвигах отважного земляка Ивана Пархоменко над Бугом.

Подвиг Пархоменко стал широко известен в прибужских селах в первые недели войны, еще когда сопротивлялась окруженная оккупантами застава в Скоморохах.

Крестьяне Выдринки и других сел узнали, что группа пограничников под командой Ивана Пархоменко истребила больше роты вражеских солдат и офицеров.

Вечером, в тот первый день войны, когда еще тлели балки заставы, в село Выдринку забрел в поисках продуктов какой-то разговорчивый немецкий фельдшер. Он был родом из Верхней Силезии, хорошо говорил польски и жаловался крестьянам:

— Наше командование не думало, что большевики станут так биться здесь. Мы думали, что сразу к Владимиру-Вольнскому продвинемся. А тут — на тебе: самого regimentлейтера нам здесь убили, главного доктора нашего, майора и обер-лейтенанта гранатой разорвало, и других офицеров много побито. Я одних раненых 45 человек перевязал и за Буг отправил. А сколько зарыть мертвыми здесь придется!

* * *

В 23 часа 30 минут 22 июня 1941 года, когда перепуганный фельдшер устроивался на ночлег у одного из крестьян Выдринки, все время приговаривая: «Ай-яй-яй! Самого региментлейтера убили! Кто бы мог подумать?» — из Львова по проводам военного телеграфа генерал, командовавший пограничными войсками Украины, коротко сообщал в Москву о том, как ведут бои ближайшие соседи Выдринской заставы:

«...Застава в Литовиже. Около блокаузов убито 100 немцев. Помещения заставы сожжены. Застава продолжает бой».

* * *

После того как фашисты переправились через Западный Буг в Литовиже и в Кречове, они рванулись проселочными дорогами к железнодорожной станции Иваничи, захватили ее и пошли на Порецк.

Их очень манил этот крупный узел шоссейных и грунтовых дорог, откуда они намерены были броситься к железнодорожной линии Луцк — Львов и перерезать ее.

Но на пути гитлеровцев, двигавшихся по дороге из Иванич в Порецк, в селении Заболотцы встала пограничная застава лейтенанта Уткина. Его перевели в Заболотцы из села Скоморохи, в котором Уткин командовал пограничной заставой до приезда Алексея Лопатина.

До сегодняшнего дня лейтенанта Уткина вспоминают с одинаковой любовью жители древнего галицийского села Скоморохи и волыняне, населяющие Заболотцы.

Славу о храбром, мужественном лейтенанте-пограничнике увезли с собой в Чехословакию чехи — переселенцы с Волыни.

В Судетских горах, в одном селении, где поселились сейчас в домах бывших генлейновцев чехи из Заболотцев, я разговаривал с пожилой чешкой — уроженкой Волыни — Боженной Шмейкаловой. Вспоминая, как били гитлеровцев пограничники около Буга в июне 1941 года, чешка сказала:

— А больше всех их перебил такой русявый лейте-

нант Уткин. Славный человек и храбрый то вояк был. В большой дружбе с нами, чехами, жил он до войны. Знал, что мы ненавидим гитлеровцев, доверял нам, как братьям.

Пограничники Уткина вступили в бой с гитлеровцами несколько позже других застав — в 8 часов утра 22 июня.

Сперва в атаку на заставу пошел фашистский батальон. Вскоре от него осталась половина. Командование врага бросило для захвата блокаузов второй батальон пехоты. Враги стали обтекать заставу и просачиваться в тыл. Уткин передал об этом в штаб отряда по телефону.

— Не давайте окружать себя! Выходите на Мышов! — крикнул ему в ответ капитан Зернов.

В 9.15 минут утра начальник участка капитан Федотов получил от лейтенанта Уткина последнее телефонное донесение:

«Застава окружена плотным кольцом фашистов. Перехожу в контратаку для прорыва...»

На этом связь с Уткиным оборвалась. Лишь позже представилась возможность установить, что окруженные врагами пограничники Уткина бились до последнего патрона и, один за другим погибая, на целые сутки задержали продвижение противника на Порецк.

Только шесть раненых пограничников смогли выполнить приказ командования отряда и пробиться к Мышову. Все остальные вместе с лейтенантом Уткиным, слава о котором долетела и до Судетских гор, погибли в бою на волынской земле.

* * *

Обойдем пока сторонкой заставу в Скоморохах и перенесемся дальше, вверх по течению Буга, к Сокалю.

Установлено, что глубокой ночью с 21 на 22 июня 1941 года начальник участка капитан Иван Бершадский еще не спал и сразу же отозвался на телефонный звонок из штаба отряда.

— В Забужье слышен гул немецких танков и лязг гусениц! — доложил Бершадский, когда его спросили, что нового на участке. Догадывался ли он, что всего

через час эти же питлеровские танки с грохотом рванутся на старый мост через Буг?

Знал ли он, что всего час отделяет его от тяжелого, непоправимого несчастья?

Оно настигло Бершадского сразу.

Первые снаряды разорвались во дворе.

Опережая домашних, он мчится в штаб, чтобы объявить тревогу по участку. Страшный треск снаряда и отблеск разрыва заставляют его обернуться.

Бершадский бросается к падающим на камни жене и двенадцатилетнему сыну, осторожно укладывает в стороне на траву их еще теплые тела. Для прощания с самыми дорогими людьми у него остаются считанные мгновения.

Бетонные ступеньки лестницы мчатся ему навстречу, Бершадский не слышит близких разрывов, не замечает дыма, вползающего в уже разбитые окна.

Кусок штукатурки рассыпается у самого порога его кабинета. Где-то очень близко разорвался снаряд. Бершадский хватает телефонную трубку, звонит в штаб отряда, в дивизию, на заставы, пробует связаться с соседней комендатурой.

Скоморохи уже не отвечают. Молчит и лейтенант Качков. А ведь люди его должны закрывать границу у моста, ведущего из Сокала в Забужье.

Какую силу воли надо было иметь, чтобы в такие минуты, по соседству с непоправимым горем, посылать в тыл связных, встречать короткими, отрывистыми приказаниями вбегающих подчиненных, давать распоряжения о выдаче противогазов, патронов, гранат, не забывать уничтожить секретные документы и помнить о всех людях, порученных ему!

Вбегает Холод, политрук. Ему в любую минуту угрожает такое же несчастье. Год назад здесь, в Сокале, гулял Бершадский на свадьбе у Холода. Недавно политрук поехал к себе на родину, в отпуск, за стариками. Вчера утром он позвонил Бершадскому со станции: «Здравствуй, Иван Варфоломеевич! Прибыл по назначению. И старики со мной. Пришли, будь добр, машину!» Вскоре после этого разговора полный вещей грузовик въехал во двор комендатуры. Политрук спрыгнул прямо с борта в траву, поцеловал при всех свою жену Зину, перевел взгляд на ее заметно округлившийся жи-

вот, потом снова побежал к машине, чтобы помочь сойти старикам...

— Скоморохи молчат. Вот беда! — говорит Бершадский, словно спрашивает совета.

— Я возьму людей в комендантском взводе и пробьюсь туда! — решает Холод. Он весь в этих словах — стремительный, горячий коммунист, умеющий быстро принимать решения.

— Бери! И пусть связисты порывы заделают! — соглашается Бершадский.

В ту же минуту они слышат автоматную очередь под костелом Фарни. Бой идет уже в кварталах Сокаля. Слышен нарастающий гул танков. Подымаясь с моста, они набирают скорость, выворачивают гусеницами бульжники древних мостовых и мчатся вперед. «Вайтер! Вайтер!» — торопит командира одиннадцатой танковой дивизии генерал-майор Людвиг Крювеля сам генерал Клейст.

Не задерживаясь в Сокале, танки вырываются мимо кладбища на Тартаковское шоссе. От их тяжести сотрясаются своды даже в самых глубоких подвалах, переполненных мирным населением. Танки прорываются дальше, на Тартаков, на Стоянов, а немецкие автоматчики, спрыгивая с их бортов, пытаются с налета овладеть Сокалем. Многие автоматчики падают, пораженные выстрелами, пограничников, контратакующих фашистов и у моста, и подле школы, и возле Николаевской церкви, и на лестницах спортивного дома общества «Сокол», который фашисты осаждают с особенной яростью, предполагая, видно, что в доме этом расположен советский штаб.

Уже шныряют по чистым улочкам древнего города перебежавшие Буг вслед за немцами украинские фашисты с «тризубами» на немецких пилотках. Уже гауптшрифтлейтер — пан редактор Нестор-Всеволод Рипецкий в немецкой походной униформе пробегает с пистолетом в руках по улице Мицкевича, облюбовывая дом для редакции официоза украинских фашистов «Українські вісті».

Смыкается все уже кольцо окружения. В нем пограничники, вырвавшиеся из комендатуры, ведут бой с захватчиками и пытаются прорваться на Переспу и Розджалов, к частям Красной Армии. А у тыльных ворот

комендатуры по-прежнему стоит часовой в зеленой фуражке, заступивший на этот пост еще до войны.

Часовой не знает, что группы пограничников под командой Холода и Бершадского уже не смогут вернуться на территорию военного городка. Но часовой-пограничник, фамилия которого осталась неизвестной, хорошо помнит: что бы ни происходило вокруг, без приказа свыше — часовой с поста не уходит.

Этот священный воинский закон помнит не только часовой у ворот сокальской комендатуры. Его помнят все часовые советской границы от Баренцова моря до устья Дуная. Его выполняют часовые, охраняющие в этот рассвет интересы Советского государства на линии Западного Буга, Солокии, Сана и других рек.

И ничто — ни грохот мчащихся совсем близко танков Клейста, ни яркие вспышки снарядов, поджигающих на глазах у часовых деревянные крыши сокальских домиков, ни разрывы гранат где-то около, совсем рядом, за дощатым забором — не может заставить его забыть слова присяги и священную обязанность часового.

Он стоит у ворот комендатуры, советский воин в брезентовой накидке, наброшенной на плечи, с противоголозом на боку, в простой солдатской фуражке с зеленым околышем, с винтовкой в руках. Он стоит один, на смерть, против движущейся на него с Запада шестой армии, вооруженной танками, самолетами, минометами, оружием всех марок, знакомых целой Европе, и снабженной ручными химическими гранатами, предназначенными для уничтожения особенно непокорных большевиков. Но часовой не уходит с поста, чувствуя себя сильнее всей этой двигающейся на него вражеской техники. Он чувствует за собой, на Востоке, всю силу поставившего его на этот пост советского народа, который там позади надевает сейчас военные гимнастерки, берет оружие.

Враги уже во дворе комендатуры. Они рыщут по комнатам штаба, находят кучи пепла в печках с открытыми дверцами, следы карт на стенах, концы оборванных телефонных проводов. Они хватают наскоро банки со сгущенным молоком в маленьком военном кооперативе и, проламывая доски, а то и перелезая через забор, выбегают на заднюю за комендатурой улицу.

И тут они замечают советского часового в зеленой фуражке.

Они бросаются к нему. Часовой стреляет. Фашисты залегают, бросаются снова. У часового уже нет патронов. Он отбивается штыком, прикладом, когда у него вырывают винтовку — дерется головой, руками и, раненый, истекая кровью, гибнет, заколотый тесаками, так и не сойдя с поста у дощатых ворот.

Капитан Иван Бершадский узнает о гибели часового много позже от раненого пограничника, который пробился по огородам Сокаля за город и выскользнул из рук противника. Комендант участка поймет тогда, почему не отмечал на его звонки и лейтенант Качков, сразу же принявший бой с немцами, бегущими по мосту на его заставу. Звонить по телефону было уже некогда. Из госпиталя в Ковеле лейтенант Качков прислал в отряд записку: «Застава разбита. О судьбе комендатуры не знаю. Дважды тяжело ранен. Направляют на лечение в Киев».

Неизвестная Качкову судьба сокальской комендатуры была тесно связана с поведением капитана Ивана Бершадского. Он пробился со своими людьми в части стрелковой дивизии, располагавшейся далеко за Сокалем, вел бой с гитлеровцами уже в рядах регулярной армии; пограничники Бершадского вынесли из боя раненого командира дивизии и ее знамя. Вместе с остатками дивизии пограничники вышли из вражеского окружения уже за линией старой государственной границы.

Люди, помнящие то время, рассказывают, с какой яростью бил фашистов Иван Бершадский.

Ему тяжело было видеть женщин и детей. Когда в лесу около Корчина Зина Холод рожала на брезентовой плащ-палатке долгожданного первенца, Бершадский закрыл глаза и зажал уши. Этот первый детский крик в лесу, простреливаемом немецкой артиллерией, напомнил ему крик собственного сына, оставленного там, на булыжниках Сокаля, с раздробленным черепом.

Этот первый миг войны Бершадский помнил все время. Память его была острой, неугасаемой, а ненависть к захватчикам сумела победить и личное горе, и минутное оцепенение и привела его к поступкам смелым и решительным. К концу войны он был уже полков-

ником, в этом звании форсировал Днепр, ведя свою часть к берегам Буга, на которых начинал войну. Совсем немного осталось идти Бершадскому до Сокаля, когда в 1944 году его смертельно ранило в бою.

* * *

Левее Сокаля, там, где приток Буга — река Солокия — поворачивает вверх, на северо-запад, к Томашуву, около железнодорожной станции преграждали дорогу врагу пограничники лейтенанта Федора Васильевича Морина.

Было отбито уже пять атак. Пьяные гитлеровцы забрасывали блокаузы гранатами. Некоторые гранаты пограничники хватили на лету и швыряли обратно. Уже вышли патроны в ленте пулемета сержанта Корочкина.

— Отходи! — крикнул сержанту лейтенант Морин.

Корочкин пополз в тыл, уводя с собой пять раненых бойцов. Морин бросает последнюю гранату. Вместе с оставшимися в живых семью пограничниками он забегает в здание заставы.

— Не пускайте немцев, пока я не сожгу документы! — кричит лейтенант.

Его люди занимают позиции у окон. Патроны кончились. Остается надежда только на штыки винтовок. Лейтенант поджигает бумаги. Пламя воев в трубе, унося в дымоход легкий серебристый пепел документов, которых не имеют права прочесть фашисты. Все ближе и ближе гудят моторы. Во двор заехали два танка. Они в упор бьют по зданию. За танками бежит пехота.

— Все! — говорит Морин и швыряет в огонь последнюю пачку смятых документов. Потом хватает винтовку и приказывает:

— Пойдем, товарищи!

Танкисты (так рассказывают крестьяне) увидели выходящих из дома пограничников и перестали стрелять. Возможно, им казалось, что русские идут сдаваться. Выбежали вперед немецкие пехотинцы.

Вдруг пограничники вскинули винтовки и с пением «Интернационала» бросились в штыковую атаку.

Первым упал лейтенант Федор Морин, сраженный очередью немецкого автомата...

... А неподалеку от заставы погибшего лейтенанта Морина, на запад, возле Олещиц, в подожженном со всех сторон здании комендатуры продолжали давать связь от застав в Раву-Русскую связисты-пограничники. Ими командовал старший лейтенант Кудряшов. Брови и волосы связистов опалены. Лица покраснели от жара. На полу видлись, свертываясь и пропадая в огне, залегающие из соседней комнаты листочки донесений. С грохотом обвалилась крыша. Раскаленные листы жести полетели во двор. А связисты все не покидали распределительного щита.

Их обожженные руки перебрасывают в гнездах никелированные раскаленные штепсели, хватают трубки. Пахнет резиной от горящих проводов. Фашисты лезут в окна, стучат сапогами в комнате рядом. Дежурный по отряду в Раве-Русской записывает слова Кудряшова:

— Мы в огне! Ломаем коммутатор. Привет Родине!

... Но ничего этого не знали лишённые связи с соседями защитники тринадцатой заставы в Скоморохах. Они могли только догадываться, что на всей линии пылающей границы их боевые друзья ведут себя отважно.

10. КЛЯТВА В ТУМАНЕ

Ближе к полудню в воскресенье 29 июня солнце было укутано багрово-дымным венчиком, словно готовилось к затмению. Странный дымчатый нимб видели жители львовских окраин, уже занятых немецкими танками. По багровевшее солнце наблюдали и люди тринадцатой заставы в Скоморохах.

Худой, осунувшийся лейтенант Лопатин решил, что это к дождю. И вспомнил старую морскую поговорку: «Солнце красно с вечера — моряку бояться нечего, солнце красно поутру — моряку не по нутру».

Перемена погоды не могла изменить положения окруженного гарнизона. Люди его все меньше поглядывали на небо. Уж почти никто не надеялся на помощь с воздуха.

Немцы не беспокоили защитников артиллерийскими обстрелами, и Лопатин понимал, что, понеся большие потери, они придумывают какой-то способ, чтобы заставить

пограничников сдать. Может быть, они ожидают саперную часть или тяжелую артиллерию, способную крупнокалиберными снарядами поднять из земли на воздух остатки дома? А может быть, они хотят применить газы или дымовые шашки.

Что могло случиться сегодня или завтра — Лопатин не знал, но одно ему было ясно: немцы применят любые средства, чтобы добиться своего.

Лопатин все еще не мог свыкнуться с мыслью, что нет Гласова. Даже думать о нем, как о мертвом, начальнику заставы было невыносимо тяжело. К тому же на заставе чувствовалось отсутствие любимого политрука. Лопатин делал все, чтобы заменить погибшего. В минуты затишья, когда немцы даже одиночными выстрелами не беспокоили заставу, Лопатин подсаживался к раненым, подолгу беседовал с ними, пробовал шутить. Но горечь незаменимой утраты давала себя знать все сильнее. Лопатин часто ловил себя на том, что он стал нервничать, раздражаться, иногда покрикивать на жену.

В тот день уже с обеда Лопатин обдумывал новое решение, но рассказал о нем всем лишь с наступлением темноты.

Начальник заставы задумал вывести подчиненный ему гарнизон из окружения и пробиваться к своим.

В подвале при свете лампы обсуждали, как лучше двигаться на восток, минуя большаки и шоссеыные дороги, на которых могут оказаться гитлеровцы. Кто-то предложил:

— Через Грушев надо...

Повеселевший Давыдов откликнулся:

— Обязательно через Грушев. Там надежные люди живут и помогут нам всегда. Там у меня знакомый есть — дед Леон Хирук, той осенью старику исполнилось 90 лет. Да мне бы только с вами к этому Леону добраться! Этот дед, сказывают, еще русских революционеров с ленинской «Искрой» через царскую границу переводил... Если в его хате места не хватит, у дочерей и внуков его разместимся. У него, почитай, полсела родственников!

* * *

Выходили в понедельник, после полуночи. Группа под командой старшины Клещенко, выйдя из заставы,

должна была пробиваться сразу на северо-восток к селу Бараньи Перетоки и там, в леске за селом, в условленном месте, подождать остальных. В группу Клещенко, кроме здоровых бойцов, входили раненые Конкин, Песков, Давыдов, Никитин и старуха — мать Лопатина.

Сам Алексей Лопатин двигался вместе с остальными бойцами, женщинами, детьми и ранеными, которые не вошли в группу Клещенко.

Медленно, в полной темноте, задерживая дыхание и с трудом переставляя ноги в узком полузасыпанном окопе, шли за начальником заставы женщины и дети. Здоровые бойцы несли раненых. Укачивала на руках сонного Толю Анфиса Лопатина. Сдерживали стоны раненые. Они понимали, что один неосторожный звук может погубить всю группу.

Лопатин, выйдя первым, решил вести свою группу окольным путем. Двигаясь в направлении белого каменного креста под вишенкой, он думал проскользнуть ложиной под самым носом жандармских патрулей около хутора Задворья, надеялся пересечь большак, соединяющий Скоморохи с Ильковичами возле усадьбы Никиты Пеньковского, и податься дальше, в обход, на Стенятин. А уже из этого села, как казалось Лопатину, можно будет повернуть вверх, к Бараньим Перетокам, к тому леску, где решено было собраться всем.

Двигаться было нелегко. В одном месте ход сообщения оказался заваленным упавшими сверху балками. Чтобы перенести Дариченко через бревна, Максяков остановился и высоко поднял носилки. Заминка остановила продвижение всей группы.

Подойдя к левому блокгаузу, Лопатин вылез из окопа и хотел было подхватить носилки, как вдруг услышал, что во дворе, под чьими-то ногами зашелестел бурьян.

— Фашисты! — шепнул Лопатин и спрыгнул обратно в окоп. «А что, если они накинутся на группу Клещенко, приготовившуюся выходить?» — подумал он и приказал поворачивать обратно.

Они вернулись в подвал. Там уже не было никого из первой группы.

Оказалось, что это люди Клещенко шелестели бурьяном, пробиваясь к скомороховской дороге, мимо той са-

мой канавы, где все еще лежал непохороненный Матвей Скачко.

Ждали минуту, другую, третью...

Думали, вот-вот разорвут эту предутреннюю тишину выстрелы на линии большака. Опасались, что завяжется ночная перестрелка, преграждая пограничникам дорогу во Владимир-Волыньские леса. Но все было тихо.

Пропел и захлопал крыльями сонный петух за усадьбой Бецелюка. И опять — ни звука. Только ветер шелестел в бурьяне.

... Раненых положили прямо с носилками на землю подле ступенек, ведущих в коридор. Тихо стонал Данилин. Вдруг неожиданно захрипел Дариченко, и все поняли, что начинается агония. Он держался из последних сил, пока его несли; надеялся, что попадет на чистый операционный стол, в руки опытного хирурга в первом же военном госпитале. Когда же он вновь увидел над собой кирпичные своды подвала, угасла последняя надежда на спасение. Силы окончательно оставили Дариченко...

— Давайте бежать, Алексей Васильевич, — сказала Гласова, касаясь рукой плеча Лопатина.

Начальник заставы молчал и напряженно смотрел в светлеющий квадратик восточного окна. Что чувствовал он в эти минуты наедине со своими мыслями?

Возможно, он вспоминал все, что связывалось в его сознании со священным понятием воинского долга, исключаящим в любых условиях трусливое слово «бежать»?

А быть может, торжественные слова «Варяга» — любимой песни, которую, бывало, пели в его родном селе старики, побывавшие на японской войне, — проникали в его мысли издалека, с зеленых лугов Ивановской области, где прошло его детство. Сколько раз играл ему «Варяга» и здесь на своем баяне Максяков!

Разве не была сейчас чем-то подобным «Варягу» заставка, это на две трети сметенное огнем, но все еще плотно вросшее своим основанием в землю, искалеченное, засыпанное горами кирпича и землю старинное здание, над которым все еще вился простреленный алый советский флаг?

Разве не был он капитаном этого здания-корабля, в подвалах которого все еще хранились в запаянных цин-

ковых коробках патроны, лежали в ящиках гранаты, бронзовые детонаторы, винтовки?

А быть может, стоя у окошка подвала, Лопатин вспоминал иной, поздний осенний рассвет 1939 года? То был день производства его в офицеры и прощания с родным училищем...

На широком мощеном плацу выстроены все курсанты. Ветер с Волги приятно освежает недавно умытые лица. Первый взвод ушел за знаменем в штаб. И вот, наконец, появляется оно из далеких дверей штаба. Знаменосцы поспешно распускают его, и ветер рвет бархатное полотнище из рук лучшего курсанта. Звучит команда: «Училище, под знамя! Смирно!»

Торжественные звуки встречного марша гремят на старом учебном плацу. А потом курсанты слышат голос начальника училища, читающего приказ. Отныне он, Лопатин, бывший слесарь Ковровского экскаваторного завода,— командир самых отборных, самых лучших воинских частей Советской страны.

Двумя часами позже начальник штаба сказал ему:

— Вас, Лопатин, мы решили направить к Черному морю. Места хорошие!

Немного помолчав, Лопатин попросил:

— Направьте меня лучше на Запад! Где-то там погиб от немецкой пули мой отец.

Во Львове, прежде чем явиться за назначением в штаб войск, Алексей Лопатин взобрался на Княжьё гору. Над ее обрывистыми склонами, поросшими смереками, грабами, березами, над близкой к горе могилой первопечатника Руси Ивана Федорова Алексей Лопатин вспоминал свои родные места.

Простор, открывающийся взгляду с Княжьёй горы, напомнил Лопатину широкое раздолье Поволжья. Здесь, на склонах Княжьёй горы во Львове, Лопатин с особой остротой осознал, как велика, необозрима его Родина, его Отечество, пославшее лейтенанта-волжанина сюда, в Галицию, охранять рубежи воссоединенной навеки в едином Советском Украинском государстве украинской земли.

* * *

— Светать уже скоро будет. Пойдем, товарищ начальник! — более настойчиво, прикасаясь к плечу Лопатина, говорит Гласова.

Дариченко уже умер. Его накрыли простыней и отнесли на носилках в сторону.

Лопатин отошел от окна, осветил лежащего в беспмятстве Данилина и сказал:

— Нет, Дусенька, никуда мы, мужчины, не пойдем. Я без приказа заставу не оставляю. Вы с детьми идите напрямиком на Стенятин, а потом поворачивайте к лесу. Одних вас, без военных, пожалуй, никто не тронет. А с нами — попадетесь.

Прощались уже на крыльце. Туман поднялся высоко. Сейчас он застилал белой, клочкообразной пеленой весь двор заставы, скрадывал очертания споровших конюшен, неслышно и воровато взбирался на побитое осколками крыльцо. И всем казалось, что не у развалин дома они стоят, а на макушке высокой, неприступной горы, пробившейся к небу сквозь слой густых облаков.

Алексей Лопатин крепко поцеловал Славика, легко прикоснулся ко лбу Толи, стараясь не разбудить малыша, осторожно обнял жену. Он простился и с остальными женщинами, погладил по головке Светлану Погорелову и тихо сказал:

— Прощайте! Клянемся вам, что будем биться до последнего, но живыми врагу не сдадимся!

Женщины с детьми неслышно спустились по холодным ступенькам крыльца и, мягко ступая по траве, скрылись в направлении на Стенятин.

* * *

Утром, когда взошло солнце и клочья тумана, разгоняемые его лучами, расплзались и как бы таяли, оставляя мокрые следы на скрюченных трупах немцев, опять заговорили два станковых пулемета. Им вторили одиночные винтовочные выстрелы.

Горсточка пограничников—последние защитники заставы над Бугом—выполняла клятву, данную лейтенантом Алексеем Лопатиным от их имени в густом предрассветном тумане.

Шел девятый день обороны заставы — понедельник 30 июня 1941 года.

В это утро немецкие войска с разных направлений входили во Львов. Части 101-й дивизии немцев проходили уже под тополями Академической улицы, а штаб-

ные офицеры осматривали гостиницу «Жорж», где предполагал остановиться сам командующий группой «Юг» фельдмаршал фон Рунштедт.

Чины полевой жандармерии уже занимали в этот день «Бурсу Абрагамовичей» на гористой, примыкающей к Стрыйскому парку, окраине Львова. В больших досье, которые раскладывали гитлеровцы на столах в «Бурсе Абрагамовичей», хранились составленные заранее по заданию Гимmlера краевой организацией украинских фашистов «черные списки» намеченной к немедленному истреблению львовской интеллигенции.

30 июня 1941 года легкие и тяжелые танки, входящие в группу «Юг» танковой армии генерала Клейста, захватили уже Дубно, Кременец, и, прорываясь на Ровно, стремились поскорее достигнуть линии старой государственной границы СССР.

Часть танков катилась к Тернополю, чтобы перерезать дорогу из Львова на Киев.

Старинное село Скоморохи было уже в глубоком тылу гитлеровских войск.

Однако по-прежнему государственный флаг Советского Союза развевался над развалинами фольварка, на высоком холме, припорошенном кирпичной пылью.

* * *

В ночь с 30 июня на 1 июля фашисты снова возобновили атаки. Пограничники били их, но враги подползали все ближе. Автоматы и станковые пулеметы с покрасневшими стволами отказывались работать. Раскаленные пули брызгались свинцом и падали в нескольких метрах от крыльца заставы. Пришлось заменить автоматическое оружие винтовками.

Видя, что фашисты наглеют все больше, Лопатин закричал «ура» и поднял своих людей в контратаку.

Дальше всех вырвался Зикин. Он хотел было настигнуть бросившегося назад гитлеровца, но тут тесак другого врага распорол ему живот. Падающего Зикина подхватил Максяков.

— Расстегни мне ремень, а то подсумки на рану давят, — чуть слышно прошептал Зикин и, забываясь, из последних сил крикнул: — Бей фашистов!..

11. СВОИ И ЧУЖИЕ

Светало, когда женщины с детьми подошли к Стенятину.

С горькими складками в уголках рта шла впереди всех Погорелова. Было условлено: на все вопросы встречных будет отвечать именно она, полтавчанка, хорошо знающая украинский язык. «Пусть думают, что мы местные», — решили женщины.

Показались первые хаты Стенятина.

Из сарая большой усадьбы слышалось, как журчат струи сдаиваемого молока. Женщины переглянулись и замедлили шаг.

— Давай попросим молока, Фиса? — шепнула Гласова, вопросительно глядя на Лопатину. О себе они уже не думали. Лишь бы маленького Толю молоком напоить.

— Пусть Погорелова попросит, — сказала Лопатина, доставая деньги, которые дал ей на дорогу муж.

— Хозяйка, а хозяйка! — нерешительно позвала Погорелова.

На ее зов из-за хаты вышел высокий, огненно-рыжий человек с лицом, еще мокрым от умывания.

Уже одна его серо-зеленая шапка с двумя рожками над кучым околышем насторожила женщин. Сбитая на затылок, она была украшена каким-то блестящим новеньким значком. Это был «тризуб» — знак украинских националистов.

Если бы среди женщин был кто-нибудь из галичанок, то они сразу бы по этой шапке-«мазепинке», какую носили «украинские сичовые стрельцы», служившие австрийцам в первую мировую войну, определили, что за человек подошел к ним. Но все три женщины еще мало жили в Западной Украине, не знали ни местных обычаев, ни истории этого края и поэтому спокойно ожидали этого долговязого в рогатой шапке.

Он медленно, вразвалочку, прошел по двору в своих задубелых сапогах, оперся руками о перекладину забора и, дыша прямо в лицо Погореловой, спросил:

— Вам чего?

— Хлопчик больной. Молока продайте, — сказала Погорелова, кивая на спящего Толю.

— А вы откуда? — спросил рыжий в «мазепинке».

Позже они узнали, что его зовут Иван Кней. Уроженец Бабятина, он был прислан на пополнение созданной немцами «украинской» полиции.

— Мы... из Сокаля, — некстати вмешалась Гласова.

— Из Сокаля? А почему грязные такие? Не врите, сознавайтесь откуда?

Проклянная себя за остановку у плетня, женщины молчали.

— Пойдем, что ли! — упрямо встряхивая волосами, сказала Гласова. — Раз им жалко кружку молока продать, не будем упрашивать! — и шагнула в сторону дороги.

— Стой! — во всю глотку закричал Кней. — Я тебе дам «па-а-айдьом»! Откуда, говорите, ну? С заставы, верно? — и он ухмыльнулся, довольный догадкой.

— С заставы! Ну и что ж такого? — вскинув голову, сказала Гласова, чувствуя, что все уже потеряно, что этот рыжий от них не отвяжется.

— Степан! Степан! — закричал Кней, обращившись к хате.

— Чего тебе? — крикнул, выбегая оттуда, Степан Ющак.

Это был совсем еще подросток, в такой же, как у Кнея, шапке. Он удивленно разглядывал сонными глазами женщин и детей, стоявших на улице.

— Смотри, каких гусей поймал, — сказал довольный Кней. — С той заставы все! Я их до фельджандармерии доведу или самому Макару сдам. Беги-ка до Цейка, нехай подводу дает!

* * *

Они едут по проселочной дороге, навстречу мчащимся с бешеной скоростью на восток немецким мотоциклам, танкам, танкеткам, грузовикам. Ющак, по кличке «Лев», погоняет двух буланых коней, забранных им у кого-то из селян Стенятина по приказу «коменданта» украинской полиции Кирилла Цейко.

Иван Кней сидит напротив женщин на борту подводы с автоматом в руках. Тупой носок задубелого сапога полицейского упирается прямо в бок Лопатиной, но она не двигается, сидя на голой доске, и лишь качает на руках Толю. Как отошал, высох за эти дни ее мальчуган!

«Пусть убьют меня, лишь бы хоть его в живых оставили!» — думает она, с любовью глядя на исхудалое лицо сына.

На дороге показалась колонна легких танков. Кней стал без устали салютовать офицерам, проезжавшим в машинах вдоль колонны.

В Сокале их повели к одноному Владимиру Макару. Кулацкий сынок из деревни Паторица, террорист, воспитанный ОУН (Организация украинских националистов), он вместе с Нестором-Всеволодом Рипецким в те дни создавал на Сокальщине карательные группы в помощь гитлеровцам.

В то время как его задушевный друг, никем не признанный поэт, а ныне гауптшрифтлейтер Нестор-Всеволод Рипецкий открывал на главной площади Сокаля редакцию газетки «Українські вісті», Владимир Макар выпрашивал у немецких властей для украинской полиции дворец графа Дзедушицкого в своем селе Паторица. Пока же, временно, полиция обосновалась в здании райпотребсоюза.

Зайдя в кабинет к Макару, Кней сразу же стал шептать ему что-то на ухо, и чем больше шептал Кней, тем злее становилось лицо украинского националиста.

Макар вскочил со своего места и закричал:

— На Украину приехали... Кто тебя звал сюда? — стукнул он костылем о пол, обращаясь к Погореловой.

— Никуда я не приезжала. Это моя земля! — ответила ему Погорелова по-украински.

— Ты украинка? — опешил Макар. — Откуда?

— Из Градижеска.

— А сюда как попала?

— Муж мой тут служил, — сказала Погорелова.

— А ты откуда? Тебе что тут нужно было? — размахивая костылем над головой Лопатиной, закричал Макар.

— Бей, если совести нет, бей! — спокойно сказала Лопатина, прижимая к груди Толю и держа за руку Славика. — Ну, убивай, только уж всех сразу убивай! — вдруг истерично закричала она.

Все пережитое прорвалось в этом крике: и страшные дни в полутемном погребе под обстрелом, и разлука с мужем, и смерть друзей.

В эту минуту на столе зазвонил телефон. Макар заковылял к столу и, осторожно сняв трубку, приложил ее к уху, как величайшую драгоценность. Он совсем преобразился, отвечая по-немецки: «Яволь!» Несколько раз повторив это слово и добавив: «Данке шейн, данке шейн!», он положил трубку на место и поклонился телефону.

Быстро проводя рукой по своим блестящим черным волосам, Макар низко нахлобучил форменную фуражку и застегнул мундир. Лишь после этого его отсутствующий взгляд снова остановился на группе измученных женщин и детей, стоящих под охраной двух полицейских.

— Меня сам ландкомиссар требует! — сказал он с гордостью своим подчиненным. — Я пошел. А этих большевичек ты, Кней, отведи в бурсу. Пусть разберутся с ними.

* * *

В подвалы бурсы уже было брошено много советских работников, учителей, сельских кооператоров и врачей. Здесь были организаторы первых колхозов на Сокальщине, бедняки-крестьяне, которые после раздела помещичьей земли решили и над Бугом хозяйствовать коллективно.

Всех этих людей, душой и сердцем служивших Советской власти, сторожили у входа в подвал два украинских фашиста-охранника с желто-голубыми перевязями на рукавах.

Когда грязных, измученных женщин и детей втолкнули в подвал и кто-то узнал Евдокию Гласову, легкий шепот пополз между арестованными. Говорить громко не разрешалось. Охранники все время заглядывали в подвал. Все же арестованные успели передать женщинам тринадцатой заставы черствую булку, бутылку молока и несколько яиц.

— Тут все из тринадцатой? — приблизившись к Гласовой, тихонько спросила одна из арестованных. Лицо ее показалось Гласовой знакомым. Это была библиотекарь из Сокаля.

— Бабушка наша где-то отстала, — здороваясь, тихо сказала Гласова.

— А не ваша ли то бабушка сидит вон там, в углу? — спросила библиотекарь.

На ящике с песком Гласова увидела знакомый черный салоп бабушки Александры.

Еще не доходя до большака, бабушка начала отставать от группы Клещенко. Ноги слабо слушались ее, и она сказала старшине:

— Вы уж, сыночки, идите дальше сами, а я себе тихонько поковыляю в Сокаль. Свет не без добрых людей. Меня не тронут. Кому я нужна такая? А вам, молодым, только обузой буду.

Однако оказалось, что и «такую» — восьмидесятилетнюю старушку — фашисты задержали в Ильковичах и отправили в Сокальскую бурсу.

* * *

Находясь под арестом, женщины тринадцатой заставы все больше понимали подлую роль пособников оккупантов — украинских националистов.

Каждое утро арестованных водили регистрироваться в «команду украинской полиции». И как только кто-нибудь из женщин, подходя к загородке, называл свою фамилию, дежурный охранник со значком «тризуба» осыпал пришедших самой унижительной бранью. Все было в этих выкриках прислужников фашизма: и тупая ограниченность, и звериная злоба, и желание подражать своим хозяевам, и стремление выслужиться перед ними, отработать сполна и гитлеровскую форму, и казенный «кошт».

Позволяя украинским националистам, переодетым в немецкую форму, безнаказанно убивать, грабить, измываться над мирным населением, гитлеровцы считали, что украинские националисты останутся верными фашизму до конца, как бывает верен атаману шайки любой разбойник, получивший долю добычи при дележе награбленного.

В один из ближайших дней, когда женщин и детей снова вели отмечаться к дому райпотребсоюза, они увидели около высокого серого костела немецкий грузовик. В кузове его сидели на корточках люди.

Женщины подошли ближе, и Гласова первая поняла, что в машине находятся арестованные. Их головы были вровень с бортами. У многих взлохмаченные, давно нечесанные волосы местами чернели от запекшейся крови. Руки арестованных были скручены проволокой или веревками. В углах машины стояли четыре эсэсовца. Все в черном, с белыми черепами на касках, с автоматами в руках.

До грузовика оставалось еще несколько шагов, как вдруг Гласова признала в одном из арестованных секретаря Сокальского районного комитета партии Мулявко. Сквозь его изорванную рубашку просвечивалось багровое от кровоподтеков тело.

Как изменился этот веселый, жизнерадостный человек! Спокойные, добрые черты его почти всегда смеющегося лица сейчас заострились, под глазами чернели глубокие круги. Виски его были совсем седыми. Гласова часто приходила к Мулявко советоваться, как ей лучше проводить работу среди женщин в Скоморохах. Помнится, Мулявко очень обрадовался, узнав, что Гласова учительница...

— Это очень хорошо, что вы педагог, — сказал тогда Мулявко. — Вам легче будет сблизиться с местным населением. Дружите с местными людьми. Помогайте им преодолеть ту темноту и косность, которую веками здесь насаждали враги Украины. Расскажите крестьянам Скоморох, что такое советский строй. Пусть эти люди как можно скорее станут советскими патриотами, строителями Советской Украины...

...Многие его слова вспомнила Гласова, подходя к грузовику, охраняемому немцами. Она думала, что Мулявко не узнает ее. Но секретарь райкома остановил на женщинах свой пристальный взгляд и громко сказал:

— Гордитесь своими мужьями!

Откуда он знал о том, как вели себя пограничники тринадцатой заставы?

Возможно, что среди избитых и связанных людей в защитных гимнастерках, сидевших рядом с ним в машине, были и пограничники сокальской комендатуры, уже знавшие о сопротивлении заставы в Скоморохах?

Но об этом Мулявко сказать не успел. Он унес с собой в могилу в числе других и эту тайну.

После долгих мытарств по фашистским застенкам, после побоев, издевательств женщины тринадцатой заставы были отправлены на жительство под надзором в Скоморохи. Первой приютила в Скоморохах женщин с заставы семья бывшего счетовода колхоза Петра Баштыка.

От него женщины узнали, что красный флаг над заставой вился до 5 июля 1941 года. Лишь в этот день немецкие саперы, с помощью подкопа, подвели к заставе большую мину, и грохот взрыва потряс остатки дома, подымая вверх целые куски его фундамента и огромный столб кирпичного крошева.

Потом все затихло, и ни одного выстрела в районе фольварка жители больше не слышали.

Фашисты строго-настрого запретили мирному населению приближаться к заставе.

— Да вы не печальтесь, — говорил плачущей Лопатиной Петр Баштык, — ваш муж был умный командир. Кто знает, быть может, напоследок он перехитрил немцев и, пока они подводили мину, вывел своих людей в лес, и фашисты пустой подвал взорвали?

Он говорил так, успокаивая жену начальника, но чувствовалось, что Баштык и сам слабо верил в то, что пограничники, оборонявшиеся до 5 июля, могли выйти из-под развалин фольварка.

Ульяна, жена Баштыка, согрела женщинам воду на летней печке в саду, и они хорошо помылись за кустами сирени. Потом все сели в хате за дубовый стол. Дети — Славик, Люба и Светлана — выглядели очень измученными и похудевшими.

Ульяна поставила на стол несколько тарелок с очищенными крутыми яйцами и молодым луком, баночку сливочного масла, бледно-розовую редиску с мохнатой ботвой, лепешку домашнего сыра с тмином и ржаной хлеб.

Петр Баштык полез с таинственным видом в шкафчик и достал оттуда запыленную бутылку самогонки. По здешнему обычаю, он налил себе первому полную рюмку, а потом остальным и, обращаясь к Гласовой, сказал:

— Жили мы в соседстве славно, не ссорились; теперь

тяжелое время доводится нам переживать разом. Ну, ничего, дождемся лучших дней! Не знаю, пани Дуся, как все люди села будут к вам относиться, но я думаю, что большинство посочувствует. Ну, будем здоровы!

Слезы застилали глаза Евдокии Гласовой, когда, подымая рюмку, смотрела она на Баштыка. Ведь, принимая их, «большевичек», Баштык мог навлечь на себя преследование. Она долго подыскивала слова для ответа хозяину, но так и не нашла слов, которыми можно было бы выразить все свои чувства.

— Спасибо вам, Петро и Ульяна! — сказала она просто. — Мы верили, что вы останетесь советскими людьми, и поэтому зашли к вам.

И, глядя на хозяев, Гласова вспомнила слова Муляко: «Любите местных людей! Они нас ждали!»

Да, особенно в эти трудные дни сама жизнь подтвердила правильность слов секретаря районного комитета партии.

Не только Баштык, но и другие жители древнего села Скоморохи по-дружески отнеслись к семьям пограничников и, чем могли, помогли им в беде. Это были старый Никита Пеньковский, Грицько и Федора Саганские, колхозники Баран, Антосюк и другие. Они скрывали женщин с детьми у себя на квартирах, спасали их от облав, когда фашисты хватали людей для вывоза в Германию. Помощь и отзывчивость бывших колхозников села Скоморохи к женам пограничников помогли им пережить мучительные годы оккупации.

* * *

А в Скоморохах под гитлеровским сапогом было действительно тяжко. Особенно отравляли жизнь немецкие холоуи — украинские националисты. Чего только не приходилось терпеть от них!

В бывшей комнате сельсовета села Скоморохи, куда жены пограничников должны были явиться по прибытии на регистрацию, сидел, развалившись в мягком кресле, старший полицай — кулак Иосиф Гукайло. Он был удивлен появлением женщин с заставы в его канцелярии и сначала не знал даже, как начать разговор с ними.

Потом, вспоминая женщины, он встал, почесался, подтянул брюки и, схватив со стула кнут, закричал:

— А знаете вы, кто я? Захочу — будете жить, захочу — расстреляю! Я его наместник здесь, в селе! — и он показал на портрет Гитлера.

* * *

Холодной осенней ночью, в это страшное время установления «нового порядка» на землях Сокальщины, Евдокия Гласова отважилась пробраться к развалинам тринадцатой заставы. Вместе с ней туда отправились Петр Баштык и Погорелова. Первым через окошко спрыгнул в подвал заставы Петр Баштык. Он помог спуститься туда и женщинам.

Полуистлевшие матрацы были завалены обломками кирпича. Бочки, на которых некогда сидели пограничники, были перевернуты или разбиты. Чиркая перед собой спичками, Петр Баштык помог Гласовой пролезть в узенькую дыру в стене, в тот самый отсек, где она оставила тело своего мужа.

В полной темноте Гласова сломала одну за другой несколько спичек. Наконец ей удалось зажечь огарок церковной свечи. Пламя, растопляя воск на фитиле, увеличивалось, и при его дрожащем, зыбком огоньке Гласова нашла высушенное тело мужа. Все еще забинтована простыней его голова. Почти вся одежда истлела.

Гласова осторожно приподняла легкое, почти невесомое тело мужа. Она обыскала остатки его одежды и нашла в одном из карманов плотный кожаный бумажник. В нем — партийный билет и алое, покрытое темными пятнами крови воинское удостоверение младшего лейтенанта пограничных войск НКВД Павла Гласова. Здесь же была и кандидатская карточка ленинградца Галченкова.

Все эти документы Евдокия Гласова сберегла в потаенном месте. Как только в июле 1944 года авангардные части Советской Армии ворвались в Сокаль, отбрасывая гитлеровцев дальше, за Буг, она пошла разыскивать среди работников, прибывших вместе с передовыми частями Первого Украинского фронта, нового секретаря Сокальского районного комитета партии. Она вручила ему, представителю партии, воспитавшей защитников тринадцатой заставы, два партийных документа коммунистов-пограничников.

Все это случилось спустя три года, когда она свободно могла ходить по улицам Соскала, не страшась немецких фашистов и их прислужников.

В ту же страшную осеннюю ночь 1941 года ей удалось с помощью Петра Баштыка вытащить прах мужа из-под развалин заставы и похоронить его на старинном сельском кладбище.

...После того как стаял снег с полей, 25 апреля 1942 года, жены пограничников пришли сюда снова.

Семь могил разрыли Погорелова и Лопатина в поисках своих близких. Погорелова ходила и к мосту возле хутора Ромуш. Но найти труп мужа ей не удалось.

В лощине около заставы, где некогда Алексей Лопатин переговаривался с крестьянками из Скоморох, приползшими с хлебом для пограничников, женщины заставы нашли большую братскую могилу. Сверху в ней, чуть-чуть присыпанный землей, лежал слесарь Ковровского экскаваторного завода, лейтенант Алексей Лопатин, с честью выполнивший свой долг перед Родиной.

Все документы его исчезли, лишь в наружном кармане гимнастерки женщины нашли аккуратно завернутый в плотную бумагу черновик автобиографии Алексея Лопатина и производственную характеристику с последнего места работы.

В своей автобиографии Алексей Лопатин писал:

«Родился я в 1915 году в семье рабочего и сам стал рабочим. Место рождения — деревня Дюково, Шуйского района, Ивановской области. До 1930 года жил с родными и учился в колобовской семилетке.

Полностью школу мне окончить не удалось. Я окончил только 6 классов ее; в июне 1931 года поступил учиться в школу ФЗУ при инструментальном заводе в городе Коврове. Учился в фабзавуче до 1933 года и после школы стал работать на экскаваторном заводе в том же городе Коврове. На экскаваторном заводе проработал до 1937 года. В этот год меня призвали в армию. В рядах РККА и нахожусь по настоящее время, охраняя западные рубежи нашей великой Родины».

В производственной характеристике начальник цеха Тараканов, парторг Бабурин и профорг Пьянов писали о призывнике Лопатине следующее:

«Алексей Лопатин работает в котельном цехе с 1 сентября 1933 года на должности слесаря. Производствен-

ную программу перевыполняет до 130%. Стахановец. Член ВЛКСМ. Участвует в общественной работе как профгруппорг. Трудовая дисциплина — хорошая».

Под мертвым лейтенантом лежало еще много трупов, положенных крест-накрест. Так обычно фашисты хоронили свои расстрелянные жертвы.

Женщины перенесли прах лейтенанта Алексея Васильевича Лопатина на старинное сельское кладбище и похоронили его под кустом сирени, рядом с политруком Павлом Гласовым.

Сейчас над могилами Лопатина и Гласова сооружен обелиск с надписью:

«Вечная память начальнику пограничной заставы Алексею Лопатину и политруку Павлу Гласову, которые героически погибли в борьбе за свободу и независимость Советской Отчизны, против немецко-фашистских захватчиков».

Под командованием лейтенанта Лопатина и политрука Гласова пограничная застава в селе Скоморохах 14 суток вела самоотверженную борьбу с гитлеровцами. Фашистам удалось захватить заставу только тогда, когда мертвым упал на щит пулемета ее последний защитник — Алексей Лопатин.

Бессмертной славой покрыли себя бойцы-чекисты, ученики Ф. Э. Дзержинского, славные сыны Коммунистической партии».

Обе могилы, как и повсюду на Украине, сейчас покрывает густой пеленой стелющийся низко по земле барвинок. У него блестящие, темно-зеленые листочки. Весной в густой зелени барвинка появляются кое-где благородные, спокойные голубые цветочки. Они похожи на цвет чистого безоблачного неба, что голубеет вверху, над Западным Бугом.

Стебли барвинка, посаженного здесь девушками из Скоморох и женщинами тринадцатой заставы, переползают на соседнюю, третью, более позднюю могилу, как бы соединяя воинскую славу лежащих здесь советских воинов. Эта третья воинская могила появилась здесь летом 1944 года. На столбике ее простая надпись:

«Кавалер трех орденов Отечественной войны, старший лейтенант Леонид Иванович Цветков, 1923 года рождения. Героически погиб в боях с немецкими захватчиками при освобождении украинской земли и села Скоморох над Западным Бугом».

Кавалер трех орденов из Ленинграда, из того города, где занималась заря свободы для всего человечества.

За несколько дней до своей гибели Леонид Цветков отправил семье в родной Ленинград, в дом 17/5 по улице Красной Связи, последнее письмо. Он писал в нем:

«Вот уже третий день мы двигаемся с наступающими частями, освобождая от гитлеровцев украинскую землю. Бои идут, а воздух наполнен таким грохотом, что ушам больно. Одним словом, на мою долю опять выпали тяжелые испытания. Обо мне не беспокойтесь, если долго не будете получать писем. Крепко целую, мама, тебя и Лиду. Твой сын Леонид».

Это письмо мать и сестра Цветкова получили, когда его уже не было в живых. Спустя неделю его товарищи по части прислали матери письмо:

«Ваш сын погиб смертью героя. До конца жизни он был преданным сыном своей Родины. До самого последнего часа он чувствовал себя бодро и своим поведением воодушевлял на боевые подвиги других бойцов и офицеров».

Старший лейтенант Цветков погиб у Буга, освобождая от фашистов последние клочки украинской земли как раз в том месте, где в первое утро войны лейтенант Григорий Погорелов отбивал фашистов, рвавшихся по мосту на советскую сторону.

12. У СТАРОЙ ЗАСТАВЫ

Под развалинами многих пограничных городов над Бугом погребены и сожжены не только тела, но и все документы советских людей, принявших первыми удар фашистских полчищ 22 июня 1941 года. Вот почему я не могу назвать имя пограничника Косарева и затрудняюсь ответить Михаилу Пескову из города Иваново, что случилось дальше с его братом — храбрым пулеметчиком Песковым.

Многого я не знаю, а выдумывать биографии живших на самом деле людей, которых я называю здесь подлинными именами, я не хочу, чтобы неосторожным домыслом не оскорбить память героев, встретивших фашистов на самых передовых рубежах Великой Отечественной войны.

С первого артиллерийского залпа эти советские люди поняли своим горячим сердцем огромную опасность, нависшую над Родиной, и вели себя так, как впоследствии панфиловцы под Москвой, как защитники Севастополя, Одессы, Сталинграда.

* * *

Поля уже щетинились колючей, низко подстриженной соломой. Была осень 1947 года. Наша машина мчалась по тому самому большаку, по которому некогда вез арестованных женщин тринадцатой заставы из Стенятина в Сокаль украинский националист Иван Кней.

— Вот здесь он ударил меня прикладом,— вспоминала сидящая рядом со мной в машине Евдокия Гласова, в ту осень народный заседатель суда в Сокале. Около нее сидела русая, с туго заплетенными косичками Люба, школьница одной из семилеток Сокаля. Напротив — Евдокия Погорелова.

Вскоре машина миновала широкое убранное поле с высокой копной обмолоченной соломой. Рядом, на открытом полевом току, попыхивал черный локомотив, соединенный ремнем с запыленной молотилкой. Возле молотилки в тучах пыли, быстро уносимой ветром, сутились сельские девчата с лицами, покрытыми от солнца белыми хустками.

Когда-нибудь историк Сокальщины, рассказывая об этой осени 1947 года, вспомнит, что не только в Скомо-рохах, но и во всех пограничных селах в этот год возродились уничтоженные фашистами колхозы. Если же историк будет интересоваться судьбами людей, которые вновь поднимали колхозы к жизни, он расскажет и о славной семье Баштыков, первых колхозников Скомо-рох. Он расскажет, как все взрослые члены этой семьи, некогда спасшие женщин тринадцатой заставы, после сбора урожая вступили в Коммунистическую партию.

* * *

...Евдокия Погорелова, следя с машины за молотьбой на колхозном току, сокрушенно говорила:

— Одна у них молотилка только. А сколько разных машин здесь было до войны! Какой сильный колхоз был!

— Ничего, Дуся. Лиха беда — начало! — откликнулась Гласова. — Урожай соберут — богаче станут. Война-то какая прошла. Всего сразу не напасешься.

Гласова внимательно следила за молотью, но глаза ее часто обращались налево, туда, где ближе к границе краснела на холме груды кирпичных развалин, — все, что осталось от тринадцатой заставы.

Я понял ее желание побывать во дворе родной заставы и, хотя заезжал туда не раз, показал шоферу направление.

...Машина круто поворачивает к фольварку, огибает вишенку с последними исклеванными ягодами и, шурша покрышками колес, останавливается около развалин.

Еще больше заросли за лето бурьяном и крапивой окопы. Груды развалин виднеются среди зелени на том самом месте, где некогда высился командирский домик, в котором родился Толя Лопатин. В ту осень 1947 года он с братишкой жил далеко от Буга, в городе Коврове, где работала на экскаваторном заводе Анфиса Лопатина. Сыновья лейтенанта Лопатина прислали мне тогда из Коврова письмо, в котором писали:

«Мы вырастем большие и будем защищать свою любимую Родину, как защищал наш дорогой и любимый папочка. Я учусь в третьем классе, а Толя в первом классе. Учимся хорошо...

Лопатин Вячеслав Алексеевич.

Лопатин Анатолий».

Рабочие экскаваторного завода в Коврове свято чтут память своего боевого друга и воспитанника. Владимирская областная газета «Призыв», узнав о подвиге своего земляка, сообщила:

«Алексей Лопатин принимал участие в изготовлении первых отечественных экскаваторов и отдавал этой работе все свои силы. Он готовил детали для монтажа стрелы. Портрет молодого слесаря был вывешен на доске почета в ряду лучших людей предприятия.

Мастер цеха металлоконструкций Алексей Ермаков так отзывался о нем:

— Алексей Лопатин был неутомимым искателем нового, талантливым рабочим. Он всегда стремился вперед и к лучшему...

У слесарных тисков Алексея Лопатина вывешена сейчас мемориальная доска».

...Давно провалились земляные накаты в блокгаузах, расположенные по углам двора. Ручейки дождевой воды сгладили некоторые очертания брустверов. Крыльцо, с которого глядел вслед уходящим женщинам лейтенант Алексей Лопатин, завалено обломками стен. Взрыв мины разметал их и свалил последний наблюдательный пункт пограничников—задымленную трубу. Лишь гладкие, облицованные цементом перила крыльца указывают нам место прощания женщин заставы с ее последними защитниками.

Мы взбираемся на гору кирпича, все еще возвышающуюся над подвалом заставы, и я случайно нахожу в этом крошеве две патронные гильзы русского образца. В донце одной из них еще цел капсюль. Это остаток боевого запаса, который рвался после взрыва мины и пожара. Капсюль другой гильзы, ржавой, наполовину забитой глиной, сильно расплюсчен бойком. Кажется, что в этом сильном ударе по капсюлю скрыта частица большой ярости бойцов к фашистским захватчикам, вероломно напавшим на Советскую страну.

Кто стрелял этим патроном? Песков? Дариченко? Давыдов? Добродушный толстяк Косарев? Или, может быть, юноша из Ленинграда Галченков срезал пулей из этого патрона связного генерала фон Клейста, порывавшегося безнаказанно заехать во двор советской пограничной заставы, как в свое собственное поместье?...

* * *

Из села один за другим сходятся крестьяне. Подошел дряхлый Иван Баштык — отец Трофима и Петра. Он в домотканом костюме, с сучковатой палкой в руке,

Прибежала и сразу кинулась в объятия Гласовой загорелая, крепко сбитая Маруся Карпяк. Подошла бабушка Мотря с ведром, наполненным грушами. Примчались мальчики лет по десяти-двенадцати и, поклонившись старшим, окружили сверстницу Любу Гласову.

— Добрый день, Дуся!—поздоровался с Гласовой колхозник Бецелюк, чьи овсы, как и встарь, спускаются к низине фольварка, мимо железобетонного дота. — Своих проведать пришла? Давненько вас в селе не видали!

Позже всех прибегает подружка Марии Карпяк, молодая колхозница Анна Баштык. Запыхавшись, она прежде всего обнимает Гласову, а потом здоровается с Погореловой и, немного стесняясь кланяется шоферу и мне.

— Я полуднёвать бежала, — тяжело дыша и поправляя сбитую косынку, говорит Анна Баштык, — вижу — машина. Давай, думаю; посмотрю, кто ж то приехал. А то обе Дуси до нас завиталы! Вот хорошо! А завтра у нас обжинки, первый колхозный праздник, со всех сел гости будут!

— Подросла ты как, Гандзя! — оглядывая девушку, говорит Погорелова. — Уж невеста! А помнишь, Дуся, какое то малое дитя было, когда мы к ним в хату зашли?

— Все беспокоилась, что Ульяна лапшу не доварила, все ворчала на нее, — вспоминает Гласова.

— А то думаете — доварила? А пэвно, что не доварила, — задиристо отвечает Анна Баштык, — голодные были и не заметили!

— Милая, да я слаще и вкуснее той лапши ничего не ела, — говорит Гласова. — С той поры лапша на молоке — самое любимое мое кушанье!

— Есть о чем вспоминать, — говорит Анна и оглядывается. Маруся Карпяк отзывает ее в сторону. Подружки шепчутся о чем-то потихоньку, потом Маруся, мелькая босыми, исколотыми стерней пятками, мчится стремглав в село.

* * *

По накаленной августовским солнцем дороге все мы идем в село Скоморокси.

— Заглянем сперва до Карпяков. Они ждут нас! — просит Гласову Анна Баштык.

Мы проходим двором Карпяка и там, за stodолой, уже набитой снопами нового урожая, застаем в сборе все семейство Карпяков.

У летней печки, сбросив платок, хозяйничает раскрасневшаяся от кухонного жара Маруся. Навстречу нам подымается ее седой отец, Илько Карпяк. Поспешно вытирая руки о фартук, здоровается с Гласовой его жена. Кланяется гостям зять Карпяка, Трофим Иванович Баш-

тык, механик колхоза имени Сталина в Скоморохах.

Анна Баштык срывает сочные груши-скороспелки с оранжево-розовыми боками и налитые соком бледно-желтые яблоки «спасовки». Потряси таким яблоком возле уха—будет слышно, как стучат внутри его маленькие коричневые зернышки.

— Жаль, Анфиса Лопатина уехала, не дождавшись, пока все созреет, — говорит старый Илько. — Разве плохо бы ей с нами жилось?

— На родину мужа поехала, — говорит ему Погорелова. — Она теперь на том самом заводе работает, где Алексей Васильевич слесарем был.

...Мужчины уходят в поле. Урожай не ждет.

Мы проходим в прохладную горницу Карпяков. Вместе с нами, заходит в хату новый гость — лейтенант пограничных войск, начальник заставы.

Лейтенант только что проверял на берегу Буга службу пограничных нарядов, но, узнав от посыльного, что к нему на участок из Сокала приехали гости, немедленно прискакал сюда.

Через раскрытое окно слышно, как позвякивает уздечкой привязанная к сараю лошадь лейтенанта.

Еще в Сокале я слышал немало о лейтенанте, который заступил сейчас на боевой пост, некогда порученный Алексею Лопатину. Я знаю, что новый начальник «Лопатинской заставы» — бывалый советский офицер. Он начинал Великую Отечественную войну рядовым, а закончил ее лейтенантом. Советская Армия двинулась дальше, на запад, а он остался у Западного Буга охранять восстановленную границу. Вместе с другими пограничниками он очищал пограничную зону и прибужские леса от гитлеровцев и украинских националистов. Много прислужников «нового порядка», в том числе и полицай Кней, нашли свою смерть от пуль пограничников.

Девушки усаживают лейтенанта на почетное место, возле Гласовой. Он сейчас за хозяина в этой хате. Мужчин нет, они в поле.

На правах хозяина начальник заставы принимает от Маруси Карпяк бутылку яблочной наливки домашнего изготовления. По здешнему обычаю он наливает себе первую чарку и, желая всем здоровья, выпивает ее одним махом,

Чарка обходит по кругу. Все меньше и меньше остается на тарелках пунцовых крупно порезанных помидоров с луком и с перцем, залитых уксусом, исчезает сало еще от «прошлогоднего кабанчика». Наконец, старая Карпьяк торжественно вносит со двора глубокую миску. Она ставит ее перед Гласовой, и та, поглядев в миску, восклицает:

— Лапша! На молоке! Как тогда! — И, обернувшись к Марусе, говорит: — Так вот чего вы шептались там, в сторонке?

— Чула от дивчат, що то ваше любимое блюдо, — говорит Карпьяк. — Кушайте, прошу! То из новой муки лапша приготовлена.

— Дело не в лапше, а в том, что за люди ее готовили, — говорит Гласова.

— Как тогда! — повторяет вслух слова Гласовой Погорелова. — Неужели мы пережили уже это время? Неужели вечером не надо отмечаться нам с тобой, Дуся, у Гукайла?

Лейтенант-пограничник улыбается при этих словах. Он, офицер армии, отменившей все фашистские регистрации на землях, освобожденных ее воинами, уже одним своим внешним видом возвращает женщин тринадцатой заставы в нашу сегодняшнюю советскую действительность.

Его золоченые погоны с зелеными просветами, боевые ордена на выцветшей гимнастерке как бы говорят: «Да, это нерушимая правда! Советская власть возвратилась навсегда на эту древнюю землю!»

Из окна хаты Карпьяков мне хорошо видно Забужье. Там, за линией Западного Буга, за бело-красными столбами Польской республики также виднеются широкие массивы обобществленных польским правительством земель графов Дзедушицких и Потоцких. И там к владению ими пришли давние знакомые Баштыков, Карпьяков и других колхозников — польские батраки, рабочие, крестьянская беднота.

Поговорите с любым из колхозников Скоморох — они не налюбуются, как споро и дружно работают их польские братья за Бугом.

Ветер доносит в Скоморохи не только звон колокола, начинающего новые трудовые дни и дающего знать о пе-

перывах на обед, но и постоянный, неумолкающий гул тракторов. Польские труженики обрабатывают тракторами более 700 десятин бывшей графской земли. С нашего, советского берега видно, как усаживаются трактористы за баранки рулей, как выходят на поля ведомые ими машины.

Когда тракторы повсрачиваются радиаторами к советскому берегу, острые лучи зажженных фар достигают улиц Скоморох.

Десятилетие назад, когда Юлиане Баштык или Никите Пеньковскому доводилось проходить мимо сверкающих огнями венецианских окон палаца Дзедушицких в селе Паторица, они поевживались от страха, вынужденные глубоко скрывать негодование на знатных тунеядцев, обосновавшихся здесь.

Теперь же, при виде света тракторов, что пахут ночами на сопредельной стороне бывшую графскую землю, на душе у скоморошан становится легко и радостно.

После обеда лейтенант говорит мне:

— Прошное тринадцатой заставы вы уже знаете. А известно ли вам, как по боевой эстафете принимали от пограничников их воинскую доблесть регулярные войска Советской Армии здесь же, над Бугом. Я могу показать вам на моем участке то, что вас, несомненно, должно заинтересовать.

...Машина мчится узенькими проселочными шляхами через поля к Равщине. Метелки созревающих овсов бьют по крыльям машины. Вечереет, и солнце спускается к польскому селу Бояничи.

— Здесь остановимся,— говорит лейтенант и, как только шофер затормозил машину, первым, словно с коны, спрыгивает на землю.

Мы проходим по двору на окраину маленького хуторка, даже не обозначенного на многих картах, и шагаем межой к какой-то черной отвесной стене. Она выглядывает, слегка приподымаясь над полями, из огромной глиняной воронки. Уже совсем вблизи мы узнаем одну из долговременных огневых точек, выстроенных здесь перед самой войной.

Железобетонные незамаскированные ее стены будто забрызганы смолой. По этим пятнам застывшего термита угадываются прямые попадания термитных снарядов.

Фашисты думали накалить ими железобетон и с помощью высокой температуры выгнать наружу защитников дота.

Какая судьба постигла воинов, оборонявшихся в этом не достроенном еще укреплении?

Словно угадывая мои мысли, лейтенант-пограничник говорит:

— Как только мы пришли к Бугу осенью 1944 года, я стал выяснять у крестьян историю этого дота. Его строили здесь не военно-инженерные войска, а крестьяне окрестных сел. Видите, им оставалось еще немного: засыпать его отовсюду землей да замаскировать под окружающую местность.

На хуторе располагались регулярные войска, или, как здесь их называли в отличие от пограничников, «рококовцы». Жили они по хатам, а когда началась война, командир, по званию капитан, собрал их и привел сюда. Захлопнули они за собой вот эту дверь броневую и оборонялись здесь три недели. Вы подумайте только — три недели! Чем питались они все это время — ума не приложу?! Раз точка еще не была закончена, то и запасов продовольствия, наверное, не было?

И вот, когда немецкие танки той дорогой на Тартаков пошли, команда дота открыла по ним огонь. «Несколько танков, — рассказывают крестьяне, — сразу подшибли. Машины горят, а фашисты, кто уцелел, — в жи-то скачут...»

Ночью гитлеровцы тягачами эти танки обратно в Забужье повезли. Ну, а потом, когда основные силы немцев прорвались туда, на Луцк, стреляли уже тише. Наверное, снарядов у них было маловато. Рассказывают, что гестаповцы советских воинов газом задушили. А потом пригнали из Сокаля несколько старых евреев, дали им брезентовые рукавицы и заставили их по доскам залезать внутрь дота и через бойницу вытаскивать задушенных советских бойцов. Евреи вытащили всех бойцов вместе с капитаном и зарыли их тут же в поле. А после этого гитлеровцы перед дотом расстреляли и стариков. Вот, давайте спустимся вниз, я покажу вам на стене следы пуль.

Мы рассматриваем, стоя на дне оврага, окружавшего дот, чуть заметные следы выстрелов. Я вспоминаю, как уже давненько в одном из барачков для немецких воен-

нопленных бывший старший лейтенант 11-й танковой дивизии армии генерала фон Клейста, инженер Людвиг Дитц в беседе со мной несколько раз упоминал о каком-то «бункере» в полях за Сокалем, из которого советские воины в первое утро войны сбивали немецкие танки, мчавшиеся к Стоянову.

Один из немногих уцелевших гитлеровцев первого удара, пойманный в сталинградском кольце, Людвиг Дитц рассказывал:

«По всей нашей армии пошел слух об этом «бункере». К нему были подтянуты пехотные части, саперы, а его люди все равно не сдавались и продолжали поджигать германские танки, задерживая наше продвижение этой дорогой. Мы уже под Москвой были, в Истре, а офицеры все еще вспоминали этот первый «бункер», который встретил нас убийственным огнем на советской земле».

— Поедемте дальше,— предлагает мне начальник пограничной заставы.

Мы возвращаемся к машине, и она увозит нас в лесную чащу.

Песчаной дорогой, под высокими соснами, мы подъезжаем еще к одному доту, построенному на лесной опушке, с бойницей, обращенной к границе.

— И здесь точно также фашисты уничтожили защитников дота газом,— рассказывает лейтенант.— Разница лишь в том, что этот гарнизон сопротивлялся до 28 июля 1941 года, больше месяца...

Мы пробираемся внутрь дота и, освещая фонариками скрюченные от огня арматурные прутья, видим следы неравной борьбы. Повсюду белеют под нарами полусожженные кости неизвестных воинов нашей Родины, валяются стреляные гильзы противотанковых снарядов, раздутые патроны.

Затерянный в лесной глуши, гарнизон этого дота оказался отрезанным от основных сил Советской Армии в первые часы войны. У засевших здесь воинов была полная возможность бросить огневую точку, прорываться лесами на восток, к своим, или, наконец, выбросить белый флаг и капитулировать, как это им неоднократно предлагали немцы. Однако воины дота, выстроенного на лесной опушке, в каких-нибудь трехста метрах от границы, предпочли смерть с оружием в руках постыдной

капитуляции. У смертельной черты, где каждую минуту могла оборваться их жизнь, они были по-прежнему советскими людьми!

Что ни предпринимали гитлеровцы, им так и не удалось обычными военными средствами заставить сдаться людей советского гарнизона, защищавших в тылу ушедшей на восток немецкой армии честь своей Родины.

Лишь глубокой ночью с 27 на 28 июля 1941 года фашисты подвели к серому, тоже еще не замаскированному доту баллоны с отравляющими веществами и, надев маски, пустили газ.

Кто знает, если бы не газ, как еще долго мог бы сопротивляться гитлеровцам этот маленький гарнизон, близкий сосед тринадцатой заставы и других пограничных укреплений, которые стояли на линии первого удара немецких войск?

Из глубоких подвалов, наполненных особой, неповторимой тишиной, мы взобрались на жесткую макушку этого опорного железобетонного укрепления, созданного здесь на средства советского народа.

Вокруг нас шумели прибужские леса, и за свинцовой полоской реки уходили на запад желтеющие поля теперь уже не вражеской, а дружественной нам державы.

И я подумал о том, что со временем здесь, на лесной опушке, будет воздвигнут навечно величественный памятник, как и над развалинами тринадцатой «Лопатинской заставы».

Уже сейчас пограничной заставе, расположенной неподалеку от руин маленькой крепости над Западным Бугом, присвоено имя лейтенанта Алексея Лопатина.

Командир заставы и его верный боевой друг — политрук Павел Гласов навсегда занесены в списки части.

В начале января 1958 года на заставу пришла радостная весть: Указом Президиума Верховного Совета СССР лейтенанту Алексею Васильевичу Лопатину за мужество и героизм, проявленные в борьбе против фашистских захватчиков при защите государственной границы в период Великой Отечественной войны, присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

И каждый день, как только солнце начнет спускаться

ся за Сокаль, новый начальник заставы, производя боевой расчет, громко и торжественно называет имена героев:

— Герой Советского Союза лейтенант Лопатин!

— Политрук Гласов!

А правофланговый отвечает:

— Пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины!

«Возникнут,— думал я, слушая шум ветра, гнушего верхушки молодых сосен и дубов,— строгие и величественные памятники по всей линии Западного Буга, где погибли с оружием в руках на самых первых рубежах Великой Отечественной войны советские воины в зеленых фуражках. И, может быть, у этих памятников, под развернутыми боевыми знаменами бывалые офицеры будут ежегодно приводить к присяге молодых пограничников».

Когда же настанет то желанное время, о котором некогда рассказывали надписи советских пограничных арок, когда «Коммунизм сметет все границы!», — отовсюду, из окрестных украинских сел, из Польши и от далеких Судетских гор в народные праздники станут приезжать сюда люди. Они будут приносить к памятникам живые цветы и склонять головы перед прахом героев, отдавших свои жизни за мир народов, за светлое будущее человечества!

13. ЖИВЫЕ ПРОДОЛЖАЮТ СЛАВУ МЕРТВЫХ

Послесловие

Можно было бы закончить рассказ об исключительном подвиге, совершенном советскими людьми на прибужской земле. Но ведь жизнь дописала за эти годы новые страницы в историю старинного украинского села; в жизни Скоморох и живых людей, о которых мы вспоминаем, произошло немало изменений. Мне бы хотелось, хотя бы даже бегло, рассказать о них читателю.

Когда мы сегодня проезжаем улицами Скоморох, повсюду глаз обнаруживает новые дома, хозяйственные постройки, каких не было здесь и в помине еще так не-

давно. Это — и ответ врагам, и вещественное утверждение той силы, что так долго таилась в закабаленном народе и была выпущена на широкие просторы общественной и личной инициативы Советской властью.

Уже почти до самых развалин старой заставы подходят конюшни, коровники, здание пилорамы. Вырос здесь и клуб со зрительным залом на триста мест; повсюду вечерами в селе горит электрический свет, слышатся звуки радиопередач. В двух библиотеках колхоза население получает литературу по любым вопросам. В селе создан музей тринадцатой заставы.

А над центральной усадьбой колхоза имени Сталина возвышается кирпичная водонапорная башня. Над ней гордо развевается алое знамя Советской страны. Смотришь, как трепещет на ветру тугое, беспокойное полотнище государственного флага Советской Отчизны, и мысли невольно возвращаются вспять, к июлю 1941 года, к тем первым и очень трудным для всего советского народа дням, когда вот здесь же, наперекор врагам, вилось простреленное, закопченное дымом пожара, такое же неумирающее знамя. Кровь людей, что воевали под ним и за него, не пролилась напрасно.

Потрясенные зримым примером мужества советских пограничников, жители Скоморох ежедневно продолжают дело павших. Одной из первых последовала этому примеру высокого патриотизма Ульяна Баштык, скромная и никому тогда не известная крестьянка, что в лихолетье фашистской оккупации не согнулась, не сдалась, осталась советским человеком и протянула руку помощи семьям пограничников.

В августе 1954 года колхозники Скоморох встречали дорогих гостей.

У городского пионерского лагеря собрались уже тысячи жителей Сокаля. И вот здесь-то Баштык, впервые после долгой разлуки, обняла Анфису Лопатину, крановщицу Ковровского экскаваторного завода. Анфиса Лопатина приехала в отпуск в Скоморохи с двумя своими сыновьями. Даже Ульяна Даниловна с трудом узнала в юношах, одетых в форму Ташкентского суворовского училища, тех самых Славика и Толю Лопатиных, которых скрывала она и кормила все годы оккупации.

Как радостно было увидеть Анфисе Лопатиной на груди у своей спасительницы Ульяны Даниловны Золо-

тую Звезду Героя Социалистического Труда и сине-малиновый значок депутата Верховного Совета Украины. Все эти признаки большого доверия и оценки заслуг Баштык советским народом, да и все остальное, что увидели Лопатины в возрожденном колхозе над Бугом, подчеркивали, как выросла скромная украинская колхозница за эти послевоенные годы.

Ее голос, прозвучавший с трибуны Колонного зала Москвы, слушали делегаты 4-й Всесоюзной конференции сторонников мира. Выражая волю украинского народа к миру, страстно бичуя поджигателей войны, Ульяна Баштык делала это, зная, что пригретый реакцией генерал Людвиг Крювель, намечаемый одно время на должность главнокомандующего западногерманской армией, — тот же самый захватчик, который в июне 1941 года посылал клейменные свастикой танки 11-й немецкой дивизии через Сокальский мост на советскую сторону к Равшине.

Теперь он снова думает повторить такие же кровавые рейды по дорогам Европы, для этого возрождает вермахт в Западной Германии и, выполняя задание своих новых боссов, спешно восстанавливает германский генеральный штаб.

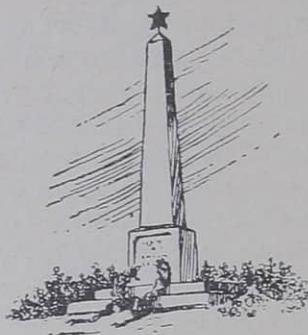
Мы знаем и помним обо всем этом.

Знакомы хорошо с происками крьювелей и колхозники Скоморох. Именно поэтому, собравшись на торжественный митинг в августе 1954 года у могил Лопатина и Гласова, они с таким волнением слушали звонкий голос суворовца Славика Лопатина:

— Мы поклялись с братом Толей быть достойными отца. Мы тоже станем хорошими офицерами и будем верными защитниками нашего любимого Отечества.

...Тихо шумели в тот полдень над могилами высокие березы и осины. Алело вдали на юру, высоко в небе, ярко освещенное солнцем знамя на водонапорной башне. Еще дальше виднелись копры первых шахт Львовско-Волынского угольного бассейна, недавно открытого здесь советскими людьми. Одной из них — самой лучшей по добыче шестой шахте — горняки присвоили имя Алексея Лопатина. Птицы, пролетая к Бугу, роняли над кронами деревьев обрывки веселых путевых песен. А в тени деревьев у засыпанных живыми цветами могил героев стояли в безмолвии труженики освобожденной при-

бужской земли, пограничники в зеленых фуражках, пионеры. Они слушали торжественную клятву Славика Лопатина и многим казалось, что устами мальчика говорит весь советский народ. Его память остра. Он не забывает потерь войны. Вооруженный подвигами своих героев, народ знает, что в пути, по которому он идет, ему всегда надобно держать порох сухим!

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
1. Очень старое это село	5
2. Перед грозой	10
3. Памятный рассвет	24
4. Большие надежды	34
5. «Гости» на мотоциклах	43
6. Рушатся этажи	50
7. Прилетят ли?	58
8. Самая трудная ночь	67
9. От Любомля до Перемышля	74
10. Клятва в тумане	94
11. Свои и чужие	101
12. У старой заставы	112
13. Живые продолжают славу мертвых . . .	123

Владимир Павлович Беляев

ГРАНИЦА В ОГНЕ

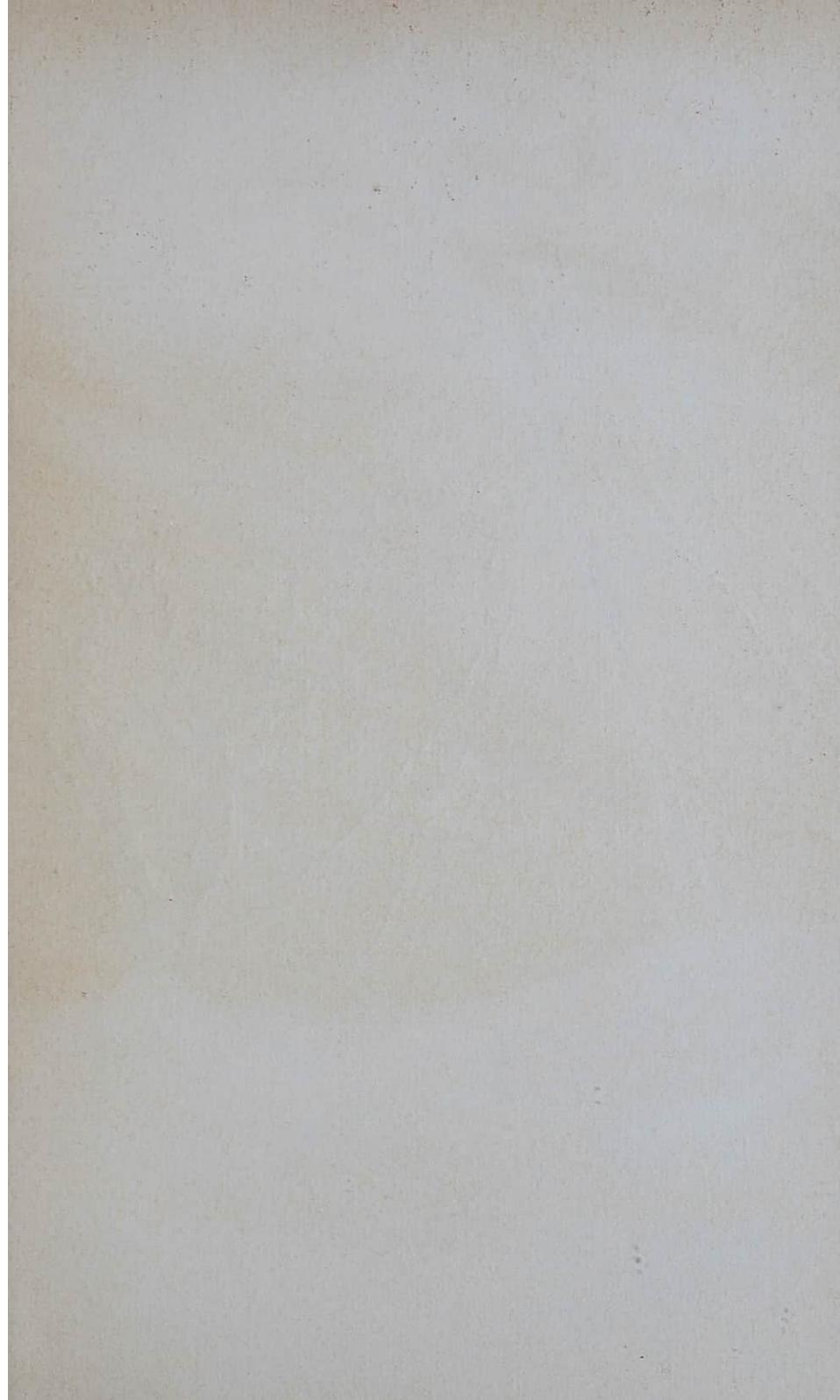
Редактор *Д. Г. Прокофьев*
Художник *М. Я. Борисов*
Художественный редактор
В. А. Орлов
Технический редактор
А. И. Панкратов
Корректор *Е. М. Лобова*

Сдано в набор 7|V-1958 г. Подписано
к печати 20|V-1958 г. Бумага 84×108^{1/2}_{из}
4 печ. л.—6,56 усл. печ. л., 6,35 уч.-
изд. л. Тираж 15 000 экз. КЕ 02791,

Ивановская обл. типография,
г. Иваново, Типографская, 6.

Заказ 1522

Цена 1 руб. 90 коп.

1 р. 90 к.

Ивановское
книжное издательство
1958

